

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 3 / 2023

Том 29

DOI: 10.19181/nko.2023.29.3

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК.
Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2023

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Синх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, ISPR FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University; North-Western Institute of Management – Branch of RANEPА.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Sacc, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

К читателю	8
----------------------	---

ВОСПОМИНАНИЯ

Тощенко Ж. Т., Черныш М. Ф., Зубок Ю. А., Левашов В. К., Вишневский Ю. Р., Певная М. В., Ковалева А. И., Ростовская Т. К., Волков Ю. Г., Березутский Ю. В., Байков Н. М., Бабинцев В. П., Романович Н. А., Шаповалова И. С., Райдугин Д. С., Кубякин Е. О.

Владимир Ильич Чупров — Учёный, Коллега, Учитель, Наставник, Друг. Эпоха длиною в жизнь	9
--	---

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.</i> Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры	39
---	----

<i>Певная М. В., Минченко Д. В., Белов А. А.</i> Мотивация в саморегуляции волонтерской деятельности молодежи	53
--	----

<i>Проказина Н. В.</i> Коммуникативные практики молодежи в реальном и виртуальном пространствах	69
---	----

<i>Чанкова Е. В.</i> Социокультурная дифференциация проявлений коммуникативной компетентности молодежи	82
--	----

<i>Сорокин О. В., Любутов А. С.</i> Социокультурные девиации молодежи в сфере межличностных взаимодействий: саморегуляция и моделирование	98
---	----

ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

<i>Александрова О. А.</i> Ценность или бремя: как доверие молодежи институтам социального государства влияет на их будущее?	109
---	-----

<i>Кочетков А. В.</i> Государственная молодежная политика: поиск интегративной модели управления	120
--	-----

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

<i>Сушко П. Е.</i> Социальное благополучие и социальная успешность российской молодежи . . .	136
---	-----

<i>Шаповалова И. С.</i> Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи . . .	150
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Кублицкая Е. А.

Миграционные и социально-политические ориентации религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи 164

Денисова Г. С., Авдеев Е. А., Воробьев С. М.

Риски конфликтности межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодежи 185

OPENING ADDRESS

To the reader	8
-------------------------	---

MEMORIES

Toshchenko, J. T., Chernysh, M. F., Zubok, Yu. A., Levashov, V. K., Vishnevsky, Yu. R., Pevnaya, M. V., Kovaleva, A. I., Rostovskaya, T. V., Kovalyova, A. I., Rostovskaya, T. K., Volkov, Y. G., Berezutskiy, Yu. V., Baykov, N. M., Babintsev, V. P., Romanovich, N. A., Shapovalova, I. S., Raidugin, D. S., Kubyakin, E. O.
Vladimir I. Chuprov – Scientist, Colleague, Teacher, Mentor, Friend. Life-long epoch 9

RESEARCH OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN CIVIL SOCIETY

Zubok, Yu. A., Seliverstova, N. A.
Youth views about the future of the country in the projection of culture 39

Pevnaya, M. V., Minchenko, D. V., Belov, A. A.
Motivation in self-regulation of youth volunteer activities 53

Prokazina, N. V.
Communicative practices of youth in real and virtual spaces 69

Chankova, E. V.
Sociocultural differentiation of manifestations of youth communicative competence 82

Sorokin, O. V., Lybutov, A. S.
Sociocultural deviances of young people in the sphere of interpersonal interactions: self-regulation and modelling 98

POLITICS AND SOCIAL SPHERE OF SOCIETY

Aleksandrova, O. A.
Value or burden: how do youth trust in the institutions of the welfare state affect their future? 109

Kochetkov, A. V.
State youth policy: search for an integrative model formation 120

SOCIAL STRUCTURE AND STRATIFICATION OF SOCIETY

Sushko, P. E.
Social well-being and social success of Russian youth 136

Shapovalova, I. S.
Self-assessment of financial status and social strategies of youth 150

SOCIOLOGY OF RELIGION*Kublitskaya, E. A.*

Migration and socio-political orientations of religious and non-religious student youth 164

Denisova, G. S., Avdeev, E. A., Vorobev, S. M.

Risks of inter-ethnic conflict in the North Caucasus in the perceptions of youth 185

К ЧИТАТЕЛЮ

Этот номер журнала посвящается Владимиру Ильичу Чупрову, чье 85-летие мы могли бы отпраздновать 8 августа. Выпуск задуман не просто как дань памяти Учёному, но и как продолжение его идей и замыслов.

С именем Владимира Ильича Чупрова ассоциируется, прежде всего, академическая школа социологии молодёжи. Главный вклад Владимира Ильича — развитие теории социологии молодёжи. Благодаря его усилиям, отрасль столь хорошо теоретически и методологически фундирована. Поэтому лучшим продолжением дела его жизни было бы теоретическое осмысление социальных явлений и процессов, протекающих в молодёжной среде, механизмов взаимодействия молодёжи и общества как части и целого.

Разработке теоретических основ социологии молодёжи он посвятил всю свою жизнь. Развивая академические традиции в социологическом исследовании молодёжи, он считал необходимым рассматривать её в целостности — единстве всех сторон жизнедеятельности и во всём многообразии связей и отношений с обществом. Он исходил из того, что понять молодёжь невозможно без анализа более широкого контекста общественных изменений, а приблизиться к пониманию перспектив этих изменений не получится без изучения молодёжи как субъекта общественного воспроизводства. Осмысление направленности изменений, как и преемственности социальной жизни, по его убеждению, должно осуществляться через культуру. Функционирование механизмов целенаправленной регуляции и саморегуляции он рассматривал в классической и неклассической парадигмах, предложив инструменты к пониманию глубинных оснований жизнедеятельности общества и различных его групп.

Тематический выпуск содержит раздел воспоминаний о Владимире Ильиче и статьи по проблемам молодёжи. Нарратив воспоминаний приоткрывает его многогранную личность. О Владимире Ильиче как об учёном, коллеге, учителе и человеке рассказывают те, кто имел возможность и радость с ним сотрудничать долгое время. Воспоминания отразили его главные личностные свойства: страстную преданность делу, принципиальность и любовь к людям. Будучи настоящим Учёным, известным в профессиональном сообществе, он с юмором относился к тщеславию, поэтому в воспоминаниях о нём мы позволили себе удалить некоторые эпитеты, которые он называл «навеличиванием».

Приглашая авторов к участию в подготовке тематического номера, мы следовали главной идее, которая для нас, его учеников, стала своего рода заповедью: стараться понять глубинные социальные механизмы, знание которых позволит зафиксировать тренды в молодёжной среде и стремиться объяснить их происхождение. Объединение усилий молодёжников, работающих в рамках самых разных научных школ и направлений, Владимир Ильич считал важной задачей развития социологии молодёжи как отрасли социологического знания. В представляемом номере читатель увидит не только разнообразие тематик, но и подходов, развиваемых авторами.

*Редакторы тематического выпуска,
Ю. А. Зубок, Н. А. Селиверстова*

EDN KHPLOE

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЧУПРОВ — УЧЁНЫЙ, КОЛЛЕГА, УЧИТЕЛЬ, НАСТАВНИК, ДРУГ. ЭПОХА ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Делай вопреки, делай от руки.
Мир переверни, небо опрокинь.
В каждом наброске, в каждом черновике –
Учитель продолжается в своём ученике.
Василий Вакуленко (Баста). Сансара

Жан Терентьевич Тощенко, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

С Владимиром Ильичом мы познакомились в то время, когда он работал в социологической группе ЦК ВЛКСМ. Это было одно из первых социологических подразделений в Советском Союзе, возникших наравне с научными подразделениями в Уральском и Ленинградском университетах, в Институте философии АН СССР. Они назывались по-разному, в комсомоле были обозначены как «социологические группы». Инициатором создания этих групп был секретарь ЦК ВЛКСМ Ю. В. Торсуев. Именно этим незаурядным руководителем была скомплектована команда молодых, ищущих и стремящихся сказать своё слово людей. Все они имели непрофильное образование, Владимир Ильич – экономическое, всех объединяло желание участвовать в становлении нового теоретического и практического поиска резервов по работе с молодёжью. Вероятно, будет не лишним сказать, инициативной группой в составе Ю. Торсуева, В. Васильева, В. Мордковича, В. Шубкина было подготовлено письмо на имя Н. С. Хрущева с обоснованием важности развития социологических исследований в стране и об использовании их в практике воспитательной работы с молодёжью. Как рассказывал после встречи с Н. С. Хрущевым первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов, Никита Сергеевич сказал: «Не знаю, нужна ли социология, но пусть комсомол попробует. Ваше дело молодое, получится, распространим Ваш опыт, а не получится – выдерем». Через три месяца, в декабре 1964 г. при ЦК ВЛКСМ была создана группа социологии. Первоначально она состояла из трех человек: В. Васильев (руководитель), А. Кулагин и В. Чупров. В дальнейшем, в неё были включены Э. Абгарян, Т. Порфирьева, В. Григорьев, В. Бовкун, Б. Владимиров и Г. Журавлев. Все члены этой группы одновременно учились новому ремеслу, апробировали свои и заимствованные методики. Были и интересные попытки дать свои рекомендации по работе с молодёжью. К этим консультациям был привлечён и я, как бывший секретарь Красноярского *сельского* (были и такие) крайкома комсомола и, в те времена, аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС.

12 февраля 1965 г., Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление «Об участии комсомольских организаций в проведении конкретных социальных исследований по вопросам воспитания молодёжи». В нем, в частности, содержалась ре-

комендация создать при ЦК ВЛКСМ союзных республик, обкомах и горкомах комсомола общественные институты по изучению молодёжных проблем на базе существующих кафедр и лабораторий высших учебных заведений. Это не могло не дать свои результаты и явилось мощным стимулом для организации в стране сети социологических подразделений по исследованию молодёжи. Уже через год их насчитывалось более сорока. Наиболее активную и квалифицированную работу проводили социологические группы в Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, Перми, Иркутске, Красноярске и Воронеже.

Использование разветвлённой сети территориальных комсомольских органов, международных связей Комитета молодёжных организаций способствовало быстрому налаживанию широкой координации в области социологии молодёжи как внутри страны, так и за её пределами, позволило осуществить ряд крупных общесоюзных и республиканских опросов молодёжи. Так, первое всесоюзное социологическое исследование было проведено в 1966 г. к XIV съезду ВЛКСМ (руководители – Ю. Торсуев и В. Васильев). Выборочная совокупность составила около 10 тыс. человек в возрасте от 14 до 28 лет. В течение пяти лет по самым различным проблемам во всех союзных республиках были проведены и другие представительные исследования. Некоторые итоги этого и ряда других исследований нашли отражение в книге Ю. Торсуева¹.

Много усилий было направлено на расширение научных связей с другими, в основном социалистическими странами, на поддержку деятельности научных подразделений, изучающих проблемы молодёжи. Внимание было уделено и подготовке социологических кадров, которую проводили как на базе Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, так и на местах.

Трудно переоценить и значение научных конференций для активизации контактов между учёными, в том числе международных, проведённых под эгидой комсомола. По прошествии десятилетий многие социологи с удовлетворением вспоминают конференцию «Молодёжь и социализм» (1967 г.), ставшую заметной вехой в развитии отечественной молодёжной науки.

Конечно, на первом этапе это были экспериментальные исследования, во многом ещё уязвимые с точки зрения совершенства, но они послужили предтечей того направления в социологической науке, которое потом приобрело название «социология молодёжи» и которой посвятил свою творческую жизнь Владимир Ильич.

Дальнейшие наши встречи неоднократно множились на различных научных конференциях, симпозиумах, вряд ли их стоит перечислять. Я бы выделил следующие социальные роли В. И. Чупрова. *Чупров как организатор* масштабных исследований, которые он проводил со своими коллегами и учениками (аспирантами), что нашло отражение в личных и коллективных монографиях, сборниках статей и материалов научных мероприятий. *Чупров как эксперт*. Я знаю немало случаев, когда при обсуждении результатов исследований, претендующих на публикацию статей, подготовленных к защите диссертаций, слово Владимира Ильича всегда звучало весомо, доказательно и убедительно, даже если эта оценка была не всегда лицеприятна. *Чупров как носитель энциклопедических знаний по проблемам молодёжи*. Наиболее достойный, имеющий свою продолжительную жизнь ему памятник – это словарь «Социология молодёжи»², который

¹ Торсуев Ю. В. Социальное управление и молодёжь. М., 1969. 65 с.

² Социология молодёжи. Энциклопедический словарь / Российская академия наук, Институт социально-политических исследований, Московский гуманитарный университет, Российский государственный социальный университет; отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. 606 с. ISBN 978-5-87444-283-5. EDN SBXXMR.

он подготовил со своей верной ученицей и достойной продолжательницей его идей Ю. А. Зубок. *Чупров как педагог*. Я был неоднократным свидетелем того, как он терпеливо, обстоятельно анализировал в присутствии самих студентов и аспирантов их тексты, как не только критиковал, но и показывал, рекомендовал возможные пути и методы их совершенствования, не жалея времени повторял мысль, если она не улавливалась слушающими. И наконец, Чупров как коллега, который всегда располагал к общению с ним, порождал желание встречаться по обсуждению как научных, так и текущих проблем нашего бытия.

Михаил Федорович Черныш, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

Так получилось, что после окончания аспирантуры я оказался в секторе молодёжи. Сектор возглавлял Владимир Ильич Чупров, опытный учёный, на тот момент — кандидат наук. Путь в науку он начал с исследований молодёжи, привязался к этой теме и в уже зрелом возрасте продолжал ею заниматься. В полном соответствии со своим названием сектор у него получился молодёжный, зубастый, задиристый. В отличие от руководителей других научных подразделений Института социологии Владимир Ильич поощрял в коллективе дискуссию, иногда в ущерб себе, ибо попробуй, поставь молодым социологам предел, если на дворе 1985 год, свобода пьянит, а сердца требуют перемен. Обсуждения получались настолько острые и критичные, что часто выходили за границы приемлемого, и Владимир Ильич отвечал, спорил, тоже эмоционально, тоже критично, но всегда без сердечной злобы, без злопамятства, всегда заинтересованно. В институте он был влиятельным человеком, входил в Учёный совет и партком, пользовался уважением маститых коллег и в этом качестве задиристую молодёжь продвигал, создавал для неё возможности роста, помогал каждому настолько, насколько мог. Мне казалось, что в этом деле протезирования своих он иногда даже перебарщивал. Помню, как я после месячной командировки в Вологодскую область, должен был немедленно сойти с корабля на академический бал и сдавать кандидатский экзамен по истории социологии, который принимали мэтры этой дисциплины — Юрий Николаевич Давыдов и Леонид Григорьевич Ионин. Билет мне достался лёгкий и никаких серьёзных проблем не сулил — Зиммель — ещё кто-то из любимых классиков. Каково же было моё удивление, когда в аудитории появился Владимир Ильич. Он очень хотел помочь и решил, что всю вину за то, что у соискателя не было времени на подготовку, должен взять на себя. Давыдов и Ионин его всячески успокаивали: да не волнуйтесь, Владимир Ильич, он же отлично отвечает, всё идёт хорошо. Эта особая сердечность, с которой он относился к людям, к тем, кто с ним работал, осталась в памяти, он ещё не раз проявлялся в этом качестве, самоотверженно помогая коллегам, тем, кто был рядом. Уже после того, как я ушёл из сектора, узнал, что тяжело заболела машинистка Людмила, общая наша любимица, образцово готовившая к изданию секторские сборники и наши диссертации. Владимир Ильич делал всё, что мог, искал лучших врачей, лучшие лекарства, дошёл до Александра Георгиевича Спиркина, того самого философа, который писал книги о сознании, и который к тому же знал многих целителей, людей необычных, с загадочными способностями. До самых последних дней Людмилы Владимир Ильич помогал ей всем, чем мог. Это тот уровень человечности, который встречается нечасто, но который делает этот мир добрее, светлее.

Сектор молодёжи Института социологии был настоящей Меккой для молодых учёных из разных советских республик, «салатницей», в которой смешивались выходцы из Грузии, Армении, Осетии, республик Прибалтики, Туркмении, смешивались и общались дружески, не питая вражды или взаимных претензий. Атмосфера была творческая, не только в плане науки, но и в обсуждении искусства, жизненных коллизий. Мне импонировал Альварс Табунс, наш латвийский аспирант, чёткий, организованный, но при этом общительный, с чувством юмора. Владимир Ильич, да и все мы помогли ему как могли, и он успешно защитился. Каково же было моё изумление, когда я узнал, что, вернувшись домой, Табунс возглавил националистическое движение за выселение русских из республики. Странные метаморфозы случились и с другими аспирантами из Прибалтики. С одной из бывших коллег я как-то пересёкся на одной из международных конференций, но она, гордо отвернувшись, сделала вид, что меня не знает, что мы с ней никогда прежде не виделись. Но это было скорее исключение, чем правило. Как правило, наши аспиранты и сотрудники, вернувшись домой, продолжали сохранять дружеские связи с сотрудниками сектора, с уважением относились к альма матер, открывшей им дорогу в науку.

В сектор молодёжи я попал в самый разгар подготовки большого общероссийского исследования «Социальное развитие молодёжи», которое планировалось проводить на общероссийской выборке. Владимир Ильич настаивал на том, чтобы вопреки набирающей силу тенденции делать скорострельные опросные проекты на горячие темы, мы всё делали по правилам – готовили обширную теоретическую программу, состоявшую из четырёх обширных разделов, разрабатывали несколько взаимосвязанных инструментов, тестировали их на больших выборках. Некоторые из наших сотрудников участвовали при этом в лонгитюдном исследовании Мика Титмы «Начало пути». В определённом смысле это конкурирующий проект, но Владимир Ильич нисколько не мешал участию в нём. Он исходил из того, что молодой учёный растёт особенно быстро тогда, когда сам, самостоятельно выбирает поле приложения сил, а дело руководителя мягко его направлять, подсказывая как лучше сделать то, что он сам задумал. К стати говоря, проект «Начало пути» и его продолжение «Пути-дороги» канули в лету, не оставив о себе, по сути, ни плохой, ни хорошей памяти. Года три назад, реализуя проект «Социальная мобильность» я получил, наконец, в своё распоряжении файлы этого проекта, но, покопавшись, понял, что вернуть их к жизни, сделать базой анализа невозможно. Слишком много ушло времени, наработки, коды, задумки проекта были растрочены, пущены на ветер его руководителями, замкнувшими проект на себе и отправившими его на хранение за рубеж. Секторский проект «Социальное развитие молодёжи», между тем, живёт: проводятся новые исследования, публикуются книги и статьи.

Конец 80-х стал временем, когда идеологические основы советского государства зашатались, когда открылись многие факты, бросавшие тень на пройденный государством путь. Казалось, что стоит только отказаться от старых, отживших коммунистических догм и наступит иное время – время открытости, справедливости, свободы. Атмосфера этого периода на многих действовала опьяняюще: хотелось, чтобы советская архаика стала фактом истории, и страна зашагала, наконец, вперёд семимильными шагами развития. Социологи по определению – это порода людей, которым свойственен скепсис, любые громкие лозунги или обещания они, как правило, сопоставляют с теми представлениями о прогрессе и хаосе, которые укоренены в их дисциплине. Удивительно, но факт: в той атмосфере многие социологи тоже потеряли способность к критическому анализу.

Вся критика, на которую они были способны, была обращена в прошлое, на те просчёты, ошибки и преступления, которые помешали стране реализовать имеющийся у неё огромный потенциал.

Несмотря на всё то, что происходило вокруг, Владимир Ильич сохранял социалистические убеждения, твёрдую уверенность в том, что только социализм может быть адекватным основанием для развития, только справедливость общественных отношений может быть фундаментом осовремененной страны. Помню мы спорили с ним о Ельцине. Я считал Ельцина человеком мужественным и принципиальным, политиком, который, оказавшись на вершине власти, приложит максимум сил для того, чтобы побороть нарастающий цинизм и коррупцию в бюрократическом аппарате. Владимир Ильич придерживался противоположных позиций, он имел свои источники информации и старался убедить меня в том, что Ельцин – прохвост и разрушитель, пьяница и циник, ищущий в провоцируемом им хаосе возможность продвижения собственных властных интересов. Горячие споры и противоречия разрешились самой историей, наглядно продемонстрировавшей цену наивности «уверовавших» в благие намерения новой власти, в успех «молодых реформаторов», принявших безжалостно рушить хрупкое здание российской государственности. Взгляды Владимира Ильича казались тогда слишком консервативными, слишком ангажированными партийной линией, идущими вразрез с духом времени. Но в исторической перспективе – и это надо признать – они имели под собой гораздо более прочный фундамент, чем суждения оппонентов.

Владимир Ильич мог спорить, отстаивать свою точку зрения, но он никогда не превращал идеологические противоречия в повод для гонений, для ущемления чьих-либо интересов. Сотрудники, работавшие в возглавляемом им секторе, успешно защищались, делали научную карьеру, публиковали статьи и книги. Этой терпимостью Владимир Ильич отличался от многих коллег, которые, публично исповедуя идеалы свободы и демократии, на микроуровне сводили идеологические счёты, стремясь подальше «задвигать» тех, кого считали своими идеологическими оппонентами. Вопрос о том, кому принадлежит печальное «первенство» в изобретении культуры отмены и замалчивания – консерваторам или либералам – не снят с повестки дня. В значительной степени «отмена» или «принятие» иной точки зрения – это вопрос личной культуры учёного, его способности мириться с «цветущей» сложностью умственных миров и полагаться на эту сложность как на ту среду, в которой вызревает научный результат.

Владимир Ильич был советским человеком в полном смысле этого слова. Надо пояснить, что «советскость» не считаю ни качеством, достойным критики, ни тем, что нужно безусловно восхвалять. Строго говоря, «советскость» не соответствует какому-нибудь одному социальному типу. Так называемый «советский простой человек» – это не более, чем идеологический конструкт, приём обличения русской культуры в той форме, которую она приняла в советский период. Как любой всеобъемлющий идеальный тип, он находится на значительной дистанции от тех реальных людей, которые жили и работали в разные периоды советской истории. Осовская, сделавшая предметом своего исследования рыцарскую и буржуазную мораль, приближаясь к хронотопу описываемой этики, находила в изучаемой культуре разные, несхожие типы: воины в Древней Греции и средневековой Германии, придворные рыцари и джентльмены, пуритане и буржуа времён Великой французской революции. В советской стране жили разные люди, разные типы, о чём свидетельствует не только мемуаристика, не только художественная литература, но и то, как эти типы выживали в период, по-

следовавший за распадом СССР. Кто-то обнаруживал полную беспомощность и выживал на грани существования, кто-то, потеряв надежду, отправлялся в поисках счастья в более благополучные страны, кто-то шёл в предпринимательство, брал на себя риски и – такое тоже бывало – погибал, пытаясь вырваться из «железной клетки» необходимости. Владимир Ильич, в отличие от многих коллег, остался в науке и в сложных условиях продолжил то дело, которое полагал для себя призванием. Он старался сохранить коллектив, хотя сделать это было нелегко: ресурсы, которыми располагали научные институты, находились на минимальных значениях. В какой-то момент обстоятельства развели нас по разные стороны. Вернувшись из длительной командировки за рубежом, я обнаружил, что Институт социологии разделился надвое – на собственно Институт социологии РАН под руководством профессора В. А. Ядова и Институт социально-политических исследований под руководством академика Г. В. Осипова. Владимир Ильич вместе с возглавляемым сектором выбрал ИСПИ РАН, я же остался в Институте социологии. Однако прошло время и два института воссоединились в одном Федеральном центре. Мы с коллегами из ИСПИ снова оказались в одной научной среде. В подобном воссоединении была своя логика. Былые противоречия ушли в историю, а наука столкнулась с новыми вызовами, возможно даже более сложными, чем всё то, чем она занималась прежде.

Профессор Чупров останется в нашей памяти как человек науки и человек долга, как пример того, кто сохраняет верность себе и в узком и широком смыслах этого слова в самые трудные времена. Он ушёл, но остались его ученики, учёные, которых он вывел в люди, которым помогал словом и делом. Остались книги и статьи, остались исследования, и те, которые уже стали историей, и те, которые продолжают в настоящее время.

Юлия Альбертовна Зубок, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социологии, руководитель Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Июнь 1993 года. Почти на руках диплом об окончании исторического факультета Харьковского университета, куда я уехала за мечтой, а родители ждут моего возвращения домой, в Москву. Смутное понимание, где себя применить и установка на всё хорошее, но только не преподавать (иначе зачем были такие сложности с переездом в другой город?), была сочувственно воспринята близким и дальним окружением. Через несколько рукопожатий стало известно, что в Академию наук, в отдел социальной структуры недавно созданного Института социально-политических исследований требуется лаборант-исследователь. Не найдя желающих, руководитель Отдела – Владимир Иванович Староверов подаёт объявление в службу занятости. Так информация попала сначала к моим родителям, затем ко мне. Сомнений не было никаких, сам факт происходящего уже казался огромной удачей. И возвращаясь в Москву, я уже точно знала, куда идти.

Встречу назначили на Ленинском, 32А, у здания РАН. Тщательно подготовившись с учётом того, как, по моему разумению, должна выглядеть соискательница должности в Академии наук, отправилась на собеседование.

Не помню, как долго мы разговаривали, но только Владимир Иванович вдруг резко останавливается и говорит: «Знаете, Вам лучше не ко мне». Я уже успела подумать, что получила отказ, а он продолжил: «Вам лучше к Владимиру Ильичу Чупрову». В структуру отдела тогда входило два подразделения – Сектор со-

циологии села, которым руководил сам В. И. Староверов, и Центр социологии молодёжи, возглавляемый В. И. Чупровым. Они были не только коллегами, но и добрыми друзьями. Я не понимала, чем было продиктовано такое решение. Но, как много лет спустя вспоминал В. И. Староверов, он попросту не распознал во мне будущего социолога села: «Ну какой из тебя, городской девочки, «деревенщик»?», сочтя резонным отправить к «молодежникам». «А вот, кстати, и Владимир Ильич...». К нам очень быстро приближался человек с открытой лучезарной улыбкой, заранее протягивая руку для приветствия. Узнав, что я и есть соискательница, которую решено направить в его Центр, очень весело отреагировал, пошутив и сделав комплимент. Стремительность, открытость, улыбка во всё лицо, протянутая для приветствия рука, бесконечно добрый юмор, внимательность и галантность – то, что вспомнят многие. Академическая наука выживала как могла. Надо было самим обеспечивать работу Центра, что называется, полный цикл «от» и «до», включая исследования, профессиональные связи, участие в мероприятиях, выступления в СМИ и прочее. Мы постоянно куда-то ехали, с кем-то встречались и всё время говорили, говорили и говорили. Обсуждали абсолютно всё. Любой эпизод общественной жизни превращался в кейс для социологического осмысления. Как же меня увлекали эти социологические опыты, развивавшие социологическое мышление и тренировавшие проницательность! Глубочайшая потребность всё детально обсуждать, даже самые, казалось бы, незначительные мелочи была обоюдной и неиссякаемой. Она перешла в привычку на все эти годы.

Ситуация в Академии ухудшалась, люди уходили совсем, или пытались совмещать несовместимое. В итоге мы с Владимиром Ильичом надолго остались практически вдвоём. Много времени уходило на преподавание, но своё направление удерживали. С каким упорством, деловито, последовательно, но без надрыва он вёл дела. Как много сил тратил на поиск средств для проведения фундаментальных исследований, как ценил всех, кто, готов был хоть чем-то помогать и поддерживать – интеллектуально, организационно, финансово. Это было время серых схем, активного наращивания практик «распила» и откатов, имитаций и обмана. Основательность, с которой Владимир Ильич подходил к организации работы уже не вписывалась в новую реальность. У одних она вызывала уважение, а у других – откровенное непонимание и раздражение: «Этим сколько денег ни дай, они всё потратят на своё исследование».

Всё это ужасно нервировало и огорчало. Происходящее невозможно было воспринимать как досадные неурядицы, слишком болезненные удары наносились академической науке. На этом фоне непоколебимая убеждённость в значимости всего, что мы делали, не просто не покидала, но даже укреплялась. В ту пору, когда многие вынужденно оставляли молодёжную проблематику, рушились исследовательские коллективы и мельчали темы, становясь коммерчески «проходными», у нас не было никаких сомнений в правильности пути и необходимости продолжать своё дело. Было ощущение своего рода миссии – сохранять и развивать своё научное направление. И, когда меня лично накрывало замешательство, я думала, что же будет дальше, Владимир Ильич отвечал всегда очень спокойно: «Надо просто работать дальше, а что и зачем исследовать, мы уже определились». Эти слова имели невероятное терапевтическое значение. Да, действительно, какие могут быть вопросы, если у нас уже есть понимание происходящего и план будущей работы?

Не благодаря, а вопреки обстоятельствам, он буквально выносил на руках целую научную отрасль. Работа не прекращалась ни в выходные, ни в отпуск.

По большому счёту, это и была сама жизнь, в основе которой – высшие смыслы. Истинное проявление ценностной регуляции.

С Владимиром Ильичом было не только интересно, познавательно и надёжно, но легко, весело и свободно. Труженик и человек творческий, Владимир Ильич моментально распознавал и поддерживал таких же творцов и увлечённых трудяг. Нет, это не хищнический подход, примеров которого немало в академической среде. Работа с ним была подлинным сотворчеством. Он вдохновлял и вкладывался в людей, заботился и поощрял. Его отношение к людям – воплощение эмпатии, принятия, доброжелательности, повышенного внимания и учтивости. Личность его была исключительно притягательна сочетанием самых лучших человеческих проявлений. Он не лепил людей «под себя», а поддерживал их начинания и стремление подниматься над самими собой.

Поощряя развитие других, он и сам постоянно учился и развивался. Много ли мы знаем людей его поколения, кто оказался способен освоить компьютер до уровня, позволяющего самостоятельно работать в Word и SPSS? А он освоил и был совершенно независим. Поражало его свойство постоянно рефлексировать, переосмысливать собственные исследовательские подходы, преодолевая их методологические ограничения. Если в этом и было стремление идти в ногу с временем, то никак не конъюнктурное. Это был поиск адекватных способов описания механизмов функционирования изменяющейся реальности – задачи, которую он считал наиважнейшей.

Всё, за что бы ни брался Владимир Ильич, делалось по большому счёту, «без дураков», как он сам это называл, с большой любовью к делу и людям. Причастность к чему-то подлинному, настоящему не могла не увлекать. Он часто повторял: «Защититься не проблема, материала много, сделать диссертацию несложно. Но не это главное. А главное – стать специалистом». И у всех, кто оказывался рядом, срабатывал внутренний регулятор – сама собой определялась планка качества отношения ко всему – к работе, профессии, людям. Кто не был готов, не задерживались, а кто оставались, взамен получали всё – и опыт серьёзной работы, и пример академической этики, и новое знание. А ещё обретали в лице Владимира Ильича очень большого друга.

Он отличался невероятной проницательностью и глубоким знанием природы социальных взаимодействий. Фактически у него было два больших профессиональных увлечения – социология молодёжи и социология управления, хотя с последней его имя в массовом сознании едва ли ассоциируется. Меж тем, всю свою жизнь он преподавал социологию управления наряду с социологией молодёжи, разработал оригинальный курс лекций по социологии управления, изданный в РУДН, где много лет преподавал. В его основе – осмысление фундаментальных изменений, происходящих в механизмах социального взаимодействия. Размывание социологии управления, смешивание её с менеджментом и провалы в практике социального управления он переживал крайне остро.

Хорошо понимая все проблемы и задачи академической науки в целом, и социологической в частности, Владимир Ильич отчётливо видел её тупики и барьеры. Считал, что без подлинной междисциплинарности едва ли можно ожидать результативности. Сожалел о том, что не используются ресурсы академии в организации таких проектов в общественно-гуманитарной сфере.

Не зацикливаясь на переживаниях, он продолжал работать с таким отчаянием, которое может проявиться только перед лицом, наверное, самого тяжёлого экзистенциального противоречия: накопленного опыта, ясности идей, понимания целей и осознания конечности жизни, поэтому его так раздражало любое

В. И. Чупров, Ю. А. Zubok, О. В. Сорокин, ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2018 г.

отвлечение от главного. Он торопился. Торопился как можно глубже понять природу социальных изменений, культуру и её роль в общественной жизни, социокультурные механизмы, которые регулируют взаимодействия. И надо сказать, что многое удалось понять и осмыслить. Но сейчас вспоминается не столько то, что было сделано за эти без малого тридцать лет, а то, что мы с ним задумали, но не успели.

Но живёт Центр социологии молодёжи, созданный Владимиром Ильичом Чупровым. Развивается в том направлении, которое он заложил, реализуя планы, которые наметил, ориентируясь на принципы, которые сформировал. Вокруг Центра продолжают объединяться единомышленники, удивительно похожие своей увлечённостью наукой, творчеством, стремлением докопаться до самой сути. Были и остаются замечательные коллеги и партнёры, среди которых верный и надёжный «Квалитас» и его руководитель Нелли Александровна Романович, с которыми проведены все наши исследования. И, конечно же, сотрудники Центра. Нина Анатольевна Селиверстова – доктор социологических наук, профессор, подхватившая эстафету в самый тяжёлый для нас момент, по словам самого Владимира Ильича, человек очень творческий и вместе с тем скрупулёзный, стала мощной опорой Центра. Олег Владимирович Сорокин – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, выросший, как и я, из вчерашнего выпускника вуза, сформировавшийся в Центре социологии молодёжи, увлечённый «научный внук» Владимира Ильича, настоящее и будущее Центра. Анастасия Зайцева – кандидат социологических наук, научный, совсем ещё молодой учёный, думающий и динамично развивающийся исследователь, тоже его

будущее. Марина Борисовна Буланова – доктор социологических наук, профессор, глубокий исследователь, с бэкграундом философского факультета МГУ, специалист по теории и истории социологии, откликнувшаяся на приглашение о сотрудничестве. Александр Сергеевич Любутов – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, умеющий математически реализовать самые увлекательные аналитические опыты и эскерсисы. Это очень разные специалисты, что как раз и нужно для фундаментальных исследований молодёжи. И все они воплощают качества, столь высоко ценимые Владимиром Ильичом. А значит, развиваются его идеи и воплощаются мечты, развивается академическая школа социологии молодёжи В. И. Чупрова. И сам он тоже с нами, ему просто нельзя позвонить.

Виктор Константинович Левашов, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Французы говорят «Le style c'est l'homme», что в переводе означает «стиль – это человек». Неординарное мышление и открытый стиль научной коммуникации Владимира Ильича, красивое личное обаяние, хорошее воспитание и глубокое базовое советское образование составили суть его человеческой и научной натуры. Она помогла ему разбираться в людях и идеях, отделяя правду жизни от фальши и лжи, формируя близкий круг коллег в работе и учеников в специальности.

Заслуга Владимира Ильича Чупрова в теоретической и прикладной социологии, в первую очередь, заключается в том, что, последовательно разрабатывая проблематику молодёжи как социальной группы, он всегда в научных исследованиях старался выдерживать научный академический подход. В научных спорах и баталиях он крепко стоял на ногах и держал удар в дискуссиях, опираясь на опыт работы в комсомоле и живую практику, как критерий истины. Эти обстоятельства сформировали его характер и стиль.

В сообществе академической науки он успел сделать многое. Его идеи и работы были пионерскими и опережали время. Под его руководством была начата и продолжалась разработка теоретической концепции социального развития молодёжи. Выстроенная на принципе единства социально-философского и социологического знания, эта концепция системно фиксирует внимание исследователей на особом месте и роли молодёжи в процессах общественного воспроизводства и социальной структуре российского общества.

В своё время Владимир Ильич побудил меня заняться проблемами исследования динамики политической культуры молодёжи в контексте влияния массовой информации. Это произошло в ходе организации и проведения первой в нашей стране научно-практической конференции о политической культуре советского общества в середине 80-х годов. Конференция проходила на крымской земле, в Керчи – городе-герое со славными воинскими и трудовыми традициями. В беседах с В. И. Чупровым и коллегами обсуждались идеи и проблемы, которые и сегодня находятся в фокусе политической жизни нашего общества.

Прошло почти сорок лет с тех дней. Сегодня мы вновь обращаемся к исследованию актуальных проблем жизни молодёжи и её политической культуры в современном российском обществе. Связь времён и идей протянулась в наши дни. И в этом заслуга В. И. Чупрова, дорогого нам человека и коллеги, научную работу и мысли которого проверило время и отправило в будущее.

Юрий Рудольфович Вишневский, доктор философских наук, профессор, почётный профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, профессор-консультант кафедры социологии и технологий ГМУ Школы государственного управления и предпринимательства ИНЭУ УрФУ,

Мария Владимировна Певная, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Авторы этих строк о памяти советского и российского социолога молодёжи Владимира Ильича Чупрова люди, разные по возрасту, а потому и по опыту общения и сотрудничества с ним. Но мы едины в высокой оценке его вклада в становление, возрождение и развитие отечественной социологии молодёжи. Отметим, прежде всего, выдающуюся роль Владимира Ильича как организатора науки – «социология молодежи». Это проявилось в его активной работе в Центре социологии молодёжи при ЦК комсомола (с 1968 года). И особенно в создании Центра изучения молодёжных проблем при ИСПИ РАН, руководителем которого он стал. Одним из важнейших моментов в этой жизненной траектории, безусловно, является и первый в российской науке энциклопедический словарь по социологии молодёжи, объединивший не только предметное поле, но и людей – специалистов в этой отраслевой социологии. Однако значимость учёного особенно проявляется в тех идеях и положениях, которые обогащали и развивали отечественную социологию молодёжи. А этих идей и положений у Чупрова было немало.

Начать хотелось бы с его теории общественного воспроизводства. В ней подчёркивалось, что социальные качества молодого поколения связаны с ролью молодёжи в воспроизводстве социальной структуры. Справедлива и не теряет своей актуальности его оценка молодёжи как субъекта общественного воспроизводства. Это теория в какой-то мере связана с практическим запросом на устранение возникавшего в советском обществе страха потери ведущей роли рабочего класса. Молодые рабочие приходили на производство с более высоким уровнем образования и профессиональных знаний, опытное поколение производственных кадров не всегда могло оценить адекватно потенциал нового поколения, столь необходимого для развития. Именно В. И. Чупров просто, доступно и аргументировано смог доказать, что молодёжь как социальная группа обеспечивает социальное воспроизводство, а значит от неё зависит не только настоящее, но и будущее советского/российского общества. Всё гениальное просто. Благодаря такому подходу социология молодёжи полнее выполняла свою социально-защитную функцию, поскольку осмысление воспроизводственной значимости молодёжи значительно снижало накал критики и осуждения молодого поколения за незрелость, недостаточную активность, отсутствие опыта, неоднозначное поведение.

Ещё более значимой было дальнейшее развитие этой теории в концепции Чупрова о социальном развитии молодёжи. Подчёркивая субъектность молодёжи, социолог заметно расширил круг социальных функций этой социальной группы. Воспроизводственная функция была углублена и дополнена обоснованием инновационной и трансляционной общественными функциями. Инновационность и учла отмеченный нами выше возрастающий образовательный и профессиональный уровень поколения. Трансляционная функция представила как в теоретическом, так и практическом смыслах преемственность поколений качественно иначе. Акцент переносился с опыта, передаваемого старшим поколением, на восприятие этого опыта молодыми.

Огромнейшую роль сыграл следующий шаг в научном творческом развитии социологии молодёжи Чупровым. Владимир Ильич Чупров, его коллеги и ученики конкретизировали ставшее общепринятым положение об обществе риска. Глубокий смысл имело в этом направлении обоснование социальных рисков. Оно предполагало, что в обществе возникает два разных рода проблем, связанных с молодёжью. Одни определяются социальной незрелостью молодёжи, недостаточностью жизненного опыта, незавершённостью процесса её социализации. В итоге такое, достаточно распространённое понимание акцентировало риски, идущие от молодёжи обществу. Другие проблемы происходят от недооценки и недостаточного использования инновационного, творческого социального потенциала поколения молодых. Акцент на второй вид был особенно актуален, поскольку о первой писали педагоги, идеологи, профессионалы, а вторая группа проблем оставалась ранее мало заметной. К сожалению, данная идея длительное время не становилась ориентиром молодёжной политики в нашей стране. Во многом именно по этой причине наряду с целым рядом других социальных, экономических и политических противоречий наша страна пришла к затынутости и несовершенству российских социальных реформ.

Сегодня можно говорить о дальнейшем развитии и углублении социологической теории молодёжи В. И. Чупрова. Идея молодёжи как субъекта социального развития легла в основу теории саморегуляции, которая отражает субъектность молодёжи как способность активно и автономно существовать и действовать в изменяющемся обществе. Действительно полноценная, глубоко проработанная социологическая теория саморегуляции жизнедеятельности молодёжи стала краеугольным камнем в понимании механизмов смысложизненных выборов, социальных ожиданий и моделей поведения молодого поколения.

Учёного как личность лучше всего характеризуют его последователи и ученики. Культура научной деятельности Владимира Ильича нашла своё «воспроизводство» не только в серьёзных научных книгах и статьях, развивающих его идеи, но и в авторах этих трудов, которые развивают его подходы и сохраняют традиции научного поиска, а также и профессионального общения. Профессор Чупров никогда не бросался в полемику, не критиковал иные взгляды и позиции, расходившиеся с его убеждениями. Он умел интеллигентно, с большим уважением к оппонентам аргументировать именно свою точку зрения, находил убедительные доводы, деликатно стремился повлиять на изменение иных взглядов и позиций. Он всегда вызывал уважение к себе, притягивал и объединял совершенно разных, но заинтересованных и любящих социологию молодёжи людей, молодых и уже не очень.

Антонина Ивановна Ковалева, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета.

Многолетние исследования советского/российского социолога В. И. Чупрова, известного своими исследованиями проблем молодёжи, обретают особую значимость в современных условиях, когда остро обозначилась нехватка глубоко обоснованных разработок закономерностей социального развития молодёжи, её участия в общественной, политической, культурной, трудовой и других сферах.

Сложившаяся за время возрождения отечественной социологии ситуация в изучении молодёжи была многие годы благоприятна. Этому способствовала востребованность социологического исследования проблематики молодёжи, создание исследовательской группы социологов в ЦК ВЛКСМ и лаборатории изучения общественного мнения молодёжи, а затем и Научно-исследовательского

центра ВКШ при ЦК ВЛКСМ. Особая роль в развитии исследований проблем молодёжи в СССР во второй половине 80-х гг. XX века принадлежала Совету по координации научных исследований проблем молодёжи, созданному при ЦК ВЛКСМ, АН СССР, Минвузе СССР и АПН СССР.

В. И. Чупров как социолог и исследователь формировался практически у истоков возрождения отечественной социологии, которая с 60-х годов прошлого века приобретала свою легитимность, в первую очередь, в исследовании проблем молодёжи. По результатам этих исследований были опубликованы научные монографии и обозначены теоретические обобщения в рамках социологии молодёжи таких учёных, как И. С. Кон, В. Т. Лисовский, М. Н. Руткевич, М. Х. Титма, В. Н. Шубкин и др. В. И. Чупров, являясь сотрудником и руководителем научных подразделений Института социологии, затем Института социально-политических исследований РАН, стал активным создателем социологии молодёжи, обосновал многие современные подходы в изучении молодёжных проблем, опубликовал множество монографий и научных статей. Чупров, возглавляя отдел социологии молодёжи ИСПИ РАН, стал инициатором первого в мировой и отечественной практике издания — энциклопедического словаря «Социология молодежи»³ (2008). Он стал ответственным редактором этого энциклопедического словаря и автором многих статей. Воплощение замысла стало возможным не только в условиях назревшей общественной потребности и накопленного знания в исследовании проблем молодёжи, но во многом благодаря объединительной роли Владимира Ильича как неформального лидера научной школы изучения молодёжи с позиций социологических теорий. Чупров представлял собой исследователя с богатым опытом разработки фундаментальных теоретических и прикладных проблем социологии молодёжи, опираясь на принятые в социологии принципы эмпиризма, объяснения и теоретического обоснования полученных эмпирических данных, принцип ценностной нейтральности.

Чупрову принадлежит значительный вклад в разработку понятийного и терминологического аппарата и обоснование специфики научных исследований молодёжи. Это отражено практически во всех его работах и, прежде всего, в статьях, опубликованных в энциклопедических изданиях. Определяя молодёжь в широком смысле как группу общества, выделяемую на основе возрастных характеристик и связанных с ними основных видов деятельности, Чупров формулирует понятие «молодёжь» в более узком, социологическом смысле — «социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей»⁴. Анализируя предложенные другими авторами определения термина «молодёжь», отмечая сложность молодёжи как объекта исследования, Чупров не отрицает правомерность используемых подходов, отражающих те или иные стороны молодёжи и её жизнедеятельности.

В многообразии концепций отечественных исследователей молодёжных проблем Чупров подробно анализирует социологические подходы к определению молодёжи. Он группирует их следующим образом. *Во-первых*, выделяется кон-

³ Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Российская академия наук, Институт социально-политических исследований, Московский гуманитарный университет, Российский государственный социальный университет; отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. 606 с. ISBN 978-5-87444-283-5. EDN SBXXMR.

⁴ Чупров В. И. Молодежь // Социологическая энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд ; рук. научного проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов. М. : Мысль, 2003. С. 674–676.

цепция молодёжи как возрастной группы. Эта концепция отдаёт предпочтение высокой значимости возрастного сходства и психофизиологических особенностей молодых. При этом не замечаются другие особенности молодёжи и игнорируется влияние на неё социальной среды. Как отмечает Чупров, недооценка различий молодёжи в отношениях, поведении и стилях жизни приводит к сведению её к маргинальному слою общества и пониманию её потенциала как подготовительного этапа к взрослой жизни.

Во-вторых, рассматривается процессуальный подход к определению молодёжи (С. Н. Иконникова, В. Т. Лисовский, И. М. Слепенков и др.). Сторонники такого подхода определяют молодёжь с точки зрения охвата определённого этапа жизненного пути, а «молодость – процесс, в рамках которого возраст социально конструируется, институционализируется и контролируется историческими и культурными особенностями»⁵. Чупров, поддерживая эту позицию, подчёркивает, что границы молодости и критерии её возрастной периодизации существенно менялись на различных этапах развития общества. Стоит заметить, что в принятом 30 декабря 2020 года Федеральном законе № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» в Статье 2, п. 1 молодёжь, молодые граждане определяются как социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно («О молодёжной политике в Российской Федерации», 2020, 30 декабря). Эти возрастные границы существенно отличаются от предыдущих.

В-третьих, выделяется статусный подход в определении молодёжи. В группу сторонников этого подхода Чупровым отнесены исследователи (И. С. Кон, Ф. Р. Филиппов и др.), понимающие под термином «молодёжь» социальный статус, определяемый возрастом. Этот статус неоднороден и характеризуется промежуточностью социального положения молодёжи. В понимании социального статуса молодёжи Чупров поддерживает нашу позицию, основные положения которой опубликованы⁶. Социальный статус молодёжи отличает предписанность, предопределённость и лишь формирующаяся позиция молодых граждан. Ему характерны динамичность и перспективность, связанные с интенсивной вертикальной социальной мобильностью молодёжи, имеющей преимущественно восходящую, позитивную направленность. Перспективность статуса молодых связана также с завершением присвоения социальной субъектности и овладения различными профессиями и видами деятельности.

В-четвертых, особое место в анализе феномена молодёжи занимает выделение Чупровым субкультурного подхода (В. Ф. Левичева, А. И. Шендрик), в интерпретации которого молодёжь определяется в ракурсе её культурных особенностей. Молодёжные субкультуры характеризуют особую форму организации молодых людей, особое мировоззрение, стиль их жизни, образцы поведения, манеры, отличающий от других людей внешний вид и т.д. С помощью субкультуры происходит узнавание «своих». Молодёжная субкультура обозначает «совокупность артефактов, алгоритмов деятельности, а также ценностей, моральных и эстетических норм, которые создаются для регуляции поведения индивидов тем или иным молодёжным сообществом»⁷. И. С. Кон, определяя молодёжь как обладающую общими ценностями социокультурную общность, подчёркивал, что «современная молодёжь не является социально и культурно

⁵ Чупров В. И. Молодежь // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 267–270.

⁶ Ковалева А. И. Статус социальный молодежи // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 481–482.

⁷ Шендрик А. И. Субкультура молодежная // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 495–497.

однородной. За общностью черт молодёжной субкультуры стоят глубокие социально-классовые, гендерные, национально-этнические, идеологические и культурные различия»⁸. В своих работах Чупров раскрыл эвристические возможности субкультурного подхода в исследованиях молодёжи, обращая внимание на многообразие молодёжных субкультур и возможных оппозиций молодёжи к обществу и его культуре.

В-пятых, Чупровым выделен также рискологический подход в определении молодёжи, обоснованный Ю. А. Зубок. По оценке Чупрова, этот подход приобретает особую актуальность, когда «риск становится общим основанием современности»⁹. Риск рассмотрен Зубок теоретически и показан на эмпирическом материале как одно из сущностных свойств молодёжи, а также фактор её социального развития и жизнедеятельности во всем многообразии связей молодёжи с обществом.

Следует особо отметить, что осмысление феномена молодёжи представлено во многих теоретических и прикладных исследованиях Чупрова. Им предложен оригинальный подход, обосновывающий возможность глубокого рассмотрения молодёжи с позиций социологии. Это особое достижение автора, так как оно позволяет осуществить анализ проблем молодёжи с различных сторон, опираясь на используемые, а также на практически не применявшиеся в изучении молодёжи методы. Социальная сущность молодёжи определяется Чупровым с точки зрения её роли и места в системе общественного воспроизводства. В работах по вопросам социального развития молодёжи, её становления как субъекта общественного производства и общественной жизни Чупров показывает, что молодёжь выполняет такие основные социальные функции, как воспроизводственная, инновационная и трансляционная функции, реализуя свои потенциальные и побудительно-мотивационные сущностные силы специфическими способами деятельности.

Научный подход к анализу проблем молодёжи, заключающийся в признании её активной и автономной от других социальных и культурных феноменов роли как социального субъекта, реализован Чупровым совместно с Зубок в исследовании социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодёжи¹⁰. На наш взгляд, такой подход позволяет сконцентрировать внимание не на всём поле понятийного аппарата социологии, а на его особом использовании и применении именно как совокупности категорий и понятий, характеризующих жизнь молодёжи в целом, и её особый аспект – саморегуляцию жизнедеятельности. Авторам удалось успешно реализовать цель по комплексному изучению оснований саморегуляции жизнедеятельности молодёжи в её культурном пространстве. Иначе говоря, это сконцентрированное в теоретическом и прикладном отношении внимание на одном из важнейших направлений социологических исследований, позволило проанализировать жизнедеятельность и культурное пространство молодёжи в изменяющейся реальности, смоделировать процесс саморегуляции жизнедеятельности молодёжи, сформулировать стратегические принципы реализации молодёжной политики в сфере культуры. Всё это в целом образует завершённую социологическую концепцию.

Совокупность идей Чупрова о многообразии возможных подходов в изуче-

⁸ Кон И. С. Молодежь // Социология молодежи. Энциклопедический словарь. Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М. : Academia, 2008. С. 270–272.

⁹ Чупров В. И. Молодежь // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М. : Academia, 2008. С. 267–270.

¹⁰ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М. : Норма, 2020. 304 с. ISBN 978-5-00156-082-1. EDN [WLJWBA](#).

нии феномена молодёжи показывает, что мы имеем дело с научно обоснованным, фундаментальным приращением теории в такой отрасли социологической науки как социология молодёжи.

К некоторым суждениям по поводу проанализированных работ Чупрова и его вклада в становление и развитие отечественной социологии молодёжи стоит добавить наше суждение о нём как о человеке, заметить отличительные черты его личности как учёного, которые проявлялись в течение многих лет нашего сотрудничества в ходе реализации различных проектов по социологии молодёжи. Владимир Ильич Чупров был профессионалом с большой буквы, обладал обширными знаниями в области социологии, был образцом в отношении к делу, требовательным к себе и к другим, корректным, честным и надёжным товарищем. Его отличали гражданственность и патриотизм, заинтересованность в развитии отечественной социологии и расширении научного сообщества исследователей, изучающих проблемы молодёжи, поддержка молодых исследователей и личная ответственность за состояние дел в отечественных научных школах социологии молодёжи.

Тамара Керимовна Ростовская, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Вспоминая В. И. Чупрова, доктора социологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, автора социологических концепций молодёжи и фундаментальных научных трудов, мы отмечаем огромный вклад Владимира Ильича не только в академическую науку, но и в государственную молодёжную политику. Понимая неоднородность социального статуса молодёжи, источники её социальных проблем, которые вытекают из её взаимодействия с трансформирующимся обществом, Владимир Ильич всегда отстаивал её интересы, принимая активное участие в разработке государственной молодёжной политики. Он имел непосредственное отношение к подготовке первого в СССР проекта Закона о молодёжи 1968 года и Закона СССР «Об общих началах государственной молодёжной политики в СССР» 1991 года, Указов Президента РФ в области ГМП, был автором и соавтором Государственных докладов о положении молодёжи и молодёжной политике в РФ. В 90-е годы Центр социологии молодёжи сотрудничал с Государственным Комитетом по молодёжной политике при Правительстве РФ, который в тот период возглавлял А. В. Шаронов. Это было очень плодотворное сотрудничество между органами по делам молодёжи и Академией наук.

Впоследствии Госкоммолодежи был упразднён, а вся молодёжная политика передана в ведение Министерства образования. Там, в начале 2000-х гг. на заседании рабочей группы по подготовке плана мер реализации Федеральной целевой программы «Молодёжь России (2000-2005)» мы и познакомились с Владимиром Ильичом. Вспоминаю бурные дискуссии на очередных совещаниях в Министерстве с представителями академического и профессионального сообщества, где Владимир Ильич активно выступал за открытие новой специальности «Организация работы с молодёжью» (в 2003 году открыли), пролонгирование программного подхода реализации государственной молодёжной политики, установление правового статуса молодёжи и категорий молодёжи. Его выступления были острыми, но обоснованными. Главным предметом критики с его стороны был, так называемый, «ведомственный подход», когда из поля зрения выпадали целые группы молодёжи и пласты социальных проблем. Тогда мно-

гие понимали ограничения, которые неизбежно влечёт за собой передача ГМП в Минобр, но Владимир Ильич был одним из тех, кто наиболее активно выступал за комплексный подход к молодёжи и молодёжной политике, видя в этом интересы и государства, и самих молодых людей.

Понятно, что такой широты научных и государственных интересов и удивительной скромности Человек не мог не привлекать к себе большое количество людей, работающих непосредственно с молодёжью, реализующих ГМП, многие из которых не без его влияния ушли в науку, стали исследователями. Огромным уважением Владимир Ильич пользовался не только у практиков, но и у всего профессионального сообщества сферы молодёжной политики. Научная школа В. И. Чупрова, которую продолжают его ученики — уникальная площадка для междисциплинарной коммуникации молодых исследователей с ведущими учёными и практиками по актуальным вопросам развития современной российской молодёжи и государственной молодёжной политики. А научное наследие В. И. Чупрова, включающее более 200 фундаментальных работ, трудно переоценить. Оно служит основой для глубокого и детального изучения проблем современной российской молодёжи и важнейшим ресурсом обоснования и реализации государственной молодёжной политики. Его исследования дают ключ к пониманию глубинных процессов в жизни молодёжи и общества. К его идеям ещё будут обращаться специалисты, работающие в области управления.

Юрий Григорьевич Волков, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета связывает многолетняя история тесной дружбы и научно-исследовательского сотворчества с доктором социологии, профессором, специалистом в области социологии молодёжи и социологии управления В. И. Чупровым. Научные труды Владимира Ильича стали для многих аспирантов, молодых исследователей и даже состоявшихся учёных методологическим фундаментом изучения молодёжной проблематики, в том числе на региональном южнороссийском уровне.

Более двадцати лет назад в Институте по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Ростовского государственного университета зародилась традиция, которую с удовольствием и творческим рвением поддерживал профессор В. И. Чупров. Практически каждый год событием февраля становился приезд профессоров Института социально-политических исследований РАН — Владимира Ильича Чупрова и Юлии Альбертовны Зубок. Они читали лекции и проводили мастер-классы для аспирантов и молодых учёных, где каждый имел уникальную возможность услышать интересные подходы к исследованию самых актуальных социальных проблем, найти точки роста в рамках работы над диссертационными исследованиями, лицом к лицу побеседовать с ведущими социологами.

Именно живое общение больше всего ценил профессор В. И. Чупров в процессе работы с молодыми исследователями. Однажды студенты его спросили: *«В чём Вы видите главное предназначение традиционного мастер-класса?»* Владимир Ильич ответил, не сомневаясь: *«Каждый специалист в своей области и каждый учёный накапливает определённый опыт. Если этот опыт признан окружающими и становится достоянием других, то должны быть способы и средства, с помощью которых этот опыт мог бы распространяться среди тех, кто стремится им овладеть. Сама форма мастер-класса предполагает способ передачи*

Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, Ю. Г. Волков. ИППК, Ростовский государственный университет, 2003 г.

В. И. Чупров на заседании диссертационного совета по философским и социологическим наукам при ИППК Ростовского государственного университета. Ведёт заседание заместитель председателя диссертационного совета В. И. Курбатов

накопленного опыта специалистами, достигшими известных результатов, молодым поколениям. Преимущество мастер-класса в том, что здесь этот опыт передается на конкретных примерах. Ещё одним преимуществом мастер-класса является то, что здесь есть возможность этот опыт корректировать, потому что никакой опыт не может быть универсальным: он обязательно приобретает некие специфические формы в зависимости от условий. Взаимность общения играет очень большую роль в мастер-классе». Более 50 лет педагогической деятельности, опыт академической работы в ряде московских вузов, чтение лекций в зарубежных университетах убедили Владимира Ильича в том, что образовательный процесс просто невозможен без прямого диалога профессорско-преподавательского состава со студентами. Он всегда был открыт для непринуждённого общения и консультаций.

Сложно представить, сколько кандидатских и докторских диссертаций по социологии молодёжи было подготовлено в рамках концепций, основоположником которых и соавтором является В. И. Чупров: прежде всего, концепции молодёжи как субъекта общественного воспроизводства и концепции социального развития молодёжи; рискологической концепции; социальной регуляции жизнедеятельности.

Владимир Ильич был большим другом диссертационного совета по философским и социологическим наукам при ИППК Ростовского государственного университета. На этой площадке он не раз выступал оппонентом, участвовал в научных дискуссиях, предлагал своё видение предмета исследования.

Примечательно, что приезды профессора В. И. Чупрова в гостеприимный Ростов-на-Дону не заканчивались исключительно формальной академической повесткой. Владимир Ильич неоднократно с коллегами из Ростовского государственного университета, а затем и Южного федерального университета, посещал знаменитые донские места, включая Старочеркасский историко-архитектурный музей заповедник.

Профессор В. И. Чупров – во всех смыслах уникальная личность. Всю жизнь посвятив изучению молодёжи, он смог сохранить в себе сочетание жизненной, зрелой мудрости и юношеского энтузиазма. Учёный. Мастер. Профессионал. Безусловно, Институт социологии и регионоведения гордится опытом академического и научно-исследовательского сотрудничества с Владимиром Ильичом и Федеральным научно-исследовательским социологическим центром. Каждое поколение формирует свой взгляд на мир и стремится оставить в нем свой особый след. Но мы можем быть уверены, что дело Владимира Ильича Чупрова будет жить, а достойные ученики будут хранить память, верность традициям и ценностям, которые формировались великими учителями.

Юрий Владимирович Березутский, кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной и воспитательной работе Дальневосточного института управления – Филиал РАНХиГС, г. Хабаровск,

Николай Михайлович Байков, доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского отдела Дальневосточного института управления – Филиал РАНХиГС, г. Хабаровск.

Ещё не будучи причастными к социологии молодёжи, мы в разные годы своей молодости были заочно знакомы с исследованиями Чупрова Владимира Ильича по молодёжной проблематике. Они были на слуху и в научном дискурсе других авторитетных социологов, работавших в области теории и методологии,

различных отраслях социологии (В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, Б. А. Грушин, Ю. А. Левада, И. С. Кон, В. Н. Шубкин и другие).

Позже, в Дальневосточной академии государственной службы, сформировался наш «социологический тандем», и мы начали вести активную преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность по широкому кругу проблем молодёжи Дальнего Востока России. Во многом эту специфику определил профессиональный интерес к социологии молодёжи, сформированный в том числе и под влиянием тех научных трудов, которые подготовил Владимир Ильич Чупров. Как в теоретическом, так и прикладном исследовательском плане они оказались для нас надёжным и обоснованным методологическим и методическим инструментом.

Несмотря на нашу разницу в возрасте и жизненный опыт, мы (наставник и молодой исследователь) основательно «погрузились» в изучение социологии молодёжи разных возрастных групп. Не случайно, что и методология диссертационного исследования на соискание учёной степени кандидата социологических наук по проблеме социального потенциала молодёжи, защищённая мною (Ю. В. Березутским), как молодым исследователем, в 2002 году, в значительной степени была сформирована на основе изучения научных трудов Владимира Ильича: «Молодежь России: социальное развитие» (1992 г.), «Социальное развитие молодежи: теоретические и прикладные проблемы» (1994 г.), «Тенденции социальных изменений молодежи: 1990-1998 гг.» (1999 г.), «Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы» (2000 г.).

Наша совместная заочная коммуникация в постсоветский период продолжалась через изучение научных публикаций Владимира Ильича как авторитетного социолога до 2011 года. Осенью этого же года наша команда социологов выиграла грант на организацию и проведение V Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь Востока России: история и современность». И в честь такого знакового события мы решили приложить все свои силы, чтобы во что бы то ни стало пригласить к нам, на Дальний Восток России, авторитетных социологов, изучающих молодёжную проблематику. И хотя лично мы с такими не были знакомы, но знали, что есть в столице тандем авторитетных учёных социологов-молодёжников «Чупров-Зубок». И мы загорелись этой идеей. По рабочим телефонам Института социально-политических исследований РАН связаться не удалось. Отправили своё «мотивационное письмо» (поддержите социологию на Дальнем Востоке!) Юлии Альбертовне Зубок: *«Уважаемая Юлия Альбертовна! Обращаются к Вам коллеги социологи из г. Хабаровска. Мы проводим 25 ноября 2011 года V Всероссийскую научно-практическую конференцию «Молодежь Востока России: история и современность». Учитывая особенности жизнедеятельности дальневосточной молодёжи, необходимость обмена опытом в социологических подходах к изучению положения и роли современной молодёжи в процессах преобразования общества, а также развития социологии молодёжи на Дальнем Востоке России просим Вас, как ведущего учёного в этой отрасли, принять участие в конференции и выступить с пленарным докладом. Если у Вас есть возможность пригласить ещё одного специалиста в области молодёжи, были бы очень Вам признательны. Все командировочные расходы наша академия берет на себя, плюс наше Дальневосточное гостеприимство».*

При этом, откровенно говоря, мы даже не рассчитывали на возможность приглашения Владимира Ильича, понимая его солидный возраст и длительность перелёта в Хабаровск. Шла вторая неделя, а ответа так и не было. Но случилось нечто невероятное, что по-другому и нельзя назвать. И Юлия Альбертовна,

Слева направо: Ю. В. Березутский, Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, Дальневосточный филиал РАНХиГС, г. Хабаровск, 2011 год.

Верхний ряд слева направо: Т. Г. Скурихина, Ю. В. Березутский, Ю. А. Зубок.
Нижний ряд: Н. М. Бойков, В. И. Чупров, г. Хабаровск, 2011 г.

и Владимир Ильич, которые, кстати, никогда не были раньше на Дальнем Востоке, выразили готовность прилететь к нам.

«Уважаемый Юрий Владимирович! Я очень признательна Вам за приглашение и думаю, что смогу приехать. Я разговаривала с Владимиром Ильичом Чупровым – профессором, заслуженным деятелем науки, ведущим специалистом

в этой области в отношении участия в конференции. Он дал принципиальное согласие. Если он сможет приехать – на мой взгляд, это будет большая удача».

И это по-настоящему была большая удача. Наверное, нет большей ценности, чем люди, которые тебя окружают, знакомство и общение с ними, профессиональное общение. А большая ценность, когда профессиональное общение соединяется с личным.

Три дня на хабаровской земле мы имели удовольствие профессионального и личного общения. Наша провинциальность («мы» и «ОНИ!!!») немного придавливала в ожидании встречи в аэропорту Хабаровска. Но куда-то она улетучилась после тёплой встречи, объятий... Почему-то сразу сложилось ощущение давнего знакомства и единства душ. И стало намного легче и проще в общении. Первое впечатление о Владимире Ильиче сохранилось навсегда. И при последующих встречах и общении оно лишь укрепилось. Простота и глубина, мудрость и рассудительность, лёгкость в общении. Чего стоит его широкая, такая приветливая и искренняя улыбка.

Владимир Ильич выступал на пленарном заседании нашей научной конференции с фундаментальным докладом «Полипарадигмальность в современной социологии молодёжи в условиях российских трансформаций», вызвавшим особый и неподдельный интерес как у профессионального сообщества, так и у студенческой молодёжи.

«Изменения, происходящие в российском обществе в постсоветский период, характеризуются не однолинейной направленностью, а множественностью трансформаций. Они являются следствием неопределённости, сложившейся в этот период, что отразилось в непоследовательности проводимых реформ, в противоречивости возникающих ситуаций в различных сферах жизнедеятельности общества. Это отразилось на молодёжи, в силу её социально-групповых особенностей, и предопределило полипарадигмальность современной социологии молодёжи. Общая направленность данного процесса определяется в русле перехода от рассмотрения молодёжи как объекта воздействий со стороны общественных институтов к изучению её субъектности в общественной жизни», — подчеркнул в своём докладе Владимир Ильич. А мы слушали, задавали вопросы, обсуждали. И понимали, что это происходит здесь, в Хабаровске.

Много было за эти три дня неформального общения, встреч, экскурсий, поездок, дегустаций. Мы постарались сделать пребывание Юлии Альбертовны и Владимира Ильича, двух профессионалов и просто замечательных людей, на дальневосточной земле насыщенным, интересным, продуктивным, комфортным и запоминающимся. Таким, как эта встреча и знакомство, стали для нас. А в особенности их пожелание в автографе подаренной на обратном пути в аэропорт совместной монографии «Социальная регуляция в условиях неопределённости»: *«Дорогому Юрию Владимировичу с искренним уважением и самыми добрыми пожеланиями больших научных успехов от авторов. 27.11.2011».*

Спасибо, Владимир Ильич, что Вы были и есть в нашей жизни и памяти...

Валентин Павлович Бабинцев, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Воспоминания о человеке обычно начинают так «Впервые я встретился с ... (ним) в ... (дата)». Однако, обращаясь к истории нашего почти тридцатилетнего профессионального и, хочется сказать, дружеского общения с Владимиром

Ильичом Чупровым, я не могу вспомнить, когда же состоялась наша первая встреча. И объясняю это не качеством своей памяти, а характером его присутствия и участия в моей жизни, да и, возможно, многих коллег из довольно неоднородного сообщества белгородских социологов. Меня не оставляет ощущение, что он «был всегда» и, вопреки всему, продолжает оставаться с нами, доброжелательно вглядываясь в нас и мудро улыбаясь с фотографий, размещённых на обложках его замечательных книг.

Эта мудрость и доброжелательность к окружающим, как мне кажется, ещё в памятные 90-е выделяли его среди других лидеров, определявших развитие социологии молодёжи. Среди них было немало знаковых имён, ярких личностей, умевших не только блестяще вести профессиональные дискуссии, но и за пределами официальных мероприятий собирать вокруг себя восторженных поклонников. Достаточно вспомнить здравствующих сегодня И. Ильинского, Ю. Вишневого, ещё молодых в то время А. Козлова и Т. Петрову и, к сожалению, ушедших от нас В. Лисовского, В. Родионова, Вал. Лукова.

Владимир Ильич на их фоне не выглядел «покорителем умов и сердец». Но именно его слова, сказанные спокойным и даже, на первый взгляд, скучноватым тоном, побуждали вслушиваться и вдумываться в заложенные в них смыслы, поражающая точностью терминов и глубоким философским содержанием и логикой.

Мне представляется, что самый серьёзный вклад В. И. Чупрова в социологию молодёжи и в российскую социологию вообще заключается в формулировке, реализации и защите принципа всесторонней теоретической обоснованности разрабатываемых концепций, в доказательстве необходимости понятийной строгости и терминологической точности. Это, безусловно, не отрицает высокой оценки проведённых им и коллегами обширных и репрезентативных эмпирических исследований, его организаторского таланта, позволившего в сложные кризисные времена сохранить сеть анкетёров-интервьюеров по всей России. Но для меня Владимир Ильич остаётся, прежде всего, одним из наиболее ярких разработчиков теоретико-методологических оснований социологии, сформулировавших множество идей, которыми он постоянно делился с окружающими.

И здесь я не могу не сказать о главных, на мой взгляд, человеческих качествах Владимира Ильича, которые заключались в его открытости окружающим, внимательности и доброжелательности к людям, готовности тратить свои силы и своё время для помощи всем тем, кто, действительно, был намерен заниматься наукой, а не имитировать псевдонаучные проекты. Не припоминаю случая, чтобы он, даже будучи в весьма преклонном возрасте, отказал в поддержке мне или моим аспирантам и соискателям, отказался приехать и прочитать лекции, выступить оппонентом на защите диссертации или экспертом по научно-исследовательскому проекту. Сколько раз, не считаясь со временем, он приезжал к нам в Белгород, и каждый его приезд давал новый импульс для развития не только научной школы социологов молодёжи, но и профессионального развития всего социологического сообщества.

Вместе с тем, нельзя не отметить его высокой требовательности и к себе, и к тем работам, которые мы, иногда довольно беззастенчиво пользуясь безотказностью Владимира Ильича, предлагали ему для оценки или для редактирования. Каждую из них он тщательно вычитывал, дополняя своими комментариями, изложенными на многих страницах. И как порой было неловко, если предлагаемые нами тексты оказывались не вполне завершёнными или недостаточно выверенными.

Но в то же время он никогда не устраивал «разносов» авторам, стремясь не продемонстрировать их некомпетентность, но поддержать и показать направления дальнейшей работы.

С Владимиром Ильичом было очень интересно общаться. Обладая огромным профессиональным и жизненным опытом, он великолепно знал историю развития российской социологии, к которой сам имел прямое отношение. Но знания его не ограничивались лишь профессиональной тематикой. Крайне точными и взвешенными были его оценки нашей современной жизни, его профессионально обоснованные заключения относительно её противоречий и проблем, его боль за те «нелепости», которые мы творили своими руками.

И рискну сказать: он был социологом, поскольку не просто наблюдал и фиксировал социальную реальность, но был в неё погружен, ощущая всей своей сущностью специфику того, что сегодня называют социальным хронотопом, а попросту – жизнью.

***Нелли Александровна Романович*, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал), генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас».**

Моя первая встреча с Владимиром Ильичом произошла на железнодорожном вокзале. Я привезла в Москву из Воронежа заполненные анкеты, и меня встретил на перроне элегантный мужчина с седыми висками и добрыми глазами. Шли сумбурные 90-е годы, и 90 процентов моей жизни тогда занимала дорога. Для всех, вступивших в конце прошлого века на стезю социолога, это было нормой: «дальняя дорога» выпадала с утра до вечера. Сначала дорога к респонденту, которого нужно опросить, затем дорога к заказчику, которому нужно сдать анкеты.

Владимир Ильич принял анкеты и спросил: «Мне Вас рекомендовали как хорошего полевика, но ведь Вы и научной работой занимаетесь?». Я подтвердила, что написала кандидатскую о методах исследования. «Вот и хорошо. Будем проводить исследования с учётом Ваших рекомендаций, а затем делать анализ с учётом моих», – улыбнулся он. И мы начали работать вместе, несмотря на то, что жили в разных городах.

Со временем выработался такой алгоритм: Владимир Ильич разрабатывал анкету. Я её тестировала и предлагала внести исправления. В моей практике не было более внимательного человека, который столь же чутко прислушивался к рекомендациям по изменению его собственной работы (анкета ведь вышла из-под его пера!). У нас практически не было споров в этом сенситивном процессе, всегда находились и принимались разумные аргументы. Правда, разговор на эту тему мог длиться часами, поэтому мы дружно приветствовали появление Скайпа и других менее затратных средств связи, чем междугородный телефонный звонок.

После утверждения окончательного варианта анкеты начиналась моя работа – организация исследования, зачастую всероссийского масштаба. Здесь я всегда ощущала его поддержку, как говорит современная молодёжь: «24x7». В любой момент я могла позвонить ему, чтобы откорректировать выборку или заменить населённый пункт для опроса. Он был доступен и утром, и вечером, и в будни, и в выходные. Всегда я находила сочувствие, понимание, дельные советы. Вспоминается трепетное отношение Владимира Ильича к полемому инструментарию – анкетам, заполненным респондентами, которые хранились у него в рабочем кабинете десятки лет, хотя максимальный срок хранения, рекомендуемый международными организациями, составлял лишь четыре года.

По окончании поля и завершению электронной обработки анкет наступал самый ответственный момент – подготовка отчёта, который порой становился фундаментом для будущей монографии. Владимир Ильич распределял задания между своими учениками – кто какую тему будет освещать в этой работе. Я бесконечно счастлива и горда была тем, что меня тоже включали в «команду Чупрова» и предоставляли возможность стать соавтором коллективной монографии. Все полученные материалы Владимир Ильич приводил к «общему знаменателю»: делал идентичными таблицы, графики, манеру изложения материала и форму подачи результатов исследования. Припоминаю наш спор с ним по поводу того, стоит ли показывать десятичную дробь в результатах или же округлять их до целых. Я была сторонником округления, поскольку погрешность измерения была больше десятичной дроби и составляла несколько единиц. Но Владимир Ильич убедил меня в обратном следующим аргументом: «Если внимательный читатель будет сравнивать числа из текста с табличными данными, то он должен увидеть то число, которое его заинтересовало. Поэтому числа должны отличаться «хвостиком», то есть десятими долями процента. Пусть «хвостик» не имеет социологического значения, зато он удобен для читателя». Я была сражена такой предусмотрительностью и заботливостью о комфорте будущих читателей нашей книги.

Забота и внимание к окружающим были отличительным качеством нашего дорогого Учителя (хочется называть его так, потому что вольно или невольно мы все учились от него не только работе с текстом и восприятию научных истин, мы учились правилам поведения в научной среде и бережному отношению к своим коллегам). Несчётное количество раз Владимир Ильич помогал мне в моих передвижениях по Москве, в запутанных маршрутах, когда нужно было доставить анкеты в разные точки столицы почти в одно и то же время. Наши проникновенные разговоры о судьбах науки социологии в России происходили обычно на вокзалах, когда профессор провожал меня на ночные поезда, так естественно проявляя человеческую чуткость и рыцарскую сущность своей благородной натуры.

Однажды, когда мы сидели в зале ожидания, прислушиваясь к объявлениям о движении поездов, Владимир Ильич расспросил о предмете моего социологического интереса. Внимательно выслушав, он что-то набросал на листке бумаги и, передав его мне, сказал: «Вот план Вашей будущей докторской диссертации, если я правильно уловил то, что Вас интересует». Я взяла листок с названиями глав и параграфов. «Как видите, диссертация почти готова... Вам осталось только наполнить этот план содержанием», — улыбнулся он. Как я благодарна сегодня этим деликатным толчкам, которые помогли мне выбраться из затягивающего плена повседневной работы и продолжить научные изыскания!

Как Учитель и консультант в научной работе он оказался в равной степени и деликатен, и требователен. Отталиваясь от его замечаний, мне пришлось переписывать свою диссертацию восемь раз, чтобы отшлифовать основные мысли и идеи. Благодаря помощи и его мудрому руководству моя докторская диссертация была написана и защищена. Для меня навсегда останется примером бережное отношение Учителя к тексту своих учеников, какие бы глупости они не писали. Никогда Владимир Ильич не перечёркивал, не удалял мой текст, только выделял синим шрифтом то, с чем он не согласен, предлагая красным шрифтом свой вариант. Согласиться с его предложением или отвергнуть – это всегда оставалось на моё усмотрение.

После защиты докторской диссертации мой опыт пребывания в уютном конце его деликатной заботы взрастил во мне ещё одно имя, с которым я к нему

**Слева направо: Е. В. Чанкова, Н. А. Романович, В. И. Чупров, Ю. А. Зубок.
После защиты Е. В. Чанковой докторской диссертации, ИСПИ РАН, 2018 г.**

мысленно обращалась: «Отец». Только забота отца могла быть такой всеобъемлющей... Она несколько утешила моё сиротство, которое я ощущала после ухода родного отца в 2004 году. И вот так случилось, что в 2021 году я осиротела во второй раз, опять потеряв Учителя и Отца в одном лице... Эту утрату ни восполнить, ни облегчить... Таких людей больше нет или, по крайней мере, мне не встречались люди, которые могли бы сравниться с Ним по благородству, щедрости души, отсутствию эгоизма, преданности своему делу, увлечённости научными поисками и прочим превосходным человеческим качествам.

Одно утешает – он успел меня чему-то научить... Поймала себя на том, что не перечёркиваю несуразные тексты своих студентов, а выделяю синим шрифтом сомнительные места, а красным предлагаю свои варианты. Запасуюсь терпением при проверке текстов аспирантов, пока шлифуется диссертация. Усвоила себе его мысли, повторяю некоторые выражения, копирую иногда манеру поведения. Учитель остаётся жить в своих учениках. А ещё осталась его команда, успешно выполнившая в 2022 году работу, которую он всегда возглавлял. Команда под руководством проф. Юлии Альбертовны Зубок выпустила новую книгу по результатам всероссийского исследования: «Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование». Хочется думать, что смерть не абсолютный, а лишь относительный феномен, если твоё дело продолжают твои ученики...

Инна Сергеевна Шаповалова, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодёжью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Мне повезло познакомиться с Владимиром Ильичом, когда мы выполняли достаточно крупный проект, связанный с рисками среды обитания. Было просто удачей, что Владимир Ильич согласился войти в состав творческого коллектива, так как проект был сложнейший, конфликтный и такой же рискованный, как сама проблематика, которой он посвящён. Я, ещё молодой учёный, не до конца понимала все риски, и теперь, вспоминая, поражаюсь мудрости и великому терпению Владимира Ильича, с которым он общался со мной и другими «молодыми и горячими» исполнителями. Помню, как первый раз пришла к нему в Институт социально-политических исследований РАН и ужасно боялась, прямо тряслась, что он будет меня ругать за то, что не продумала целый ряд моментов, связанных с реализацией проекта, и теперь придётся решать, как сделать запланированное, да ещё в сжатые сроки. Но ничего такого не было, не знаю, что на самом деле думал Владимир Ильич обо мне в тот момент, но он спокойно опросил меня по основным задачам, указал, что может быть сложно для выполнения и стал обсуждать уже с Юлией Альбертовной, что нужно делать в сложившейся ситуации. И я успокоилась, поняла, что дело в «надёжных руках».

Мы работали над проектом почти три года, и Владимир Ильич терпеливо объяснял нам ошибки, которые мы совершаем. Вместе с Юлией Альбертовной направлял все наши «научные фантазии» в нужное русло. У него я училась делать системные инструменты исследования, глубоко анализировать социальную ситуацию. Но самое главное – это то, что я запомнила навсегда, как он умел даже в самой конфликтной ситуации создать рабочий и позитивный настрой. Я помню, как мы ездили на стажировку в Германию, и там Владимир Ильич всегда умело переключал нас всех с делового на человеческое общение, разряжал обстановку, делая ситуацию комфортнее.

Я очень ценю и ценю Владимира Ильича как учёного, наставника. Мне повезло общаться с ним близко, видеть, как он работает, как объединяет коллектив, но первое, что всегда вспоминаю, когда думаю о нем, это его добрую улыбку, которая появлялась на его лице, когда он видел мою сумочку с собачкой. Он был замечательным, добрейшим и чудесным человеком!

Дмитрий Сергеевич Райдугин, кандидат философских наук, доцент департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ.

С Владимиром Ильичом мы познакомились в 2011 году на конференции в Краснодаре. В то время мы с Евгением Олеговичем Кубякиным, совсем ещё молодые провинциальные исследователи, воспринимали приезд каждого известного автора как сверхординарное событие и использовали любую возможность общения так, будто она была распоследнейшей во всей нашей жизни. В подавляющем большинстве случаев общение с «видами», так вот мы их, немножко завидуя, называли, ограничивалось пленарными заседаниями. Если повезёт, то на следующий день кто-то из них останется на конференции и забредёт в твою секцию. Но это уже прямо джек-пот, что называется. Его нужно было использовать «на полную катушку», включая старших коллег во все обсуждения, апеллируя к их позиции так часто, как это только возможно. И очень-очень важно было с ними подискутировать. Не имеет значения, о чем именно: важен сам биогра-

фический факт того, что «я вступил в полемику с тем-то и с тем-то. Он мне даже свою книжку подписал (после этого)!». Ведь после предыстории с дискуссией формулировка «Уважаемому коллеге с наилучшими пожеланиями от автора» на форзаце, безусловно, играет другими красками.

Разумеется, буйный и местами наш навязчивый энтузиазм не всегда встречал благодарный отклик от людей, которые приехали выступить, как-то интересно провести время, отвлечься от повседневной рутины, обзавестись полезными связями, всё такое прочее. Вежливо, иногда немножко устало, но всегда очень тактично коллеги вырывались из этих вот наших восторженных объятий и устремлялись по своим делам.

В общем, тут появляется Владимир Ильич. Пленар: «уважаемые коллеги», «важная и актуальная тема конференции», далее – очень плотное, содержательное выступление, с половиной из положений которого сразу жуть как захотелось поспорить. Профессор Чупров все очень спокойно, развёрнуто и по-доброму разъясняет, пока нас не прерывает модератор (а модераторы всегда всё портят, как известно). Тогда спикер предлагает, как это часто бывает, продолжить обсуждение после пленарного заседания: «в кулуарах», что называется. В подавляющем большинстве случаев это означает конец общения, поэтому я и успокоился: доклад очень интересный, дискуссия состоялась. Книжка подписана.

А дальше началось вот что: на фуршете ко мне подходит Владимир Ильич, и, называя по имени-отчеству, предлагает обсудить то, что не успели на пленаре. Сам. Не я подошёл – он. Более того, профессор Чупров дарит мне ещё одну работу, в которой есть все ответы и разъяснения, которые я требовал после доклада. Много позже нашего разговора я осознал, что он вполне бы мог сказать на пленарном заседании, чтобы я посмотрел такую-то и вот такую-то его публикацию, где все уже объяснено. Но он счёл такой ход некорректным и, несмотря на мою бестактность (я не был знаком с его работами на тот момент), ответил на все мои вопросы и инициировал дальнейший разговор.

Разговор, впрочем, на этом не закончился, как и моё нарастающее по его ходу удивление. На тот момент пока ещё удивление, пожалуй... Его не-ритуальный подход к науке, внимание и такт приросли ощущением спокойной доброты, которая буквально окутывала. Как будто нет вокруг суеты фуршета, кучи организационных вводных по поводу дальнейшего хода конференции, какофонии голосов общающихся в тусовке коллег. Все как будто остановилось в этом нашем разговоре, все стало совсем несущественным, кроме самого предмета, о котором, к слову, я уже и не помню в нюансах. Чётким осталось это чувство удивления, которое вскоре переросло в глубокую симпатию. Там я увидел пример какого-то другого – экзистенциального – уровня погружения в свою работу. Когда ценность того, что ты делаешь, не может быть снята обыденностью. В тот день он, не прикладывая к этому никаких специальных усилий, показал, каким может быть учёный и каким может быть человек.

В тот день у меня появился учитель. Сейчас, когда пишу все это, одолевает соблазн написать «учёный», «человек» и «учитель» с заглавных букв, но эдакая выпуклость совершенно не в духе моего Владимира Ильича.

Дальше уже ничего не удивляло: ни то, что Владимир Ильич, вежливо уклонившись после конференции от банкета с руководством, поехал с нами смотреть Краснодар, ни дальнейших много-много бесед как в тот день, так и после, которые невозможно было завершить, потому что ну просто невозможно и все тут!

На конференции в Краснодарском университете МВД

С коллективом Краснодарского университета МВД, 2011 г.

Евгений Олегович Кубякин, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии МВД России, почётный работник сферы образования Российской Федерации.

Уход из жизни учителя – это всегда катастрофа. Рушится привычный мир и становится понятно, что таким, как прежде, он уже не будет никогда. Вместе с тем, связь учителя и его учеников – одна из самых сильных. Она не прерывается на расстоянии, она сильнее чем смерть.

Е. О. Кубякин и В. И. Чупров,
Грушинская конференция, 2017 г., Москва

Большое видится на расстоянии и тем, кто остался жить, стоит уйти далеко вперёд, чтобы понять значение вложенного. И что нам остаётся? Мы идём, надеясь, что в правильном направлении... Вспоминаем с теплом и тоской. Мы передаём знания дальше, надеясь, что не ошибаемся. Прощаем ошибки учеников, пытаюсь подражать тем, кто нас учил, потому что с нами были щедры и терпеливы.

Какая она – встреча с учителем? Как правило, очень простая, не торжественная, не замысловатая. Ты просто встречаешь человека, который изменит всю твою жизнь, и в этот момент ещё ничего не понимаешь. Пьёшь чай с печеньем или стоишь в курилке и о чем-то спрашиваешь, а всё уже происходит.

Мы (Д. Райдугин и я) осознанно не стали писать о вкладе профессора Чупрова в развитие науки – здесь это излишне. Полагаем, что читатель либо уже осведомлён, либо, даже если нет, всё равно хотелось бы акцентировать на другом: на том, что делает Владимира Ильича великим. Это – нечто большее, чем научные достижения.

Наверное, есть два основных способа стать великим. Один – совершить какой-нибудь героический поступок, написать революционную научную работу, художественное произведение или сделать что-нибудь эдакое один раз, чего достаточно, чтобы войти в историю. Но есть и другой способ, который может как дополнять первый, так и составлять ему альтернативу: «просто» относиться к каждому дню своей жизни во всех её аспектах ценностно, не ритуально, не формально. Такие люди не зависят от истории, а сами управляют ей, даря мотивацию и ориентиры тем, кто готов найти в себе силы хоть в чем-то, хоть чуть-чуть за ними последовать.

Спасибо, Владимир Ильич, за наши ориентиры.

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1)
EDN [HMLFLO](https://edn.ras.ru/HMLFLO)
УДК 316.7

Ю. А. Зубок¹, Н. А. Селиверстова²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН

² Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О БУДУЩЕМ СТРАНЫ В ПРОЕКЦИИ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье анализируется связь смыслов, формируемых в культурном пространстве молодёжи, с её представлениями о целях, «значимых для будущего страны» («доступное квалифицированное здравоохранение как залог высокого качества жизни», «семья, как основа уверенности и безопасности», «жизненное пространство как среда для комфортной жизни», «труд как источник материального благополучия», «баланс прав и обязанностей граждан как фактор консолидации общества», «образование как условие социального продвижения», активное гражданское общество как условие демократизации в стране», «власть, способная обеспечить достижение перечисленных целей как залог устойчивого развития страны»). Анализ показал, что полная идентификация молодёжи со смысловыми характеристиками базовой культуры вне зависимости от её типов коррелирует с максимальной степенью поддержки определённой цели, значимой для будущего страны. Данный факт рассматривается как свидетельство интегрированности носителей базовой культуры в российское общество, их социокультурной включённости в изменяющуюся реальность. Отрицание молодёжью принадлежности к базовой культуре через её определённый тип преимущественно ведёт к некоторому снижению степени поддержки целей, значимых для будущего. Обнаружено, что как принятие, так и отрицание субкультурных смыслов менее выражено регулируют поддержку названных целей. Авторы предполагают, что представления об общественно-значимых целях находятся в более тесной связи с широкими пластами культуры, освоенными в процессе социализации и меньше определяются социально-психологическими и социокультурными характеристиками, обусловленными возрастом.

Ключевые слова: молодёжь; будущее страны; культурное пространство; смыслы; типы культуры; молодёжная субкультура

Для цитирования: Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Представления молодёжи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1). EDN [HMLFLO](https://edn.ras.ru/HMLFLO)

Введение. Данная статья — логическое продолжение ранее опубликованного анализа смысловых компонентов образа будущего страны в представлениях российской молодёжи [1]. В предыдущей статье мы рассмотрели связи смысловых компонентов образа будущего, выраженных в целях, значимых для будущего страны, с социально-демографическими характеристиками молодых людей, субъективной оценкой изменений условий их жизни и эмоционального состояния. Цель этой статьи — выявить связь смыслов, формируемых в культурном пространстве молодёжи, с её представлениями о будущем страны.

© Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А., 2023

Развитие темы в контексте культуры является актуальным и обоснованным в реалиях российского общества. Молодёжь, представляя социально-демографическую структуру общества, в полной мере отражает его социокультурную специфику в гибридном сочетании традиционных и современных элементов, проекция которых на различные аспекты реальности определяет её характерные черты.

Аксиологический подход активно применяется в исследованиях российской молодёжи, её отдельных групп. В изучении образов будущего он позволяет увидеть общее и особенное в мотивационном поле жизненных стратегий разных групп молодёжи и их отличие от представителей других социально-демографических групп. Данный подход реализован в исследованиях представлений молодёжи о будущем экономическом и политическом устройстве России, в основании которых политические ценности молодых людей [2; 3; 4]. В исследованиях представлений региональной молодёжи образ будущего связывают с различными темпоральными показателями как имеющими ценностную природу и обуславливающими его [5].

Исследования показывают, что юношество объединяется в своём отношении к таким компонентам образа будущего как ценности «здоровья», «достойной, комфортной жизни», проявляя чувствительность к актуальным социальным проблемам, связанным с имущественным расслоением, доступностью и качеством образования, коррупцией [6]. Названные ценности соединяются в сознании большинства молодёжи с идеальными представлениями о своём собственном будущем и будущем страны. Осмысливаемые в контексте смыслообразов желаемого будущего, они позволяют увидеть основания, в соответствии с которыми молодёжь формирует свои ожидания, а также прогнозировать потенциальные точки социального напряжения в случае нереализации ожиданий.

Проблематика образа будущего и его восприятия молодым поколением обрели новый импульс сначала в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции, а затем в связи с новейшими геополитическими процессами, определившими анализ представлений молодых россиян о будущем не просто через призму глобальных и локальных конфликтов, но через призму ценностно-смыслового выбора. Результаты применения аксиологического подхода позволяют увидеть основания ценностно-смыслового консенсуса между молодёжью и обществом и, что не менее важно, противоречия в формировании и воплощении представлений о будущем. Анализ структурных компонентов образа будущего, изложенный в докладе Т. А. Нестика на основании исследования, проведённого совместно с группой «Циркон» (рук. – И. В. Задорин), показал существенную межпоколенческую дифференциацию. Наиболее значимые различия выявлены «между старшими поколениями, ориентированными на образ будущей России как государства, борющегося с социальным неравенством, отдающего приоритет научно-технологическому прогрессу, оказывающего военную и экономическую помощь другим странам в борьбе против мирового зла и глобальных катастроф и представителями поколений молодых (в данном случае Y и Z), ориентированными на интеграцию в мировое сообщество, демократическое устройство политической системы западного типа, приоритет свободы самовыражения над традиционными ценностями» [7, с. 10]. Как следствие этих ориентаций, «ожидающие комфортной жизни преимущественно представлены среди людей среднего возраста, хотя это фактически та категория, которая охватывает все поколения. А сторонники либеральных реформ или ожидающие справедливости несколько больше представлены среди молодых» [7, с. 13].

Возраст является существенным триггером для установок на западные образцы жизнеустройства: «...молодёжь чаще встречается среди «новых западников» (44% моложе 36 лет, в среднем по стране – 29%), но столь заметное отличие наблюда-

ется только в данной группе и исключительно в срезе по возрастам» [8, с. 60]. Во всех остальных случаях, по результатам кластерного анализа, не удалось установить возрастные и иные социально-демографические границы групп при описании специфики представлений россиян о перспективах развития страны [8]. В условиях новой социальной реальности заметно различаются прогностические сценарные ожидания в отношении будущего страны: «шестидесятники наиболее вероятным сценарием считают движение в сторону эффективной вертикали, то есть успешное развитие экономики, благодаря укреплению власти, а представители поколений Y и Z – ожидают сценарий ограничения свобод» [7, с. 14].

Исследование же, проведённое Высшей школой экономики, показывает конкретные социальные запросы молодёжи, реализация которых рассматривается ею как важные составляющие успешного будущего. В их числе доступность предпринимательской деятельности в структуре интересов и пространственная мобильность в структуре ключевых ценностей, потребность в осознании национального единства как неотъемлемой части образа сильного государства (подростковые группы), терпимость и взаимопомощь (средние возрастные группы в составе молодёжи), уважение прав человека («старшая» молодёжь)¹. Смысловое содержание названных установок во многом отражает ядро культуры, воспроизводимое молодым поколением на базовом уровне чаще, чем можно было бы ожидать. А дифференциация предпочтений отражает внутривоколенческую неоднородность молодёжи.

Осмысливая данные исследований, можно увидеть источник социального противоречия, возникающего вследствие расхождения сложившихся у молодёжи смысловых представлений и ожидаемого, наиболее вероятного развития событий как результата целенаправленных стратегий регулирования. С этого ракурса естественное для социокультурной динамики переосмысление социальной реальности, выраженное в обычных поколенческих изменениях, которые можно было бы назвать стилевыми различиями, выглядит как довольно острое противоречие. Суть его в том, что вследствие эскалации социальной неопределённости и нарастания социальных проблем успех личного будущего молодых людей в их картине мира отделяется от будущего государства, обособляется, и не рассматривается как часть общего будущего. Подобное разделение приводит к культурному разрыву и деформациям идентификаций и сопровождается функциональными разрывами – своего рода сепарацией молодёжи в процессе конструирования образа будущего. Утрачивается грань между проявлением эмансипации как необходимого условия и значимого признака индивидуального и группового развития становящихся молодых субъектов и их фактическим отчуждением как следствием негативных социальных ожиданий. Здоровым формам эмансипации молодёжи противостоят более глубокие формы обособления, обусловленные у одних смысловыми расхождениями в понимании будущего, у других – недоверием и негативными ожиданиями.

Состояние неопределённости влияет на такие составляющие образа будущего, как горизонт планирования и соотношение установок на коренные перемены и стабильность: в представлениях о желаемом будущем доминантой становится запрос на значительные изменения [8, с. 54]. И, хотя ориентация на изменение или стабильность скорее отражает габитуальные установки, эти ориентации для части молодого поколения могут приобретать ценностный смысл.

Проводимые исследования отражают стремление социологов не только обозначить составные элементы образа будущего, но и выявить наиболее существенные

¹ Мухаметшина Е. Социологи узнали каким молодёжь видит образ России будущего // Ведомости : [сайт]. 01.12.2022 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/12/01/952952-molodezh-predstavlyaet-rossiyu-buduschego-razvivayuschei-tehnologii-predprinimatelstvo-ekonomiku> (дата обращения: 30.06.2023).

связи с различными характеристиками молодёжи, выступающими в роли фундаментальных или ситуативных регуляторов представлений о будущем. Ситуативными регуляторами становятся непосредственные условия жизнедеятельности молодёжи, опыт проживания в этих условиях, изменчивый социальный статус молодых людей, включенность в определённые виды деятельности и социально-групповые отношения. А фундаментальные регуляторы чаще связаны со смысловыми установками молодёжи, усвоенными в процессе социализации. Заложенные в них ценностные компоненты восходят к различным типам культуры, признаки которых наблюдаются в конкретном обществе. Различные культурные образцы проецируются на представления молодёжи о социальной реальности, на понимание актуальных и перспективных целей жизнедеятельности и средств их достижения.

Методология и методы исследования. Желаемое будущее для себя и/или для страны, конструируемое как сочетание неких сохраняемых (воспроизводимых) и новых (изменяющих реальность) элементов, имеет выраженную культурную обусловленность. Во-первых, само конструирование будущего происходит в культурном пространстве, которое образуют базовая культура и молодёжная субкультура [9]. Во-вторых, взаимодействие традиционного и современного в культурном пространстве молодёжи определяет специфику её представлений о будущем страны. Уточним, под «молодёжной субкультурой» понимается комплекс поколенческих черт, определяющих субкультурную специфику молодёжи как социально-демографической группы.

В основу исследования положен теоретико-методологический подход к изучению социокультурной саморегуляции жизнедеятельности, разрабатываемый в Центре социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН. Остановимся на некоторых его ключевых положениях, релевантных проводимому анализу. «Разные типы культуры образуют общее культурное пространство молодёжи, социокультурные образцы которого отражаются в самосознании в форме смыслов. Наиболее значимые смыслы обретают статус ценности, а в ценностях, в свою очередь, отражаются смысловые проекции культуры – традиционной и современной, адаптационной и инновационной. Через отождествление себя с носителями различных культурных образцов, через принятие присущих им ценностей и норм проявляется приверженность различных групп молодых людей конкретным типам культуры. Их смысловые проекции создают субъективную социальную реальность молодёжных групп» [10, с. 360].

В трактовке Ю. Шрейдера смысл есть «внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности. Определяя место феномена в некоторой целостности, смысл превращает его осуществление в необходимость, соответствующую онтологическому порядку вещей» [11, с. 360]. В процессе социокультурного воспроизводства функции молодёжи в обеспечении преемственности и изменения культуры реализуются, в первую очередь, через формирование смыслов, изменение структуры ценностей.

Базовые типы культуры содержат устойчивые концепты с набором основополагающих ценно-смысловых ориентаций. Смыслы не всегда осознаются, но «всплывают в виде представлений по поводу определённых проблем или объектов, подвигая людей на совершение поступков, определяя их направленность и предопределяя восприятие мира» [12, с. 11]. Отражая связь между молодёжью и обществом, базовые типы культуры становятся источниками формирования представлений о смыслах объектов социальной реальности.

В то же время являясь особой социально-демографической группой, молодёжь включается в различные субкультурные автономные целостные образова-

ния внутри доминирующей культуры, которые выступают пространством интерсубъективных взаимодействий по обмену опытом, знаниями, представлениями о реальности. Находясь внутри этого сложнокомпонентного пространства базовой и молодёжной культуры, индивиды и группы формируют свои представления о сущности происходящего, удерживая их в сознании в качестве смыслообразов объектов, явлений, событий реальности. Смыслообразы, генерируемые молодёжью, определяют структуру её ожиданий.

Рассматривая стремление к смыслу как имманентно присущее человеку, В. Франкль видит в нём отнюдь не бесплодное мечтание и не самообман, а, скорее, «самопрограммирование», которое не просто предвосхищает, а предопределяет будущее [13]. Осознание смыслов в контексте жизнедеятельности ведёт к постановке целей по её обустройству и способов достижения в различных его измерениях. По мысли М. Вебера, «каким бы ни был смысл, он станет основой суждений о различных явлениях совместного существования людей, заставит отнестись к ним (положительно или отрицательно), как к чему-то значительному» [14, с. 379].

Смыслы, осознаваемые молодёжью через призму развития страны, трансформируются в цели, достижение которых рассматривается как значимое. Как мы излагали ранее, цели, сформулированные в форме утверждений, с которыми респондентам предлагалось идентифицироваться, позволили определить приоритеты, содержащиеся в представлениях молодёжи о будущем от более важного к менее важному: «Доступное квалифицированное здравоохранение – залог высокого качества жизни», «Семья – основа уверенности и безопасности, крепкий тыл», «Жизненное пространство – среда для комфортной жизни», «Власть, способная обеспечить достижение перечисленных целей – залог устойчивого развития страны», «Труд – источник материального благополучия, кто хорошо работает, тот хорошо живет», «Баланс прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества», «Образование – условие социального продвижения, «социальный лифт», «Активное гражданское общество – условие демократизации в стране»» [1].

Смысловые основания базовой культуры и молодёжной субкультуры сформулированы В. И. Чупровым исходя из понимания структуры культурного, а по сути, смыслового пространства молодёжи как социально-демографической группы. С одной стороны, она связана с обществом множественными социокультурными связями и отношениями, а с другой – является относительно самостоятельной группой, отличающейся особым положением в системе общественного воспроизводства и общественной жизни, генерирующей своё смысловое пространство [15; 9].

«Инновационная культура» характеризуется высокой активностью, предприимчивостью, которая может означать и действительно инновационные способности молодёжи, и стремление к новизне, проявляющееся в стиле жизни. Культура «физического развития» включает потребность в физическом преобразовании себя, которая реализуется, как в здоровом образе жизни, так и во внешних проявлениях – так называемом «тьюнинге», как дани моде на соответствие стандартам красоты. «Гедонистическая культура» ассоциируется со стремлением к удовольствиям и впечатлениям как главной цели жизни, поиском немедленного драйва и приключений в режиме «сегодня и сейчас». «Духовная культура», определяющая характер и направленность духовных потребностей, ценностей отражает стремление к высшим нравственным смыслам – добру, внутренней красоте, любви и вере. «Адаптационная культура характеризуется приспособлением к внешней среде, необходимостью экономить во всем, приспосабливаться к изменяющимся условиям в режиме сохранения минимума. <...>

Культура «моральной аномии» – отрицанием абсолютных правил и норм, вытеснением их договорными ситуативными нормами, удобными для применения в определённых жизненных ситуациях» [15, с. 18].

Выделение в культурном пространстве двух смысловых агрегатов – базовой культуры и субкультуры призвано отразить целостность молодёжи как становящегося социального субъекта, который воспроизводит связующие нити базовой культуры и продуцирует смыслы, отражающие специфику взросления с присущей ей противоречивостью, лабильностью, экстремальностью. Поэтому смыслы, отражающие субкультурную часть смыслового пространства молодёжи, характеризуют не конкретные субкультурные образования, а интенциональные проявления, обусловленные взрослением. Это стремление к объединению и противоположное стремление к самовыражению, подчёркиванию собственных отличий от других, желание ощутить свою исключительность; разные формы внутригруппового и межгруппового противостояния, бунтарство и протест; самоутверждение в преодолении ограничений, стремление к полной свободе и другие. Проявление этих особенностей наблюдается в пространстве субкультуры и выражается в импульсивности, сиюминутных реакциях молодёжи на события окружающей действительности, в неустойчивости и лабильности как отражении социально-психологических свойств самого субъекта.

Эмпирически они выявлялись в ответах на вопрос: «В какой степени нижеперечисленные черты характеризуют Вас как представителя своего поколения?». Их проекция на представления молодёжи о будущем прослеживается в целях, которые молодёжь считает значимыми на пути его достижения.

Эмпирический анализ основан на результатах всероссийского социологического исследования российской молодёжи, проведённого Центром социологии молодёжи ИСПИ РАН в ноябре-декабре 2021 г. методом стандартизированного онлайн-интервью по репрезентативной для населения России выборке в 133 населённых пунктах 11 субъектов Российской Федерации². Тип выборки – квотная, репрезентация обеспечена по полу и возрасту. Регионы исследования: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Волгоградская область, Вологодская область, Республика Крым. Общий объем выборки – 1640 человек. Ошибка выборки – 4,5%.

Представления молодёжи о целях, значимых для будущего страны, в проекции базовой культуры. Предварительно были построены и проанализированы таблицы сопряжённостей переменной, отражающей тип культуры, и каждой из переменных, отражающих представления о будущем страны. Статистически значимые взаимосвязи выявлены с помощью расчёта критерия χ^2 , подтверждены вычислениями коэффициента Фи. Как показали расчёты, такие связи (p в диапазоне от 0,000 до 0,05) устанавливаются в большинстве случаев. Для *инновационного* типа культуры была установлена статистически значимая взаимосвязь с целями, сопряжёнными с «семьёй», «властью», «трудом», «образованием» и «активной гражданской позицией». Для культуры *физического развития, духовной и адаптационной* культуры взаимосвязь была установлена со всеми переменными, отражающими цели, значимые для будущего. Для *гедонистической*

² Исследование проведено под руководством и по методике д. соц. н., проф. Ю. А. Зубок и д. соц. н., проф., засл. деятеля науки РФ В. И. Чупрова в сотрудничестве с ИОМ «Квалитас» (генеральный директор – д. соц. н., проф. Н. А. Романович).

культуры – только с «доступным здравоохранением» (при этом, выявленная связь находится на границе статистической значимости). На представленной выборочной совокупности для переменной «культура *моральной аномии*» связь не была установлена ни с одной из зависимых переменных. На основе полученных данных были исключены ложные корреляции и анализ проведён только по статистически значимым показателям (см. табл. 1).

Таблица 1

Связь типов базовой культуры с представлениями о целях, значимых для будущего страны, в %³

Типы культуры/ Мера самоидентификации		Цели / Степень важности															
		Доступное квалифицированное здравоохранение – залог высокого качества жизни		Семья – основа уверенности и безопасности, «крепкий тыл»		Жизненное пространство – среда для комфортной жизни		Власть, способная обеспечить достижение перечисленных целей – залог устойчивого развития страны		Труд – источник материального благополучия, кто хорошо работает, тот хорошо живет		Баланс прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества		Образование – условие социального продвижения, «социальный лифт»		Активное гражданское общество – условие демократизации в стране	
		Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно
Инновационная	Полностью разделяют			64	29			58	38	57	38			54	36	46	45
	Совсем не разделяют			52	25			45	45	34	50			35	40	30	39
Физического развития	Полностью разделяют	76	22	68	27	65	33	59	38	56	40	56	39	57	34	45	47
	Совсем не разделяют	66	26	45	38	53	38	54	37	47	41	45	42	41	33	34	48
Гедонистическая	Полностью разделяют	71	26														
	Совсем не разделяют	74	20														
Духовная	Полностью разделяют	78	19	69	26	67	31	60	37	55	40	57	39	55	35	45	47
	Совсем не разделяют	61	28	43	34	48	42	50	40	45	40	40	44	36	37	32	47
Адаптационная	Полностью разделяют	71	26	62	31	62	36	57	39	55	39	55	38	52	40	48	43
	Совсем не разделяют	68	23	50	32	58	34	50	41	55	35	47	42	41	39	32	48
В целом по массиву		71	25	60	31	59	38	53	43	50	43	50	43	48	39	39	50

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН

³ Здесь и в Таблице 2 фоном выделены ячейки, между переменными которых статистически значимые взаимосвязи не обнаружены.

Как видно из таблицы 1, в подавляющем большинстве связей проявляется высокая важность достижения обсуждаемых целей, но есть существенные различия в представлениях о степени их важности в зависимости от меры самоидентификации с типами культуры. Так, полная идентификация со смысловыми характеристиками культуры даёт заметное увеличение числа респондентов, считающих достижение названных целей «очень важным». Эта логика прослеживается по всем типам культуры.

Наивысшее значение в представлениях молодёжи для будущего страны приобретают среди разделяющих инновационный тип культуры: «Семья...» (64%), «Власть...» (58%) и «Труд...» (57%); среди разделяющих культуру физического развития — «Здравоохранение...» (76%), а значимость семьи и жизненного пространства повышается (соответственно 68 и 65%). Идентификация с духовным типом культуры способствует сохранению их значимости на том же уровне и несколько усиливает ориентацию на построение адекватной системы управления, выраженную в запросе на власть, способную всё это обеспечить (60%). Значимость целей в группе, разделяющих образцы адаптационной культуры, повторяет прежний набор целей и по своим значениям мало отличается от распределения по массиву данных.

Особняком стоит гедонистическая культура, с которой связан только один измеряемый показатель — доступное, качественное здравоохранение как цель, достижение которой важно для будущего страны. Значение этого показателя мало отличается от аналогичных во всех других подгруппах и совпадает со средним по выборке. Заметим, что потребность в равном доступе к квалифицированному здравоохранению свойственна россиянам вне зависимости от возраста [16].

Группы молодёжи, не разделяющей представленные типы культуры, также признают важность целей, но в более спокойной форме, преимущественно, выбирая позицию «важно». А наиболее существенное различие между подгруппой разделяющих и не разделяющих состоит в том, что отсутствие идентификации в несколько раз увеличивает полное отрицание значимости ряда целей. По основным социально-демографическим и социокультурным характеристикам, группы не разделяющих типы культуры, включают преимущественно молодых мужчин в возрасте 18-24 лет, со средним и средним специальным образованием, работающих, проживающих в крупных городах и областных центрах.

Отношение к целям, значимым для будущего страны, в связи с мерой самоидентификации по типам культуры даёт общее представление о роли этого механизма в социокультурной регуляции ожиданий молодёжи и ценностях-целях в образе желаемого будущего. Так, в группе респондентов, не разделяющих инновационный тип культуры наиболее выражена девальвация цели «Активное гражданское общество...» — которую для будущего страны 30% респондентов считают неважной, в то время как среди разделяющих — их только 10%. Соответственно, называют неважным «Образование...» 10% разделяющих и 24% не разделяющих, «Труд...» — соответственно 5 и 16%, а «Власть...» — 4 и 10%.

Та же логика прослеживается и в связи с культурой физического развития. Среди не разделяющих её смыслы теряют своё значение для будущего страны следующие цели: «Образование...» (9% среди разделяющих и 26% среди не разделяющих не считают их важными); «Активное гражданское общество...» (соответственно, 8 и 18%); «Семья...» (соответственно 5 и 17 %); «Баланс прав и обязанностей» (соответственно 5 и 13 %).

Отсутствие самоидентификации с духовным типом культуры обнаруживает связь с существенной девальвацией целей «Образование...» и «Баланс прав

и обязанностей...»: в группе полностью разделяющих неважными их считают 10%, а в группе совсем не разделяющих — уже 28%. Цель семьи как надёжного тыла не считают важной для будущего страны 5% ориентированных на духовный тип и 23% его отрицающих; неважным считают формирование активного гражданского общества, соответственно, 8% разделяющих и 21% не разделяющих, и не считают важными цели, связанные с квалифицированным и оплачиваемым трудом — 5 и 14%. И по другим показателям видно увеличение доли тех, чьи представления о будущем исключают значимость тех или иных целей в группе не разделяющих духовный тип культуры.

Схожим образом связаны представления о значимости целей и отсутствие идентификации с чертами, характерными для адаптационной культуры. Однако в данном случае необходимо учесть возможное изменение коннотации, возникающее, когда молодые люди не разделяют этот тип культуры. Если смысл адаптационного типа заключается в вынужденной умеренности и самоограничениях, продиктованных недостатком ресурсов и необходимостью во многом себе отказывать, то её отрицание может говорить и о внутренней неготовности мириться с условиями и/или с отсутствием вынуждающих обстоятельств. Почему это важно? Потому что в данном случае мы имеем дело с относительно благополучной, или достаточно мотивированной на улучшение своего положения группой. Связь отказа от адаптационного типа культуры с отношением к целям покажет их ресурсный потенциал для этой конкретной группы. Аналогично предыдущим случаям, здесь падает значение образования как условия продвижения и, соответственно, вырастает число респондентов, не считающих эту цель важной для будущего страны — с 8% среди разделяющих адаптационную культуру до 20% среди не разделяющих. Не видят значимую цель отрицающие адаптацию и в активном гражданском обществе — 19% при 8% среди разделяющих; семья как надёжного тыла — 18% и 6%, соответственно; а также труда и баланса прав и обязанностей — 10-11% в группе отрицающих адаптацию и по 6% в группе её разделяющих. Таким образом, отсутствие идентификации с названными типами культуры связано со снижением значимости общественно-значимых целей.

Как видно из анализа, выделяется группа целей, значимость которых в связи с мерой принадлежности молодёжи к разным типам культуры оказывается наименее устойчива. В первую очередь, это отношение к цели «Образование — условие социального продвижения, «социальный лифт»», «Баланс прав и обязанностей граждан — фактор консолидации общества» и «Активное гражданское общество — условие демократизации в стране». Но и относительно устойчивые в своей значимости цели — такие, как «Здравоохранение...», «Труд...» и «Семья...», составляющие основу ценностной матрицы российского общества, включая молодёжь, могут терять значение в связи с отсутствием самоидентификации по изучаемым показателям.

Представления молодёжи о целях, значимых для будущего страны, в проекции смыслов молодёжной субкультуры. Рассмотрим, как связаны смыслы молодёжной субкультуры с представлениями о целях, значимых для будущего страны. Построив аналогичным образом таблицы сопряжённости переменных, и выделив статистически значимые взаимосвязи на основе расчёта критерия χ^2 , мы отобрали показатели для анализа. Статистически значимые связи (p — от 0,000 до 0,05) установлены для следующих переменных: «Стремление самовыразиться, быть непохожим на других» — с трудом, балансом прав и обязанностей, образованием и активным гражданским обществом; для «Самоощущения избранности, исключительности» — со здравоохранением, трудом и активным

гражданским обществом; для «Стремления к объединению со сверстниками» — со всеми целями, кроме труда и образования; для «Бегства от действительности. Ухода в себя. Создания собственного мира» — только с жизненным пространством; «Свободы без ограничений, в т.ч. сексуальной свободы» — со здравоохранением, семьёй, властью и образованием (см. табл. 2).

Таблица 2

Связь смыслов молодёжной субкультуры с представлениями о целях, значимых для будущего страны, в %

Смыслы молодёжной субкультуры / Мера самоидентификации		Цели / Степень важности															
		Доступное квалифицированное здравоохранение – залог высокого качества жизни		Семья – основа уверенности и безопасности, «крепкий тыл»		Жизненное пространство – среда для комфортной жизни		Власть, способная обеспечить достижение перечисленных целей – залог устойчивого развития страны		Труд – источник материального благополучия, кто хорошо работает, тот хорошо живет		Баланс прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества		Образование – условие социального продвижения, «социальный лифт»		Активное гражданское общество – условие демократизации в стране	
		Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно
Стремление самовыразиться, быть непохожим на других	Полностью разделяют									54	39	55	39	54	35	47	44
	Совсем не разделяют									48	40	48	41	44	39	33	45
Самоощущение избранности, исключительности	Полностью разделяют	72	26							58	37					48	43
	Совсем не разделяют	75	19							50	40					39	47
Стремление к объединению со сверстниками	Полностью разделяют	73	24	63	30	62	35	56	41				52	42		42	49
	Совсем не разделяют	67	25	49	38	47	45	50	40				47	42		36	43
Бегство от действительности. Уход в себя. Создание собственного мира	Полностью разделяют					63	32										
	Совсем не разделяют					64	34										
Свобода без ограничений, в т.ч. сексуальная свобода	Полностью разделяют	66	27	56	31			59	35					49	34		
	Совсем не разделяют	77	19	68	26			55	42					51	39		
В целом по массиву		71		25		60		31		59		38		53		43	

Источник: Центр социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН

Данные таблицы 2 показывают, что смыслы, формирующиеся как отражение переходного этапа взросления молодёжи и культивируемые в её субкультурном пространстве, неравномерно связаны с рассматриваемыми целями. В отличие от связей с базовой культурой, полная идентификация со смыслами, или их отрицание не дают устойчивого различия в степени приверженности целям. По ряду показателей оно вообще не наблюдается, а в отдельных случаях оказывается обратным, когда среди разделяющих смысл, значимость целей ниже, чем среди не разделяющих. Это объясняется различиями смысловых коннотаций, которые заложены в систему показателей, что учитывается в процессе интерпретации.

Наибольшее количество целей поддерживается теми, кто отмечает в себе стремление к объединению со сверстниками. Наибольшую важность имеют в этой группе цели «Здравоохранение...» (73%), «Семья...» (63%) и «Жизненное пространство...» (62%). Для каждого второго, «очень важны» «Власть...» (56%) и «Баланс прав и обязанностей...» (52%), для значительной доли респондентов высокое значение имеет и «Активное гражданское общество» (42%).

Отсутствие стремления к объединению со сверстниками не снижает общей высокой значимости «Здравоохранения...» как цели для будущего страны, чего нельзя сказать о «Семье...» и «Жизненном пространстве...», теряющих своё значение соответственно с 63 до 49% и с 62 до 47%, «Активном гражданском обществе...» соответственно — с 42 до 36%.

Сравнение данных с полученными в группе разделяющих противоположный этому смысл — «стремление самовыразиться и быть непохожим на других» показывает, что самовыражение, хотя и связано с выбором в пользу общественно значимых целей труда, образования, баланса прав и обязанностей и активного гражданского общества в контексте построения будущего всей страны, но их значимость балансирует на среднем уровне — от 47 до 55% в группе разделяющих это стремление, и от 33 до 48% среди не разделяющих.

Заключение. Проведённый анализ эмпирических данных позволяет заключить следующее. В проекции базовой культуры полная идентификация молодёжи с её конкретным типом сопряжена с максимальной степенью поддержки определённой цели, значимой для будущего страны, что свидетельствует об интегрированности носителей базовой культуры в российское общество, их социокультурной включённости в изменяющуюся реальность.

В свою очередь, отрицание принадлежности к базовой культуре через её определённый тип преимущественно ведёт к некоторому снижению степени поддержки целей, значимых для будущего. В существенной девальвации конкретных целей молодёжью, не разделяющей определённые типы базовой культуры, выделяется подгруппа не идентифицирующих себя с духовной культурой. Среди них особенно обесцениваются социально-значимые цели, сопряжённые с образованием, балансом прав и обязанностей, семьёй, трудом. Значимая девальвация такой цели как активное гражданское общество — условие демократизации в стране» среди противников высокой активности, предприимчивости — смысла инновационного типа культуры позволяет предположить, что и отрицание смыслов базовой культуры также регулирует выбор целей, значимых для будущего страны, как и их принятие.

Несколько иная картина складывается в связях субкультурных смыслов с определением целей, значимых для будущего страны. Как принятие, так и отрицание субкультурных смыслов менее выражено регулируют поддержку названных целей. Это обусловлено, по-видимому, тем, что смысловые представления

об общественно-значимых целях находятся в более тесной связи с широкими пластами культуры, освоенными в процессе социализации и меньше определяются социально-психологическими и социокультурными характеристиками, обусловленными возрастом. Отличительные социально-психологические и социокультурные свойства молодёжи скорее выражаются в импульсивных реакциях, не затрагивая смыслов в той мере, в которой это обеспечивает базовая культура. В то же время, обнаруженные проявления смысловых установок, формирующиеся как проекции субкультуры, позволяют говорить не только о различиях, но и о сходстве представлений разных групп молодёжи о будущем. Это наблюдение может послужить источником для дальнейшего изучения общего и особенного в смысловом пространстве российской молодёжи.

Библиографический список

1. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56–74. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5). EDN [QATYVVU](https://www.edn.ru/entry/qatyvvu).
2. Маленков В. В., Фарахутдинов Ш. Ф. Будущее России в представлениях постсоветской молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. № 3. С. 107–118. EDN [PCVKCR](https://www.edn.ru/entry/pcvkcr).
3. Левашов В. К., Гребняк О. В., Новоженкина О. П. Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 104–120. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-104-120](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120). EDN [SETQMU](https://www.edn.ru/entry/setqmu).
4. Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 101–107. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107). EDN [QJUWVV](https://www.edn.ru/entry/qjuwvv).
5. Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А. Традиционное и модернизационное в конструировании ценностных оснований жизненных перспектив молодёжи (Тува и другие регионы) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 154–169. DOI [10.25178/nit.2023.1.9](https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.9). EDN [QNKMDX](https://www.edn.ru/entry/qnkmdx).
6. Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р., Садретдинова Э. В. Образ России настоящего и будущего в представлениях юношества: смыслогемы в условиях новых вызовов и возможностей // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 1. С. 13–31. DOI [10.14258/SSI\(2023\)1-01](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)1-01). EDN [RYWEOE](https://www.edn.ru/entry/ryweoe).
7. Ученые записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. Ю. А. Зубок. Вып. 12. Образ будущего России в условиях глобальных рисков. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 63 с. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=12016> (дата обращения: 28.08.2023).
8. Андреев А. Л., Андреев И. А., Слободянюк Е. Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI [10.31857/S013216250020368-7](https://doi.org/10.31857/S013216250020368-7). EDN [MVXGNI](https://www.edn.ru/entry/mvxcgn).
9. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М. : Норма, 2020. 304 с. ISBN 978-5-00156-082-1. EDN [WLJWBA](https://www.edn.ru/entry/wljwba).
10. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023). EDN [ORTSAQ](https://www.edn.ru/entry/ortsaq).
11. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 2010. 692 с. ISBN 978-5-244-01118-0. EDN [QWVQJF](https://www.edn.ru/entry/qwvqjf).
12. Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. 2-е издание. М. : Академический проект, 2005. 624 с. ISBN 5-8291-0544-6. EDN [QXNDNL](https://www.edn.ru/entry/qxndnl).
13. Франкль В. Э. Страдания от бессмысленности жизни: актуальная психотерапия / Пер. с нем. С. С. Панкова. Новосибирск : Сибирское унив. изд-во, 2011. ISBN 978-5-379-01751-4. EDN [QYAXXD](https://www.edn.ru/entry/qyaxxd).
14. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с. ISBN 5-01-001584-6. EDN [SGUYOR](https://www.edn.ru/entry/sguyor).

15. *Чупров В. И.* Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 4. С. 13–25. DOI [10.23683/2227-8656.2018.4.1](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.1). EDN [XYBOLZ](https://www.edn.ru/xybolz).
16. *Горшков М. К.* «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12(344). С. 3–11. EDN [PHCZPZ](https://www.edn.ru/phczpz).

Поступила: 15.08.2023. Принята: 18.09.2023.

Сведения об авторах:

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Москва, Россия.

uzubok@mail.ru

Author ID РИНЦ: [74721](https://elibrary.ru/74721); ORCID: [0000-0002-3108-2614](https://orcid.org/0000-0002-3108-2614)

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Москва, Россия. nas0311@ya.ru

Author ID РИНЦ: [432257](https://elibrary.ru/432257); ORCID: [0000-0001-9691-3020](https://orcid.org/0000-0001-9691-3020)

Yu. A. Zubok^{1,2}, N. A. Seliverstova¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS

² Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

Moscow, Russia

YOUTH VIEWS ABOUT THE FUTURE OF THE COUNTRY IN THE PROJECTION OF CULTURE

Abstract. The article analyzes the connection between the meanings formed in the cultural space of young people and their ideas about goals “significant for the future of the country” (“affordable qualified healthcare as a guarantee of a high quality of life”, “family as the basis of confidence and security”, “living space as environment for a comfortable life”, “labor as a source of material well-being”, “balance of rights and responsibilities of citizens as a factor in the consolidation of society”, “education as a condition for social advancement”, active civil society as a condition for democratization in the country”, “power capable of ensuring the achievement the listed goals as a guarantee of the country’s sustainable development”). The analysis revealed that the complete identification of young people with the semantic characteristics of the basic culture, regardless of its types, correlates with the maximum degree of support for a certain goal that is significant for the future of the country. This fact is considered as evidence of the integration of the carriers of basic culture into Russian society, their sociocultural involvement in the changing reality. Denial by young people of belonging to the basic culture through its specific type predominantly leads to a slight decrease in the degree of support for goals that are significant for the future. It was found that both acceptance and denial of subcultural meanings regulate support for these goals to a lesser extent. The authors suggest that ideas about socially significant goals are in closer connection with broad layers of culture mastered in the process of socialization and are less determined by socio-psychological and sociocultural characteristics determined by age.

Keywords: youth; future of the country; cultural space; meanings; types of culture; youth subculture

For citation: Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Youth views about the future of the country in the projection of culture. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):39–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1>

References

1. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Science. Culture. Society*. 2022;28(4):56–74. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5).
2. Malenkov V. V., Farakhutdinov Sh. F. Future of Russia in the Representations of Post-Soviet Youth. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2019;(3):107–118. (In Russ.).
3. Levashov V. K., Grebnyak O. V., Novozhenina O. P. Images of the future in the consciousness of Russian youth: value orientations, digital innovation and socio-political expectations. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. 2021;14(2):104–120. (In Russ.). DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-104-120](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120).
4. Vilkov A. A. Value and ideological factor of formation of the image of Russia's future among modern youth (Regional case). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(1):101–107. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107).
5. Noyanzina O. E., Maximova S. G., Omelchenko D. A. The traditional and the modern in constructing axiological foundations of youth's life prospects (Tuva and other regions)]. *New Research of Tuva*. 2023;(1):154–169. (In Russ.). DOI [10.25178/nit.2023.1.9](https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.9).
6. Shaikhislamov R. B., Asadullina G. R., Sadretdinova E. V. The image of Russia of the present and the future in the ideas of youth: semantic themes in the context of new challenges and opportunities. *Society and Security Insights*. 2023;6(1):13-31. (In Russ.). DOI [10.14258/SSI\(2023\)1-01](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)1-01).
7. Zubok Yu. A., ed. Scientific Notes of FNISC RAS. Vol. 12. The image of Russia's future in the conditions of global risks. Moscow: FNISC RAS; 2023. 63 p. (In Russ.). Available at: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=12016> (accessed: 28.08.2023).
8. Andreev A. L., Andreev I. A., Slobodenyuk E. D. Russians' Ideas about the Future of Russia. *Sociological Studies*. 2022;(10):49–61. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250020368-7](https://doi.org/10.31857/S013216250020368-7).
9. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth in the cultural space: self-regulation of life activity. Moscow: Norma; 2020. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00156-082-1.
10. Berezina N. V., Bogdanov I. Y., Velikaya N. M. [et al.]. Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022. Moscow: FCTAS RAS; 2023. 549 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023).
11. New Philosophical Encyclopedia : in 4 Vol. Vol. 3. Moscow: Mysl'; 2010. 692 p. (In Russ.). ISBN 978-5-244-01118-0.
12. Lurie S. V. Psychological anthropology: history, current state, prospects. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii projekt; 2005. 624 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0544-6.
13. Frankl V. E. Das leiden am sinnlosen leben Freiburg. Novosibirsk: Sibirskoe univ. izd-vo; 2011. 102 p. (In Russ.). ISBN 978-5-379-01751-4.
14. Weber M. Selected Works. Moscow: Progress; 1990. 808 p. (In Russ.). ISBN 5-01-001584-6.
15. Chuprov V. I. Self-Regulation of the Youth Life in Cultural Space: the Concept of Socio-Cultural Mechanism. *Humanities of the South of Russia*. 2018;7(4):13–25. (In Russ.). DOI [10.23683/2227-8656.2018.4.1](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.1).
16. Gorshkov M. K. "Russian dream": an experience of sociological measurement. *Sociological Studies*. 2012;(12):3–11.

Received: 15.08.2023. Accepted: 18.09.2023.

Information about the authors:

Yulia A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director of Science and Research, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. uzubok@mail.ru
ORCID: [0000-0002-3108-2614](https://orcid.org/0000-0002-3108-2614)

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Main researcher of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. nas0311@ya.ru
ORCID: [0000-0001-9691-3020](https://orcid.org/0000-0001-9691-3020)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.2)
EDN [IQADBG](https://edn.iqadbg.ru)
УДК 316.35+316.628.5

М. В. Певная¹, Д. В. Минченко¹, А. А. Белов¹
¹ УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

МОТИВАЦИЯ В САМОРЕГУЛЯЦИИ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье анализируются изменения мотивации волонтерской деятельности российских старшеклассников и студентов. Теоретической основой представленного исследования выступает концепция саморегуляции жизнедеятельности молодежи, согласно которой мотивация рассматривается как социокультурный регулятор волонтерства. Анализ мотивации волонтерской деятельности молодежи в условиях её многолетней целенаправленной регуляции приобретает особую актуальность. Авторами анализируются результаты социологического опроса учащейся молодежи Свердловской области в возрасте от 14 до 24 лет (n – 996, выборка квотная, 2022). В исследовании выявлено, что мотивация волонтерской деятельности учащейся молодежи крупнейшего российского региона отражает тренды на конкретизацию волонтерских усилий в молодежном сознании и важность понимания прикладного результата от них как для общества, так и для себя лично, а также предпочтения добровольческих практик конструктивного гражданского поведения, позволяющих молодежи самореализоваться. Волонтерскую активность старшеклассников стимулируют альтруистическая мотивация и запросы на приобретение уверенности в себе и своих силах. Мотивация волонтерской деятельности студентов за последние два года стала более прагматична и сопряжена в период обучения в колледже с выстраиванием социальных связей и расширением возможностей для трудоустройства, в период обучения в высшей школе – с потребностью в реализации профессиональной или общественно-политической карьеры. Результаты опроса доказывают, что внутренняя мотивация волонтерской деятельности как показатель интериоризации ценностей волонтерства и принятие этой активности как своей не формируется внешней средой, где организуются молодежные волонтерские проекты – школой, колледжами, университетами, молодежными организациями, а зависит от регулярности волонтерского участия молодежи и следствия этого вовлечения, то есть волонтерской самоидентификации. Определённым свидетельством адаптации молодежи к условиям популяризации волонтерской деятельности и её принятия в свой жизненный мир поколением являются практики, в которых молодые люди и девушки приобретают как добровольцы опыт безвозмездной деятельности в формате онлайн. Именно эти практики напрямую связаны с внутренней мотивацией волонтерской деятельности, которая детерминирует готовность молодых волонтеров продолжать эту активность.

Ключевые слова: мотивация волонтерской деятельности; волонтерство молодежи; саморегуляция жизнедеятельности молодежи; социальная адаптация

Для цитирования: Певная М. В., Минченко Д. В., Белов А. А. Мотивация в саморегуляции волонтерской деятельности молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 53–68. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.2). EDN [IQADBG](https://edn.iqadbg.ru)

Введение. Просоциальная активность традиционно изучается как социальное взаимодействие, в результате которого происходит становление личности человека в ходе определённых действий с его стороны, приводящих к формированию его гражданской субъектности [1]. Одним из видов такой активности является добровольческая деятельность, вписанная институционально в по-

литическую и социально-экономическую повестку разных стран как социализирующий механизм или один из способов привлечения граждан к решению возникающих проблем. Молодёжное волонтерство во всем мире рассматривается как ресурс социального развития. По данным организации «Добровольцы ООН», каждый третий представитель молодого поколения заявляет о своём опыте волонтерской деятельности (около 600 млн человек в мире). И только один из пяти молодых волонтеров работал через некоммерческие организации². До пандемии коронавируса фиксировался тренд к расширению волонтерства в мире – увеличение числа молодых волонтеров отмечалось в разных странах. Если в странах Европейского союза в 2011 году на организованных началах волонтерством за последний год занимались 24% молодёжи, то в 2019 – 34%³. В США численность организованных волонтеров среди молодёжи в 2013 году составляла 21,8% и увеличилась к 2019 году до 26,8%⁴.

Последнее десятилетие волонтерская деятельность интенсивно поддерживается на государственном уровне и в России. Был принят ряд законодательных инициатив по регламентированию, обеспечению нормативной базы и развитию инфраструктуры, включая поправку в Конституцию РФ, «Концепцию развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 года», поддержку сети волонтерских центров. Разработан и внедрён Национальный стандарт государственного содействия волонтерству. В 2018 году он был обозначен как лучшая мировая практика государственного управления в этом направлении⁵. Созданные условия привели к расширению волонтерского сообщества. Его ключевой прирост был обеспечен молодым поколением россиян благодаря вовлечению школьников и студентов во всероссийские волонтерские движения и деятельность детско-юношеских и молодёжных организаций. По данным федеральной платформы Добро.ru, 30% зарегистрированных волонтеров не достигли 18 лет, 34% – в возрасте от 19 до 24 лет и 13% российских волонтеров от 25 до 34 лет (данные на 30.08.2023)⁶.

В 2016-2020 годах отмечается устойчивый рост населения в возрасте 15 лет и старше, участвующего в добровольческом движении. Так, в 2016 г. количество участников добровольческого движения составило более 1,44 млн человек, в 2018 г. – более 1,53 млн человек, в 2020 г. – 2,03 млн человек⁷. Волонтерская деятельность становится среди молодёжи популярным видом деятельности и досуга. У каждого второго молодого россиянина в ближайшем окружении есть люди, которые занимаются волонтерством⁸. Таким образом, добровольческая активность начинает постепенно вписываться в повседневность молодого поколения, где определённую роль играет её мотивация как основа индивидуальных и совместных с другими действий молодых россиян, направленных на помощь нуждающимся в ней людям и приводящих к текущим изменениям как в жизни последних, так и в жизнедеятельности самих волонтеров.

² Youth and Volunteering // UNV Knowledge Portal. URL: <https://clck.ru/35WzET> (accessed: 29.08.2023).

³ The Commission steps up action for high quality and inclusive youth volunteering // European Commission. 13.01.2022. URL: <https://clck.ru/35WzDx> (accessed: 29.08.2023).

⁴ Number of volunteers // ILO. URL: <https://clck.ru/35WzF6> (accessed: 29.08.2023).

⁵ The thread that binds. Volunteerism and community resilience: state of the World's Volunteerism Report, 2018. URL: <https://www.unv.org/publications/swvr2018> (accessed: 29.08.2023).

⁶ Аналитика волонтерства // Добро.ru. URL: <https://clck.ru/gkAdm> (accessed: 29.08.2023).

⁷ Доклад о развитии добровольчества в РФ в 2020 году. URL: <https://clck.ru/35WzGp> (дата обращения: 29.08.2023).

⁸ Исследование потенциала развития добровольчества в РФ // ДоброЖурнал. URL: <https://clck.ru/u2htQ> (дата обращения: 29.08.2023).

Авторы в данной статье отвечают на исследовательские вопросы: происходят ли какие-либо изменения мотивации волонтерской деятельности российской молодежи в целом, а также изменения, сопряженные с молодежным сознанием и добровольческими действиями старшеклассников и студентов? Как мотивация регулирует волонтерскую деятельность учащейся молодежи? Какова специфика социокультурной саморегуляции волонтерства молодого поколения при повсеместной институциональной поддержке добровольчества в нашей стране?

Волонтерство в саморегуляции жизнедеятельности молодежи: теоретические идеи. Согласно концепции саморегуляции жизнедеятельности молодежи, содержательную направленность процессу саморегуляции придает сложная, внутренне взаимосвязанная система мотивации, которая содержит смыслы-образы, позволяющие молодому человеку упорядочивать социальную реальность и преодолевать личностные отклонения в процессе своего развития [2, с. 9]. Саморегуляция проявляется в способности разных групп молодежи воздействовать на условия своей жизнедеятельности, приспособляя социальную реальность к своим потребностям [3]. В этой логике мотивация волонтерской деятельности определенным образом отражает переход индивидов от потребностей, интересов и ценностей к достижению ими личных целей на определенных этапах своего взросления (в период обучения в школе, колледже или вузе).

Социологически саморегуляция волонтерской деятельности индивида или группы может трактоваться как определенные действия и мысленная активность, направленные на соответствие тем состояниям, условиям и способам жизнедеятельности, которые воспринимаются ими как должные, желательные и ожидаемые [4, с. 141]. Соответственно планы продолжать эту социальную активность в своём будущем в тех или иных проявлениях или практиках могут рассматриваться как элемент самоорганизации молодых людей и девушек, когда мотивация волонтерского труда сопрягается с их мотивационной структурой жизнедеятельности в целом. А именно с солидарностью в отношениях в трудовом или учебном коллективе, чувством коллективизма; с ориентированностью на любовь к ближнему, честь, достоинство, милосердие при стремлении отстаивать свои права и выраженном рационализме; с отношением к стране как к месту проживания при открытости поколения ко всему иностранному [5]. Важно и учитывать ориентацию молодежи на интернет и социальные сети как площадки реализации её социальной активности [6], развлечения и общения [7], где молодые россияне могут удовлетворять свои потребности в образовании, досуге, занятости, проявлять себя в общественно-политической сфере [8], где практики волонтерства в режиме онлайн воспринимаются поколением привычнее и понятнее [9].

Волонтерская деятельность молодежи как социальная активность часто понимается как участие в решении общественных задач, обладающих просоциальной ценностью. Благодаря ей индивид не просто осознает социальные проблемы, но и соотносит собственные потребности с общественными запросами. В таком ключе мотивация волонтерского труда может отражать определенные обязательства, которые берет на себя молодой человек или девушка, когда выходят за рамки личной (частной) жизни [1]. В мотивации добровольческой деятельности фиксируется и отношение личности к самому волонтерству как к практике социальной активности, попадающей во внешней среде в ситуацию целенаправленного регулирования [10].

В итоге для молодого поколения волонтерская деятельность – такой тип активности, который позволяет совместить удовлетворение личных потребно-

стей и интересов с общественным запросом. Участие в добровольческих акциях и проектах молодых людей и девушек сопряжено с разными ценностно-смысловыми результатами этой активности для каждого вовлечённого в них. Такая активность обуславливает академические успехи [11], возможности трудоустройства [12], решение социально-психологических проблем [13]. Для общества волонтерство – механизм социализации молодёжи, обеспечивающий развитие жизненных навыков у подрастающего поколения, формирование гражданской ответственности [14]. Именно волонтерство открывает широкие возможности для личностно-профессиональной самореализации, получения уникального опыта социально ориентированной работы [15]. Такое разнообразие социальных результатов волонтерского участия объясняет и сложность структуры мотивации добровольческой деятельности, интегрирующей различные установки.

Одним из самых распространённых социологических подходов к анализу мотивов, побуждающих добровольцев к участию в волонтерстве, является их типологизация, предложенная Х. Анхайером (H. Anheier) и Л. Саламоном (L. Salamon). Исследователи систематизировали широкую линейку мотивов волонтерства и выделили три их группы: альтруистические, инструментальные и мотивы долга. В первую группу были включены установки, позволяющие волонтерам соотносить свою активность с помощью конкретным людям, сообществам, организациям. Инструментальные мотивы обеспечивают волонтерам их личные запросы, например, желание получить какой-либо опыт и освоить новые навыки, сделать что-то стоящее в свободное время, найти друзей и т.д. Мотивы третьей группы сопряжены с моральным и религиозным долгом, политической активностью, желанием внести вклад в развитие местного сообщества [16].

Международная группа социологов К. Смит (K. Smith), Р. Кнаан (R. Snaap), К. Холмс (K. Holms) и Д. Хаски-Левенталь (D. Haski-Leventhal) смогли предложить ещё один подход к оценке мотивации волонтерской деятельности, сгруппировав все возможные мотивы в группы карьерных, альтруистических (ценностных) и социальных. Если карьерные установки связаны со стремлением отразить добровольческий опыт в резюме, завести полезные знакомства, устроиться на работу, то альтруистические отражают понимание важности оказания предельно конкретной помощи кому-то либо где-то. Социальные мотивы связаны с желанием волонтеров расширить круг своего социального взаимодействия. В эту группу входят мотивы поиска друзей, запрос на чувство сопричастности с близкими людьми и др. [17].

Иначе к систематизации мотивов добровольческой активности подошли российские исследователи, которые обобщили и разделили все мотивы на более укрупнённые группы по социально-психологическому основанию установок. В этой типологии группа внутренних мотивов включает общественно-полезные и рационально-эгоистические побуждения. Вторая группа мотивов обусловлена проявлениями внешней по отношению к добровольцу среды. [18]. Конкретизировали суть аналогичного подхода к изучению мотивации социологи Базельского университета. Они охарактеризовали внутренние установки как эмоционально-чувственные проявления, связанные с достижением духовного и эмоционального удовлетворения. Внешние же мотивы сопряжены с возможностями индивида во внешней среде, где ему необходимо применить полученные навыки на практике, удовлетворить какие-либо запросы окружающих [19]. Внутренняя мотивация волонтерского труда, обеспечивая удовлетворение от проделанной работы, определяет и дальнейшие намерения в отношении волонтерской активности через осознание её ценности и места в жизни волонтера не только

в настоящем, но и в его будущем [20]. Именно внутренние мотивы в структуре мотивации волонтерской деятельности могут отражать механизм саморегуляции личности. Мотивация этой активности динамична по своей природе. Она меняется от внешней ситуации (места, времени, окружения), в которой оказывается человек как волонтер [21]. Например, мотивация добровольцев в чрезвычайных ситуациях может быть, как личностной (карьерной), так альтруистической и социальной в зависимости от условий возникновения проблемы в повседневном мире человека [22]. Первый опыт добровольчества чаще приобретается в образовательных организациях, где реализуется воспитательная деятельность – сетевые благотворительные, патриотические акции и проекты [23]. В то же время мотивация молодежи противоречива: осознание молодым поколением ценности добровольчества как безвозмездной общественно полезной работы сочетается с преобладанием прагматических мотивов [24]. Для школьников первостепенны потребность оказывать посильную помощь нуждающимся, желание провести свободное время с пользой [25]. Для студенческой молодежи характерен симбиоз альтруистических установок и ориентация на профессиональное и карьерное развитие [26]. Большинство исследователей отмечают доминирование внешней мотивации молодежи – вынужденность занятия волонтерством [27], необходимость профессионального развития и обеспечения трудоустройства [28], перспективу получения баллов для поступления в вуз [29], возможности улучшения резюме, посещения мероприятий (путешествия) [30].

Мотивация зависит и от самого человека, его социально-психологического состояния, текущих запросов и потребностей, жизненного опыта. В волонтерство учащиеся могут вовлекаться, следуя желанию почувствовать собственную значимость; стремлению стать частью добровольческого сообщества; желанию получить общественное одобрение [31] и эмоции от конкретного вида волонтерства [32]. Социально-психологическая предрасположенность к волонтерству также связана с мотивацией волонтерской деятельности [33].

На основе положений концепции саморегуляции жизнедеятельности молодежи, а также анализа научных идей о предмете исследования можно заключить, что мотивация волонтерской деятельности отражает способности человека адаптироваться к ситуации, менять себя и своё отношение к ней. Она может рассматриваться не только в качестве смыслового основания социального поведения молодежи, отражающего потребности поколения, но и индикатора социокультурной саморегуляции и социальной адаптации молодых волонтеров в тех ситуациях, когда определённые практики добровольческой деятельности рассматриваются ими как часть своего жизненного мира. Появление в сложной, изменяющейся структуре мотивации добровольческой деятельности внутренних мотивов отражает способ саморегуляции молодых людей и девушек, их адаптацию как к внешней социальной среде, так и к самому волонтерству.

Об исследовании и анализируемых социологических данных. Статья написана по результатам эмпирического исследования – опроса молодежи Свердловской области в возрасте от 14 до 24 лет, реализованного в 2022 году методом анкетирования по стандартизированному бланку опроса (n=996, выборка квотная, ошибка с дов. вероят. 0,99 менее 3%). В основе выборки выдержаны следующие квоты: половозрастная структура молодежи; основной вид занятости: в зависимости от уровня образования (школа, колледж/техникум, вуз); место проживания молодежи по численности населения; уровень вовлеченности

в работу общественных объединений и организаций. В опросе приняли участие 42% старшеклассников, 30% студентов организаций среднего профессионального образования (СПО) и 28% обучающихся по программам высшего образования. Анализировались ответы 49% юношей и 51% девушек. Проживают в городе-миллионнике 34% респондентов, каждый десятый (10%) – житель городов с численностью населения от 100 тыс. до 1 млн человек, местом жительства 19% респондентов являются города с населением от 50 тыс. до 100 тыс. человек, 37% – постоянно проживают в населённых пунктах с численностью населения менее 50 тыс. человек. Принимали участие в деятельности молодёжных организаций 38% респондентов. Данные опроса сопоставляются с результатами регионального исследования волонтерской деятельности молодёжи, проведённого в Свердловской области в 2020 году по схожей методике. Для анализа данных применялся метод корреляционного анализа.

При изучении мотивации волонтерской деятельности учащейся молодёжи на основе вышепредставленных подходов были построены разные типологии мотивов волонтерской деятельности. В первом случае все мотивы сгруппированы в группы альтруистических, инструментальных, карьерных и социальных мотивов. Во втором – выделены три укрупнённые группы: мотивы внешней среды, внутренние мотивы и смешанные мотивы. К первой группе были отнесены мотивы волонтерской деятельности, обусловленные внешними обстоятельствами, рациональностью, карьерными ожиданиями и стимулами: перспективы профессиональной карьеры; полезные знакомства; связи с влиятельными людьми; уважение окружающих; возможность улучшить жизнь в своём доме, улице, районе, городе. Вторая группа включает мотивы, сопряжённые с чувствами молодых людей и девушек, их внутренним запросом, уровнем удовлетворённости: интересная работа; любимое дело; хобби; возможность защитить свои права; возможность решить свои проблемы; продвижение своих идей; возможность повысить самооценку. Третья выделенная группа обуславливает амбивалентные мотивы, которые можно отнести по смысловому определению как ко внешней, так и ко внутренней мотивации. В эту группу входят следующие мотивы: доступ к нужной информации; опыт работы; опыт общественно-политической деятельности; новые знания и квалификация; возможность помогать людям; общение с интересными людьми, возможность обрести новых друзей. На основе данной типологии были построены вторичные дихотомические переменные «наличие внутренних мотивов» и «наличие внешних мотивов». Если респондент в поливариантном вопросе выбирал хотя бы один мотив из этих групп, то соответствующей переменной присваивалось значение 1. Методом корреляционного анализа были выявлены статистически значимые связи переменной «наличие внутренних мотивов», исключены ложные корреляции.

Для оценки социально-психологической предрасположенности к волонтерству как внутренней мировоззренческой установке использована «шкала волонтерства-активизма» К. Бейлса (K. Bales) [32], содержащая 20 утверждений, на которые респондентам предлагалось дать ответы по 5-бальной шкале. На основе этих утверждений рассчитан показатель уровня склонности к волонтерству как среднее значение степени согласия с этими утверждениями.

В статье оценка мотивационных установок осуществляется относительно только той доли респондентов, которым приходилось включаться в волонтерские практики в течение последнего года – 34% от числа опрошенной учащейся молодёжи региона.

Результаты исследования.

Изменения мотивации волонтерской деятельности. С 2016 года активная институциональная поддержка волонтерства в нашей стране привела к созданию системы стимулов для активизации волонтерской деятельности разных возрастных групп. В особенности, созданные условия и механизмы затронули интересы именно молодежи, что соответственно предполагает определённые изменения в качественных и количественных характеристиках волонтерского сообщества нашей страны. Однако результаты наших исследований показывают, что доля учащейся молодежи Свердловской области, имеющей опыт волонтерской деятельности, практически не меняется с 2020 года. При этом мотивация волонтерской деятельности учащейся молодежи оказалась более динамична. И выделить эти различия возможно посредством оценки трансформации её структуры через группы мотивов. Распределение ответов респондентов на поливариантный вопрос: «Что даёт Вам участие в волонтерской деятельности?» представлено в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые мотивы, побуждающие учащуюся молодёжь продолжать заниматься добровольческой (волонтерской) деятельностью в 2020 и 2022 гг., в %

Мотивы	2020	2022
Возможность помогать людям	57	56
Полезные знакомства	35	60
Общение с интересными людьми	50	43
Опыт работы	44	51
Возможность улучшить жизнь в своём доме, улице, районе, городе	32	40
Друзья	34	44
Новые знания, квалификация	47	42
Уважение окружающих	28	34
Любимое дело, хобби	28	34
Интересная работа	26	37
Опыт общественно-политической деятельности	32	31
Доступ к нужной информации	14	27
Продвижение своих идей	18	24
Связи с влиятельными людьми	27	22
Перспективы профессиональной карьеры	27	21
Возможность повысить самооценку	23	19
Возможность защитить свои права, решить свои проблемы	18	12

Данные показывают, что не происходит изменений в приоритетности тех или иных групп мотивов волонтерской деятельности учащейся молодежи. Однако существенно изменяется соотношение тех или иных мотивов внутри выделенных групп. На первом месте остаётся группа альтруистических мотивов. Но если гипотетически общий мотив «возможность помогать людям» выбирают чуть более половины респондентов (57% в 2020 году и 56% в 2022 году), то

опрос фиксирует рост доли тех молодых людей и девушек, которым важно сделать на альтруистических началах что-либо конкретное там, где они проживают. Возможность улучшить жизнь в своём доме, районе или городе в 2022 году мотивирует 40% респондентов, тогда как в 2020 году это было важно только для каждого третьего (34%).

В группе социальных мотивов происходят противоречивые изменения. Они демонстрируют некоторое сокращение в структуре мотивации волонтерской деятельности учащейся молодёжи Свердловской области значимости мотивов общения с широким кругом людей в сторону запроса на коммуникацию с ближайшим окружением. Если в 2020 году мотив «общение с интересными людьми» был важен для каждого второго респондента (50%), то в 2022 только для 43% из числа всех опрошенных. За два года с 27% до 22% сократилось и число тех молодых людей и девушек, для которых важны связи с влиятельными людьми. При этом в 2022 году запрос на друзей актуален для 44% (увеличение на 10% за два года), на уважение окружающих – для 34% респондентов.

В группе инструментальных мотивов можно зафиксировать снижение желания молодёжи бороться за свою индивидуальность. Значимость мотива «возможность защитить свои права, решить свои проблемы» сократилась за два года до 12%, а мотива «возможность повысить свою самооценку» – с 23% в 2020 году до 19% в 2022 году. Учащаяся молодёжь в большей мере ориентирована на конструктивное поведение. Доли респондентов, обозначивших мотивы «доступ к нужной информации», «продвижение своих идей», «любимое хобби», «интересная работа» увеличились.

В группе карьерных мотивов можно выделить тенденцию на конкретизацию запросов молодёжи к ожиданиям от волонтерской деятельности. В общей, менее предметной, формулировке мотив «перспективы профессиональной карьеры» снижает свою значимость для учащейся молодёжи. Если в 2020 году его выбирали 27% респондентов, то в 2022 году он важен только для 21% опрошенных. При этом резко выросла (с 35% до 60%) значимость мотивов «полезные знакомства» и конкретный «опыт работы» (с 44% до 51%).

Изменения в мотивации волонтерской деятельности несколько отличаются в сообществах старшеклассников, студентов колледжей и студентов высшей школы (см. табл. 2). В целом опыт волонтерства за последний год в Свердловской области имели 35% школьников, 27% студентов колледжей и техникумов и 42% студентов университетов.

Если в тройку приоритетных мотивов старшеклассников входят мотивы «возможность помочь конкретным людям» (58%), «полезные знакомства» (55%) и «возможность улучшить жизнь в своём доме, улице, районе, городе» (49%), то у студентов как организаций СПО, так и высшей школы третью позицию занимает мотив «опыт работы» (50% и 57% соответственно).

Альтруистические мотивы в сложной структуре мотивации волонтерской деятельности сильнее выражены у старшеклассников. Последним более характерны и мотивы, связанные с их психологической стабильностью, им требуется «уважение окружающих» (37%), для каждого четвёртого школьника (25%) с опытом волонтерства важно повысить свою самооценку. Именно школьники чаще студентов видят в волонтерской деятельности возможности защитить свои права (14%).

Мотивация студентов колледжей более прагматична. Первое место в структуре мотивов для двух из трех учащихся колледжей и техникумов занимает возможность завести полезные знакомства (66%). Более выраженными оказался и запрос на то, чтобы найти друзей (48%), заняться интересной для себя работой

Таблица 2

Ключевые мотивы, побуждающие старшеклассников, студентов колледжей и вузов заниматься добровольческой (волонтерской) деятельностью, в %

Мотивы	Школьники	Рейтинг	Студенты колледжей	Рейтинг	Студенты высшей школы	Рейтинг
Возможность помогать людям	58	1	51	2	57	2,5
Полезные знакомства	55	2	66	1	61	1
Связи с влиятельными людьми	19	15	20	13	28	10,5
Уважение окружающих	37	9	34	9	31	9
Возможность улучшить жизнь в своём доме, улице, районе, городе	49	3	40	7,5	39	5
Опыт работы	47	4	50	3	57	2,5
Доступ к нужной информации	23	13	31	11	28	10,5
Опыт общественно-политической деятельности	26	11	33	10	37	6
Новые знания, квалификация	41	6	40	7,5	44	4,5
Друзья	42	5	48	4	44	4,5
Общение с интересными людьми	40	7	44	5	45	3
Интересная работа	38	8	41	6	34	8
Любимое дело, хобби	34	10	35	8	35	7
Возможность защитить свои права, решить свои проблемы	14	16	9	16	10	14
Продвижение своих идей	25	12,5	21	12	26	11
Возможность повысить самооценку	25	12,5	11	15	18	13
Перспективы профессиональной карьеры	20	14	19	14	24	12

(41%). Каждый третий (31%) обучающийся по программам среднего профессионального образования ценит доступ к нужной информации, открывающийся благодаря занятию добровольчеством.

Студенты высшей школы ближе других возрастных групп к реальному рынку труда, в связи с этим их обоснованно отличает карьерная ориентированность. Для них важны возможность получения опыта работы (57%), приобретение новых знаний, повышение квалификации (44%), участие в общественно-политической деятельности (37%). Четверть респондентов отметили значимость перспектив профессиональной карьеры (24%), возможностей продвигать собственные идеи (26%) и знакомства с влиятельными людьми (28%).

Характеристика условий появления внутренних мотивов в структуре мотивации волонтерской деятельности учащейся молодежи. Образовательная среда в нашей стране призвана создавать условия для занятия волонтерством учащейся молодежи, соответственно, в связи со сменой статуса образовательной занятости у молодых людей и девушек должен расширяться волонтерский опыт, а в струк-

туре мотивации волонтерской деятельности происходить определённые изменения – к мотивам внешней мотивации присоединяются внутренние, отражающие осознание личных потребностей. Однако связь между переменными «наличие внутренних мотивов» и «образовательный статус», «опыт участия в проектах молодёжных организаций», а также «членство в молодёжных организациях по месту учёбы» не была выявлена. Соответственно далеко не всегда внешние условия для волонтерства, а именно образовательная и воспитательная среда детерминирует появление внутренних мотивов, а какие-то другие факторы и условия.

Мы проанализировали взаимосвязь наличия внутренних мотивов в структуре мотивации волонтерской деятельности учащейся молодёжи с социально-демографическими характеристиками респондентов, а также с их социально-психологической характеристикой «предрасположенность к волонтерству» и не выявили статистически значимых связей.

Статистически значимая связь была выявлена между переменной «внутренние мотивы» только с некоторыми характеристиками опыта волонтерской деятельности – «регулярностью участия» (см. табл. 3), социально-психологическим последствием вовлеченности в добровольчество – «самоидентификацией респондентов как волонтеров» (коэффициент Фишера 0,286, p-value 0,000), а также с «опытом их безвозмездной деятельности в формате онлайн» (коэффициент Фишера 0,243, p-value 0,000).

Таблица 3

**Регулярность волонтерской деятельности учащейся молодёжи
(коэффициент Крамера 0,280, p-value 0,001)**

Как часто вы занимаетесь добровольчеством?	Наличие внутренних мотивов в структуре мотивации волонтерской деятельности, %			
	Да		Нет	
	N	%	N	%
Постоянная работа в роли волонтера (практически 1 раз в месяц)	85	41	34	25
Эпизодическое участие в роли волонтера в добровольческих проектах (3-5 раз в год)	72	35	47	34
Случайное участие в роли волонтера в добровольческих проектах (1-2 раза)	48	24	57	41
Всего	205	100	138	100

Чем чаще респондент занимается волонтерством, тем более вероятным становится появление в структуре его мотивации внутренних мотивов этой деятельности. Среди волонтеров, имеющих внутреннюю мотивацию, 41% работают безвозмездно на регулярной основе, 35% занимаются добровольчеством эпизодически и только каждый четвертый (24%) ситуативно. В группе молодых волонтеров, чья мотивация к добровольческой деятельности преимущественно внешняя, 41% респондентов работал как доброволец 1-2 раза и только каждый четвертый (25%) не реже, чем 1-2 раза в месяц. Самоидентификация молодого человека или девушки себя как волонтера делает наиболее вероятным наличие в структуре мотивации их добровольческой деятельности внутренних мотивов. В сообществе тех, кто выделяет внутренние мотивы, оценивая мотивацию своей волонтерской деятельности, идентифицируют себя как волонтеров 85% респондентов данной группы. В подгруппе не имеющих внутренних мотивов молодых

уральцев самоидентификация себя как волонтера характерна только для 62% из числа всех опрошенных в данной подгруппе.

Наличие внутренних мотивов волонтерской деятельности в структуре мотивации никак не коррелирует с готовностью молодых уральцев продолжать волонтерскую деятельность. Однако статистически значимые различия были выявлены в сообществах, имеющих и не имеющих в структуре мотивации волонтерской деятельности внутренние мотивы, в отношении планов респондентов данных групп по их участию в социальных проектах в формате онлайн (коэффициент Фишера 0, 272, p-value 0,000). Положительно ответили на вопрос: «Готовы ли Вы участвовать в социальных проектах, помогать их организовывать онлайн?» – 57% респондентов, выбравших внутренние мотивы своей волонтерской деятельности и только 34% из числа опрошенных в группе тех, кто внутренние мотивы не отметил.

Заключение. Особенности социокультурной саморегуляции уральской молодежи проявляются в разных аспектах её жизнедеятельности. Занимаясь волонтерством, старшеклассники и студенты вкладывают в эту деятельность разный смысл и ищут индивидуальные аргументы, когда включаются в какие-либо добровольческие инициативы, либо отказываются от них. Волонтерство как социальная активность – социальный процесс, в котором молодые люди реализуют свою социальную субъектность жизнедеятельности, с одной стороны, для обретения устойчивого социального положения при включении в среду, а с другой – для подтверждения самостоятельности. Они конструируют жизненную стратегию.

В условиях институционального закрепления и расширения внешней ресурсной поддержки практик организации и популяризации волонтерской деятельности в нашей стране происходят определённые изменения в отношении молодежи к этому виду социальной активности. Во многом они находят своё отражение в мотивации добровольческой деятельности молодых людей и девушек, в структуре которой альтруистические установки все чаще пересекаются с прагматическими мотивами. При этом учащаяся молодёжь Свердловской области становится более ориентирована на реальные, «земные», дела, помощь конкретным людям, в близкой им среде своего жизненного пространства – родного двора, улицы, района города. Молодое поколение больше настроено на конструктивное гражданское поведение и практики, в которых они могут самореализоваться. Изменения в мотивации волонтерской деятельности позволяют зафиксировать ориентацию учащейся молодёжи на конкретизацию своих запросов и ожиданий от добровольческого участия.

Старшеклассники идеализируют свой мир, альтруистические мотивы добровольческой деятельности в их сообществе выражены ярче, чем в других возрастных группах молодёжи. Дефицит жизненного опыта обуславливает запрос на психологическую стабильность, и мотивы волонтерской деятельности учащихся старших классов это хорошо фиксируют. Мотивация волонтерской деятельности студентов за последние два года стала ещё более прагматична, чем ранее. Она сопрягается в период обучения в колледже с выстраиванием социальных связей и расширением возможностей студентов-волонтеров для трудоустройства, в период обучения в вузе – с потребностью в реализации профессиональной или общественно-политической карьеры.

Результаты опроса доказывают, что внутренняя мотивация волонтерской деятельности как отражение интериоризации ценностей волонтерства и принятие этой активности как своей не формируются внешней средой, где организуют

ся молодёжные волонтерские проекты – школой, колледжами и техникумами, университетами, молодёжными организациями, а зависит от регулярности волонтерского участия молодёжи и следствия этого вовлечения, то есть волонтерской самоидентификации. Определённым свидетельством адаптации молодёжи к условиям популяризации волонтерской деятельности и её принятия в мир поколения являются практики, в которых молодые люди и девушки приобретают опыт безвозмездной деятельности в формате онлайн. Именно эти практики, когда характеристики поколения сопрягаются с запросами общества, напрямую связаны с внутренней мотивацией волонтерской деятельности. Они также детерминируют готовность молодых волонтеров продолжать эту активность не только в настоящий момент, но и в будущем.

Библиографический список

1. *Зубок Ю. А., Березутский Ю. В.* Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 2. С. 89–105. DOI [10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105). EDN [UOMSPG](https://www.edn.ru/entry/UOMSPG).
2. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социокультурный механизм саморегуляции в политической жизни молодежи // *Социология власти*. 2011. № 6. С. 9–20. EDN [OKIXDV](https://www.edn.ru/entry/OKIXDV).
3. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 6. С. 215–231. DOI [10.15838/esc.2020.6.72.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.13). EDN [NWMEAQ](https://www.edn.ru/entry/NWMEAQ).
4. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2008. № 2. С. 142–155. EDN [NRBHSN](https://www.edn.ru/entry/NRBHNS).
5. *Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С.* Опыт структурно-таксономического исследования самоорганизации жизнедеятельности молодежи // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 53. С. 59–75. DOI [10.17223/1998863X/53/7](https://doi.org/10.17223/1998863X/53/7). EDN [JOGDIE](https://www.edn.ru/entry/JOGDIE).
6. *Seigfried-Spellar K. C., Lankford C. M.* Personality and online environment factors differ for posters, trolls, lurkers, and confessors on Yik Yak // *Personality and individual differences*. 2018. Vol. 124. P. 54–56. DOI [10.1016/j.paid.2017.11.047](https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.047).
7. *Руденкин Д. В., Руденкина А. И.* Интернет в социальной реальности современной российской молодежи: тренды и риски // *Juvenis scientia*. 2019. № 1. С. 43–48. DOI [10.32415/jscientia.2019.01.10](https://doi.org/10.32415/jscientia.2019.01.10). EDN [YUTRJB](https://www.edn.ru/entry/YUTRJB).
8. *Шамионов Р. М., Суздальцев Н. В.* Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19, № 1. С. 21–38. DOI [10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38). EDN [RMLEQQ](https://www.edn.ru/entry/RMLEQQ).
9. *Иванов Р. В.* Активизация участия молодежи в волонтерской деятельности // *Социология*. 2022. № 1. С. 101–122. EDN [CUIZKJ](https://www.edn.ru/entry/CUIZKJ).
10. *Зубок Ю. А.* Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 4–12. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1688](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688). EDN [KFHOU1](https://www.edn.ru/entry/KFHOU1).
11. *Мацюк Т. Б.* Волонтерская деятельность студентов вуза как ресурс формирования профессионально важных качеств // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2018. Т. 11, № 3. С. 80–91. EDN [ZSUJAT](https://www.edn.ru/entry/ZSUJAT).
12. *Greenleaf S., Ries P. D.* Citizen advisory boards in urban forestry: Who are members and why do they serve? // *Urban Forestry & Urban Greening*. 2020. Vol. 47. Article 126553. DOI [10.1016/j.ufug.2019.126553](https://doi.org/10.1016/j.ufug.2019.126553).
13. *Шульгина Т. А., Кетова Н. А.* «Ты записался добровольцем?», или Зачем студенты идут в волонтеры // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29, № 1. С. 116–124. DOI [10.31992/0869-3617-2020-29-1-116-124](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-1-116-124). EDN [YHEJZS](https://www.edn.ru/entry/YHEJZS).
14. *Astin A. W., Sax L. J.* How undergraduates are affected by service participation // *Journal of College Student Development*. 1998. No. 39(3). P. 251–263.
15. *Wise N., Kohe G. Z., Koutrou N.* Sport volunteering, educational leadership and social transformation // *Sport, Education and Society*. 2021. № 26(9). P. 945–951. DOI [10.1080/13573322.2021.1946028](https://doi.org/10.1080/13573322.2021.1946028).

16. *Anheier H. K., Salamon L. M.* Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons // *Law and Contemporary Problems*. 1999. Vol. 62, No. 4. P. 43–65. EDN [GYJHWV](#).
17. *Smith K., Holmes K., Haski-Leventhal D. [et al.]*. Motivations and benefits of student volunteering: comparing regular, occasional, and non-volunteers in five countries // *Canadian journal of nonprofit and social economy research*. 2010. No. 1(1). P. 65–81. DOI [10.22230/cjnser.2010v1n1a2](#).
18. *Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четчикова Н. И.* [и др.]. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 3. С. 49–71. EDN [SPWLQH](#).
19. *Hersberger-Langloh S. E., Von Schnurbein G., Kang C. [et al.]*. For the love of art? Episodic volunteering at cultural events // *Voluntas*. 2021. № 33. P. 428–442. DOI [10.1007/s11266-021-00392-0](#).
20. *Краснопольская И. И., Гусева П. Д., Мейс Л.* [и др.]. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 2(168). С. 384–408. DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2113](#). EDN [RCYDOR](#).
21. *Романцева Е. Е.* Особенности мотивации волонтерской деятельности в России // *Социология*. 2019. № 2. С. 115–121. EDN [FSAMJI](#).
22. *Воронина Н. С., Башева О. А.* Мотивация волонтеров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса // *Вестник Института социологии*. 2022. Т. 13, № 2. С. 65–90. DOI [10.19181/vis.2022.13.2.790](#). EDN [SZGOEV](#).
23. *Смирнов В. А.* Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 5. С. 9–20. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20](#). EDN [ADDRWX](#).
24. *Коган Е. А., Квон Д. А.* Изучение мотивов волонтерской деятельности среди студенческой молодежи // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 4(40). С. 116–125. DOI [10.32744/pse.2019.4.10](#). EDN [GEIQMJ](#).
25. *Сутрин Н. Г., Гурьянова И. В., Мартынова Н. В.* Развитие волонтерской деятельности в среде учащихся образовательных организаций Российской Федерации: инновационный подход // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 1(37). С. 236–250. DOI [10.32744/pse.2019.1.17](#). EDN [VUSMHG](#).
26. *Воронова Р. Б.* Мотивация участия студентов в волонтерской деятельности как фактор саморазвития // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. Т. 11, № 1. EDN [HBBUFS](#).
27. *Неделько П. С.* Ключевые черты современного российского волонтерства // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 11(1). С. 76–80. DOI [10.23672/i0210-3405-5241-f](#). EDN [UNEKIB](#).
28. *Мазниченко М. А., Папазян Г. С., Попов Д. И.* [и др.]. Исследование развивающего потенциала студенческого событийного волонтерства // *Вестник РМАТ*. 2019. № 2. С. 25–34. EDN [BKUPPP](#).
29. *Федорова М. Н.* Волонтерство как нерыночная форма развития человеческого потенциала // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 3. С. 146–157. DOI [10.52180/2073-6487_2021_3_146_157](#). EDN [JPIHCSD](#).
30. *Сухарькова М. П.* Кадровый потенциал китайской олимпийской волонтерской программы «Пекин 2022» // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 3. С. 152–164. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.11](#). EDN [HLNQZF](#).
31. *Нятина Н. В.* Волонтерская деятельность в оценках студентов: преимущества и барьеры // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 3(95). С. 30–33. DOI [10.24158/spp.2022.3.4](#). EDN [POTIBD](#).
32. *Ромашкина Г. Ф., Лисица А. В.* Гражданская наука – за и против // *Siberian Socium*. 2022. Т. 6, № 3. С. 39–59. DOI [10.21684/2587-8484-2022-6-3-39-59](#). EDN [OQNWWG](#).
33. *Bales K.* Measuring the propensity to volunteer // *Social Policy and Administration*. 1996. Vol. 30, Issue 3. P. 206–226. DOI [10.1111/j.1467-9515.1996.tb00555.x](#).

Поступила: 05.08.2023. Принята: 11.09.2023.

Сведения об авторах:

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. m.v.pevnaya@urfu.ru
Author ID РИНЦ: 594823; ORCID: 0000-0003-3591-1181

Минченко Дарья Вячеславовна, магистрант Института экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. minchenkodarya@yandex.ru
Author ID РИНЦ: 1160222

Белов Антон Александрович, аспирант 2 года обучения Института экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. a.a.belov@urfu.ru
Author ID РИНЦ: 1203160

M. V. Pevnaya¹, D. V. Minchenko¹, A. A. Belov¹

¹Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

MOTIVATION IN SELF-REGULATION OF YOUTH VOLUNTEER ACTIVITIES

Abstract. The research is devoted to the study of youth motivation for volunteer activities. The theoretical basis of the presented study is the concept of youth's self-regulation. According to its provisions, the motivation of volunteer activity can be considered as an indicator of socio-cultural self-regulation and social adaptation of young volunteers in those situations when certain volunteering practices are considered by them as part of their world. The article analyzes the results of a sociological survey of young students of the Sverdlovsk region aged 14 to 24 (N – 996, quota sample, 2022). The study revealed that the motivation for the volunteer activity of the student youth of the Sverdlovsk region reflects the trends for concretization in the youth consciousness of volunteer efforts and the importance of understanding the possibility to get applicable results both for society and for themselves, as well as the preference for voluntary practices of constructive civic behavior that enable young people to fulfill their potential. Altruistic motivation and self-confidence motivate high school volunteers. The motivation of students volunteering over the past two years has become more pragmatic and is associated with building social networks and expanding employment opportunities, while studying at a university – with the need to pursue a professional or socio-political career. According to the poll results, it is proved that the internal motivation for volunteering activity as a reflection of the interiorization of values of volunteering and the acceptance of this activity is not formed by the external environment, where youth volunteer projects are organized by the school, youth organizations, and depends on the regularity of volunteer participation of youth and the consequence of this involvement, volunteer self-identification. Certain evidence of young people's adaptation to the conditions of volunteering popularization and its acceptance is the practice in which they acquire, as volunteers, the experience of related online activities. It is these practices are matched with the demands of society and the inner motivation of volunteering determine the willingness of youth to continue this activity.

Keywords: motivation for volunteer activity; youth volunteering; self-regulation of youth life; social adaptation

For citation: Pevnaya M. V., Minchenko D. V., Belov A. A. Motivation in self-regulation of youth volunteer activities. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):53–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.2>

References

- Zubok Yu. A., Berezutskiy Yu. V. Social activity of youth: ideological foundations of self-regulations. *Power and administration in the East of Russia*. 2020;(2):89–105. (In Russ). DOI [10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105).
- Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Social and cultural mechanism of self-regulation in the political life of youth. *Sociology of Power*. 2011;(6):9–20. (In Russ).
- Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth's activity in changing reality: self-regulation contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(6):215–231. (In Russ). DOI [10.15838/esc.2020.6.72.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.13).
- Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Social regulation under conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in research of youth. *Monitoring of public opinion: economic and social change*. 2008;(2):142–155. (In Russ).
- Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Lyubutov A. S. An Experience of Structural and Taxonomic Research of Self-Organization in the Life Activity of the Youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2020;(53):59–75. (In Russ). DOI [10.17223/1998863X/53/7](https://doi.org/10.17223/1998863X/53/7).
- Seigfried-Spellar K. C., Lankford C. M. Personality and online environment factors differ for posters, trolls, lurkers, and confessors on Yik Yak. *Personality and individual differences*. 2018;(124):54–56. DOI [10.1016/j.paid.2017.11.047](https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.047).
- Rudinkin D. V., Rudenkina A. I. Internet in social reality of contemporary Russian youth: trends and risks. *Juvenis scientia*. 2019;(1):43–48. (In Russ). DOI [10.32415/jscientia.2019.01.10](https://doi.org/10.32415/jscientia.2019.01.10).
- Shamionov R. M., Suzdaltsev N. V. The Ratio Commitment to Social Activity on the Internet and Physical Space among Young People. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2022;19(1):21–38. (In Russ). DOI [10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38).
- Ivanov R. V. Enhancing youth participation in volunteering. *Sociology*. 2022;(1):101–122. (In Russ.).
- Zubok Ju. A. Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring of public opinion: economic and social change*. 2020;(3):4–12. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1688](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688).
- Mazyuk T. B. Volunteer activity of university students as a resource of formation of professionally important qualities. *Theoretical and experimental psychology*. 2018;11(3):80–91. (In Russ.).
- Greenleaf S., Ries P. D. Citizens' Advisory Councils on Urban Forestry: who are their members and why do they serve them? *Urban Forestry & Urban Greening*. 2020;(47):126553. DOI [10.1016/j.ufug.2019.126553](https://doi.org/10.1016/j.ufug.2019.126553).
- Shulgina T. A., Ketova N. A. "Have you volunteered?" or Why Students Become Volunteers. *Higher education in Russia*. 2020;29(1):116–124. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2020-29-1-116-124](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-1-116-124).
- Astin A. V., Sachs L. J. As the participation of students in the service. *Journal of College Student Development*. 1998;39(3):251–263.
- Wise N., Kohe G. Z., Kutra N. Volunteer activities in sports, leadership in education and social transformation. *Sport, education and society*. 2021;26(9):945–951. DOI [10.1080/13573322.2021.1946028](https://doi.org/10.1080/13573322.2021.1946028).
- Anheier H. K., Salamon L. M. Volunteerism from a cross-national perspective: initial comparisons. *Law and Contemporary Problems*. 1999;62(4):43–65.
- Smith K., Holmes K., Haski-Leventhal D. [et al.]. Motivations and benefits of student volunteering: comparing regular, occasional, and non-volunteers in five countries. *Canadian journal of nonprofit and social economy research*. 2010;1(1):65–81. DOI [10.22230/cjnser.2010v1n1a2](https://doi.org/10.22230/cjnser.2010v1n1a2).
- Nezhina T. G., Petukhova K. A., Chechetkna N. I. [et al.]. Motivation of youth participation in volunteer movement. *Public administration*. 2014;(3):49–71. (In Russ.).
- Hersberger-Langloh S. E., Von Schnurbein G., Kang C. [et al.]. For the love of art? Episodic volunteering at cultural events. *Voluntas*. 2021;33:428–442. DOI [10.1007/s11266-021-00392-0](https://doi.org/10.1007/s11266-021-00392-0).
- Krasnopolskaya I. I., Guseva P. D., Meijs L. [et al.]. Determinants of the Episodic Volunteer Satisfaction. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2022;(2):384–408. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2113](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113).
- Romantseva E. E. Features of motivation of volunteer activity in Russia. *Sociology*. 2019;(2):115–121. (In Russ.).
- Voronina N. S., Basheva O. A. Motivation of volunteers involved in emergency situation response: results of a mass survey. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022;13(2):65–90. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2022.13.2.790](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.790).

23. Smirnov V. A. Youth Policy and Educational Activities in Russian Universities: Stages of Development and Key Contradictions. *Higher Education in Russia*. 2023;32(5):9–20. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20).
24. Kogan E. A., Kwon D. A. Studying the motives of volunteering among students. *Perspectives of science and education*. 2019;(4):116–125. (In Russ.). DOI [10.32744/pse.2019.4.10](https://doi.org/10.32744/pse.2019.4.10).
25. Suprun N. G., Guryanova I. V., Martynova N. V. The development of volunteer activities in the environment of students of educational organizations of the Russian Federation: The innovative approach. *Perspectives of Science and Education*. 2019;(1):236–250. (In Russ.). DOI [10.32744/pse.2019.1.17](https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.17).
26. Voronova R. B. Motivation for student participation in volunteer activities as a self-realization factor. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2023;11(1):27PSMN123. (In Russ.).
27. Nedelko P. S. Key features of modern Russian volunteering. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2020;11(1):76–80. (In Russ.). DOI [10.23672/i0210-3405-5241-f](https://doi.org/10.23672/i0210-3405-5241-f).
28. Maznichenko M. A., Papazyan G. S., Popov D. I. [et al.]. Research of student event volunteering and its development potential. *Vestnik RMAF*. 2019;(2):24–34. (In Russ.).
29. Fedorova M. N. Volunteering as a non-market form of the development of human potentiality. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*. 2021;(3):146–157. (In Russ.). DOI [10.52180/2073-6487_2021_3_146_157](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_146_157).
30. Sukharkova M. P. Human resources of the China Olympic volunteer program «Beijing 2022». *Science. Culture. Society*. 2022;28(3):152–164. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.3.11](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.11).
31. Nyatina N. V. Volunteering in student assessments: advantages and barriers. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2022;(3):30–33. (In Russ.). DOI [10.24158/spp.2022.3.4](https://doi.org/10.24158/spp.2022.3.4).
32. Romashkina G. F., Lisitsa A. V. Citizen science — pros and cons. *Siberian Socium*. 2022;6(3):39–59. (In Russ.). DOI [10.21684/2587-8484-2022-6-3-39-59](https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-3-39-59).
33. Bales K. Measuring the propensity to volunteer. *Social Policy and Administration*. 1996;30(3):206–226. DOI [10.1111/j.1467-9515.1996.tb00555.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.1996.tb00555.x).

Received: 05.08.2023. Accepted: 11.09.2023.

Information about the author:

Maria V. Pevnaya, Doctor of Sociological Science, Head of the Department of Sociology and Technology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Ekaterinburg, Russia. m.v.pevnaya@urfu.ru
ORCID: [0000-0003-3591-1181](https://orcid.org/0000-0003-3591-1181)

Darya V. Minchenko, student of the Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Ekaterinburg, Russia. minchenkodarya@yandex.ru

Anton A. Belov, 2-year postgraduate student of the Graduate school of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Ekaterinburg, Russia. a.a.belov@urfu.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.3)
EDN [IWREJO](https://www.edn.ru/IDWREJO)
УДК 327; 323.1

Н. В. Проказина¹

¹Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
Орёл, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ В РЕАЛЬНОМ И ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВАХ

Аннотация. В условиях цифровизации всех процессов и сфер жизнедеятельности существенно изменяется образ жизни современного человека. Большой трансформации подвержены коммуникативные практики, которые осуществляются в виртуальном пространстве. Коммуникативные практики формируют новые модели и паттерны поведения, придавая новый смысл и содержание механизмам взаимодействия. Виртуализация коммуникативного пространства наибольшее влияние оказывает на детей, подростков и молодёжь, поскольку выступает ключевым условием их социализации, конструируя смыслы, содержание, модели и практики взаимодействия.

Цель статьи – обоснование особенностей коммуникативных практик молодёжи в реальном и виртуальном пространстве. Коммуникативные практики молодёжи сегодня представляют объект междисциплинарного изучения. Именно этот подход позволяет выявить мотивы и установки молодёжи о возможностях, функциях, целях коммуникативных практик в реальном и виртуальном пространстве. Сегодня прослеживается взаимодополнение функций коммуникативных практик, осуществляемых молодёжью в реальном и виртуальном пространстве. Коммуникативные практики молодёжи следует рассматривать как один из ключевых компонентов саморегуляционных механизмов молодёжи, поскольку они направлены не только на передачу информации, но и на конструирование, производство и трансляцию смыслов. Особенности коммуникативных практик позволяют определить представления молодёжи о коммуникации, об их функциях и возможностях, о восприятии интернет-пространства.

Обосновано что повышение инструментальной компетенции, формирование навыков цифровой гигиены, развития коммуникативных навыков и трансмедиаграмотности в целом обеспечивают адекватность коммуникативных практик, снижают девиантные формы проявления в реальном и виртуальном пространствах. Полученные выводы позволяют разработать программы по развитию коммуникативных навыков, и трансмедиаграмотности, обосновывать программы сопро-вождения интернет-социализации для детей, подростков и молодёжи.

Ключевые слова: коммуникативные практики; молодёжь; реальное и виртуальное пространство; интернет-социализация; конструирование; саморегуляция; трансмедиаграмотность

Для цитирования: Проказина Н. В. Коммуникативные практики молодежи в реальном и виртуальном пространствах // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 69–81. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.3). EDN [IWREJO](https://www.edn.ru/IDWREJO)

Введение. Всеобщая цифровизация задаёт особые условия для коммуникативных практик, которые осуществляются в реальном и виртуальном пространстве. Виртуализация коммуникативного пространства и существенная роль интернет социализации обуславливает теоретическую и практическую значимость исследования коммуникативных практик молодёжи в условиях реального и виртуального пространства, выявление и обоснование их особенностей.

Важность рассмотрения коммуникативных практик в условиях виртуального пространства обусловлена тем, что «отзеркаливание» собственного поведе-

ния в информационном поле становится в определенной степени инструментом моделирования социальных действий и их последствий» [1].

В этих условиях смысловое и содержательное наполнение коммуникативных практик молодёжи, равно как и используемые инструменты и технологии представляют не только научно-исследовательский интерес, но имеют и практическую ценность. Поскольку «коммуникативный навык, коммуникативная компетентность являются теми личностными образованиями, через которые проявляются смыслы и ценности взаимодействия» [2, с. 213]. Следовательно, коммуникативные практики влияют на характер, содержание и виды жизнедеятельности молодёжи.

Исследование и выявление особенностей коммуникативных практик молодёжи в реальной и виртуальной среде обусловлено, *во-первых*, виртуализацией пространства, в котором осуществляются все процессы жизнедеятельности современного человека. *Во-вторых*, изменением характера коммуникации, которая сегодня направлена не только на передачу информации, но и на конструирование, производство и трансляцию смыслов. *В-третьих*, ориентацией на то, что коммуникативные практики следует рассматривать как один из ключевых саморегуляционных механизмов молодёжи.

Методы и методология. Исследование коммуникативных практик молодёжи целесообразно осуществлять на основе методологических подходов к исследованию молодёжи, с одной стороны, и концептуальных положениях коммуникологии, с другой.

Основу современного исследовательского подхода в социологии молодёжи составляет полипарадигмальность. Именно такой подход по мнению Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова позволяет «преодолеть ограниченность классических социологических теорий и методов познания в условиях динамизма социальной реальности, отразить нелинейность и диверсификацию внутри молодёжи и общества, исследовать новые противоречия в их взаимодействии, увязать многообразие социальных практик» [3].

Для понимания особенностей социального развития в целом и формирования коммуникативных практик молодёжи в частности, эвристический потенциал имеет рискологический подход [4; 5]. Он позволяет выделить ключевые характеристики современного этапа общественного развития: динамизм, изменчивость, нелинейность, поливариативность, неустойчивость, необратимость, неопределённость.

Обоснование выводов об особенностях коммуникации и коммуникативных практик опирается на теоретические конструкты П. Бурдьё [6], П. Бергера и Т. Лукмана [7], Э. Гидденса [8].

Изучение публикаций по заявленной теме позволяет сделать вывод об исследовательском интересе к проблемам формирования и конструирования коммуникативных практик [9; 10], особенностям молодёжных коммуникаций в условиях цифровизации [11; 12], коммуникативных практиках молодёжи в социальных сетях [13], коммуникативной компетентности личности в изменяющейся социальной реальности [14; 15; 16].

В основе эмпирических выводов и положений лежат результаты всероссийских исследований, проведённых ВЦИОМ¹, Циркон².

¹ Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ: [сайт]. 23.09.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 17.07.2023).

² Медиаграмотность: расширенная подборка данных Циркон к тематическому выпуску СоциоДиггер. 2021. Июль. Т. 2, Вып. 6(11). URL <https://sociodigger.ru/releases/release/mediagramotnost> (дата обращения: 19.07.2023).

Результаты. Для определения понятия «коммуникативные практики» рассмотрим более широкое понятие – «социальные практики», а его ключевые характеристики будем использовать в качестве базовых.

Опираясь на концептуальные положения П. Бурдьё [5], представляем социальные практики не только как целе- и ценностно- рациональные действия, но и как обыденные рутинные операции и поступки. Следовательно, социальные практики обусловлены, как правило, условиями и особенностями социальной среды, с одной стороны, а с другой, имеют потенциальную возможность влиять на изменения этой среды.

В представлениях П. Бергера и Т. Лукмана [6] ключевую роль при формировании социальных практик приобретает хаби́туализация, т. е. опривычивание действий. Такой подход объясняет повторяемость практик, их общественное воспроизводство и институционализацию через сформировавшуюся систему интенций и ожиданий. Изменяющиеся условия социальной среды влияют и трансформируют и уровень готовности и ожиданий, поэтому социальные практики обладают изменчивостью, адаптивностью и гибкостью.

В соответствии с теоретическими подходами Э. Гидденса [7] социальные практики представляют первичную социальную реальность, привязанную к определённой ситуации.

Следовательно, социальные практики в широком смысле – это воссоздаваемые, опривыченные действия, привязанные к определённой ситуации, представляющие первичную социальную реальность. Социальные практики опираются на коллективный опыт, являются условием стабильности и воспроизводства социальных институтов. Социальные практики обеспечивают конструирование собственной социальной субъектности.

Понимание социальных коммуникаций, отражённое в работах Т. М. Дридзе, Н. Лумана, Ф. И. Шаркова, Ю. Хабермаса и др. формирует представление о том, что целью коммуникации является «не только передача информации, но и заложенного в ней лично́стно-значимого смысла, который должен быть понят адресатом» [15]. Таким образом, существенным признаком коммуникации является понимание другого.

Используя определение социальных практик и представлений о социальной коммуникации в качестве базовых, сформулируем определение коммуникативных практик. Под *коммуникативными практиками* мы понимаем разнообразные формы и способы общения, взаимодействия, сотрудничества молодёжи в реальном и виртуальном пространстве с целью обмена информацией и смыслами. Коммуникативные практики молодёжи позволяют молодёжи самоутверждаться, реализовывать свои интересы, формировать и конструировать основу смысложизненных целей и средств их достижения.

Особенностью коммуникативных практик молодёжи сегодня является активное использование разнообразных инструментов в условиях реальной и виртуальной среды.

Выбор виртуальной среды для осуществления коммуникативных практик обусловлен особенностями коммуникации в виртуальном пространстве. К ключевым особенностям относят: виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, креативность, мозаичность неопределённость.

Виртуальность – не предполагает физического присутствия участников общения, позволяя общаться на расстоянии. Виртуальность выступает как возможность имитации реального мира и действий в нём, как если бы он существовал в реальности. Сложностью, которую порождает виртуальность, является

отсутствие невербальных каналов и, как следствие, возможность неправильной интерпретации сообщений, трансляции смыслов и содержания.

Интерактивность – обеспечивает взаимодействие, обмен информацией и реакцию на действия людей и изменения окружающей среды независимо от пространственного расположения участников. Интерактивность позволяет создавать собственные аккаунты, настройки профиля, настройки конфиденциальности и безопасности, управлять своими сообщениями, контактами. Интерактивность обеспечивает гибкость и доступность коммуникации.

Гипертекстуальность – обуславливает возможность легко находить нужную информацию, перемещаться по текстам, изображениям, аудио и видеофайлам, что оптимизирует время на поиск информации и расширяет возможности использования разнообразных источников.

Креативность – с одной стороны, обеспечивает свободу, а с другой, позволяет создать более запоминающийся контент, способный привлечь внимание аудитории. Благодаря креативности создаются новые формы взаимодействия и коммуникации, инструменты обучения и общения.

Мозаичность – проявляется как возможность использования различных каналов связи и платформ для общения и взаимодействия, выбор стиля общения, использование неформальных или формальных языковых средств. Используя множество альтернативных инструментов для коммуникативных практик, достигается их разнообразие и вариативность. Однако, это многообразие может таить в себе уязвимости, обусловленные тем, что разнообразие стилей, форматов, каналов и средств может создавать сложности во взаимопонимании.

Отдельно стоит выделить такую особенность коммуникации в виртуальном пространстве как неопределённость. Неопределённость связана с объективными (скорость передачи информации, качество связи), и субъективными характеристиками (различия во взглядах и ценностях, мнениях и убеждениях). Неопределённость виртуальной коммуникации может быть и связана с тем, в каком контексте сформулирована, передана и получена информации, как она интерпретирована.

Выбор коммуникативных практик зависит от представлений молодёжи об их рациональности, целесообразности, эффективности и привлекательности. Конкретный выбор, в том числе виртуального пространства для взаимодействия, обусловлен саморегуляционным механизмом деятельности молодёжи. В исследовании Е. В. Чанковой и О. В. Сорокина подчёркивается, что в «саморегуляции коммуникативных интеракций преобладает рационализация, выражаемая в гибкости и мобильности коммуникации, ускорении и установке на поверхностные контакты, необязательность как отражение сиюминутности, эмоциональная автономность, снижение эмпатии и «сетевая жаргонизация» [14].

Отличительной характеристикой коммуникативных практик является то, что они направлены не только на процесс передачи информации, но и являются инструментом создания, дополнения и конструирования содержания, новых правил, норм и практик жизнедеятельности. Следовательно, коммуникативные практики сегодня следует рассматривать как один из ключевых саморегуляционных механизмов молодёжи.

Ключевыми функциями коммуникативных практик молодёжи являются:
– информационная – служит для передачи определённых потоков информации, в современных условиях коммуникация обеспечивает передачу и конструирование смыслов;

- регулятивная – направлена на координацию и синхронизацию социальных действий, взаимодействий, отношений, социальных связей в целом, обеспечивая определённый порядок;
- интерактивная – обеспечивает взаимодействие и формирование устойчивых связей между акторами;
- ориентирующая – задаёт определённые образцы и модели поведения, ценности и нормы;
- перцептивная – регулирует восприятие и понимание партнёра и себя и обеспечивает установление контактов, взаимодействий и социальных отношений;
- экспрессивная – проявляется в создании и поддержании определённой эмоционально-психологической атмосферы;
- компенсаторная – обуславливает поиск значимых других и «своего» социального пространства;
- смыслообразующая – связанная со структурированием опыта и выделении на его основе ключевых смыслов и идей.
- интегративная – создаёт условия для осознания своей причастности к определённым социальным общностям и группам, обуславливая консолидацию и солидарность.
- рекреативная – обеспечивает психологическую разгрузку, переключение внимания на другие объекты, реализацию своих интересов.

Коммуникативные практики молодёжи рассматриваем как социокультурный феномен, который находится под сильным влиянием социальных, культурных, технологических и других факторов микро-, мезо- и макро-среды.

Рассматривая коммуникативные практики, отмечаем их ключевую роль в механизмах саморегуляции в молодёжной среде. Под саморегуляцией в широком смысле понимаем «воздействие молодых индивидов и групп на самих себя с целью достижения желаемого состояния» [2, с. 28]. Особую значимость коммуникативным практикам придаёт тот факт, что они напрямую влияют на установки и представления молодёжи, и главное, на модели, практики поведения и образцы действий и поведения.

Выделяя направления изменения механизмов саморегуляции в молодёжной среде, Ю. А. Зубок и В. И. Чупров отмечают, что вектор «смещается в сторону индивидуального выбора на фоне снижения институциональных влияний» [3, с. 28]. Следовательно, именно вариативность и многообразие коммуникативных практик обеспечивают возможность выбора альтернатив на личностном и групповом уровне.

Таким образом, коммуникативные практики молодёжи направлены не только на передачу информации, но и на конструирование, производство и трансляцию смыслов. Коммуникативные практики, осуществляемые в виртуальном и реальном пространстве, взаимодополняют друг друга. Выбор формата коммуникативных практик зависит от представлений молодёжи об их рациональности, целесообразности, эффективности и привлекательности.

Обсуждение. Ключевая функция, ради которой осуществляются коммуникативные практики молодёжи, – информационная.

В условиях виртуализации коммуникативного пространства прослеживается существенное увеличение значения роли Интернета как источника информации, смыслов и содержания (таблица 1).

Источники проверки и уточнения информации
(% от числа опрошенных, закрытый вопрос, не более двух ответов)

Варианты ответа	2009	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2019
Обращусь к друзьям, родственникам, знакомым	46	32	35	36	35	37	39	41	35
Поищу информацию в газетах или журналах	20	9	11	11	12	8	9	8	5
Поищу информацию на телевизионных каналах	22	16	9	15	12	15	11	16	14
Послушаю новости по радио	7	5	6	6	4	4	4	5	5
Поищу информацию в интернете	23	35	39	42	43	48	43	46	66
Ничего не буду делать / Я не буду тратить времени на уточнение и проверку	3	20	24	18	19	19	21	15	9
Другое	1	0	1	1	0	0	0	1	0
Затрудняюсь ответить	11	3	2	3	2	1	3	3	1

Источник: Результаты исследования ЦИРКОН (2016). Оценка уровня медиаграмотности населения в разрезе субъектов Российской Федерации (10 пилотных регионов). URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/b14/otsenka-urovnya-mediagramotnosti-naseleniya-v-razreze-subektov-rossiyskoy-federatsii-10-regionov.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

Дополнительно в базу мониторинга включены данные опросов:

1. ЦИРКОН (2018). Измерение степени ценностной солидаризации и уровня общественного доверия в российском обществе. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/> (дата обращения: 23.07.2023).

2. ЦИРКОН (2019). Индекс цифровой грамотности населения России. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/a63/Index_cifrivii_gramotnosti_2019_rocit.pdf.

Молодёжь занимает особое место по включенности в виртуальные практики коммуникации. Интернет как основной источник информации, в том числе о событиях в стране отмечают подавляющее большинство молодёжи. Отмечается вариативность и мозаичность используемых источников информации и снижение у молодёжных групп интереса к новостным, аналитическим, официальным сайтам, выполняющим роль институциональных регуляторов (таблица 2).

Если для старшего поколения общение с друзьями и родственниками является значимым и предоставляющим определённую информацию, то для молодёжи Интернет имеет преимущественное значение перед родственниками и друзьями. Отметим, что ориентация на критическое осмысление и поиск разных источников информации более выражены у представителей молодёжи, которые готовы тратить время на проверку и уточнение информации, а следовательно, на конструирование смыслов, их новую интерпретацию (таблица 3).

Таким образом, поиск смыслов, нахождение фактов, подтверждающих сформировавшиеся установки и уверенность в правоте собственной позиции можно отметить как один из мотивов коммуникативных практик в виртуальной среде.

Виды действий, которые осуществляет молодёжь в виртуальной среде достаточно разнообразны. Они позволяют говорить о проявлении таких особенностей коммуникации в виртуальном пространстве как креативность, гипертекстуальность, мозаичность (таблица 4).

Таблица 2

Главный источник информации о событиях в стране
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных, сентябрь 2021)

Варианты ответов	Все	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Телевидение	42	11	19	30	49	67
Интернет — социальные сети, блоги	21	45	35	28	14	7
Интернет — новостные, аналитические, официальные сайты	20	28	25	27	21	10
Разговоры с людьми	5	5	7	4	5	3
Мессенджеры (WhatsApp, Telegram, Viber и другое)	4	7	8	4	3	2
Радио	2	0	1	3	3	4
Газеты	1	1	1	0	1	3
Журналы	0	0	0	0	0	0
Ничего из перечисленного	2	0	4	3	2	2
Затрудняюсь ответить	3	3	0	1	2	2

Источник: Медиapotребление и активность в интернете // ВЦИОМ: [сайт]. 23.09.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 17.07.2023).

Таблица 3

Источники проверки и уточнения информации в разных социально-демографических группах (% от числа опрошенных, закрытый вопрос, любое число ответов)

Варианты ответов	Все опрошенные	Муж.	Жен.	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 +
Поищу информацию в Интернете	66	67	66	83	85	81	60	29
Обращусь к друзьям, родственникам, знакомым	35	33	36	24	31	31	36	49
Поищу информацию на телевизионных каналах	14	13	15	4	11	10	18	23
Поищу информацию в газетах или журналах	5	4	5	1	2	2	6	10
Послушаю новости по радио	5	5	5	1	3	3	6	9
Поищу информацию во всех возможных источниках	12	12	11	14	13	11	11	9
Другое	0	0	0	0	0	0	0	0
Ничего не буду делать, не буду тратить время на уточнение и проверку	9	9	9	6	4	6	10	20
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1	1	0	1	1

Источник: Медиagramotnost: расширенная подборка данных Циркон к тематическому выпуску СоциоДиггер. 2021. Июль. Т. 2, Вып. 6(11). URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/mediagramotnost> (дата обращения: 19.07.2023).

Таблица 4

Виды действий, осуществлённых в Интернете за последний месяц (30 дней)
(закрытый вопрос, любое число ответов, %)

Варианты ответов	Все	Муж.	Жен.	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 +
Размещал(а) фотографии, сделанные мной, на которых есть я	39	34	44	74	54	46	29	9
Размещал(а) фотографии, сделанные мной, на которых меня нет	22	21	23	44	31	27	15	4
Размещал(а) фотографии, сделанные кем-то другим, на которых есть я	16	15	18	35	21	19	12	2
Размещал(а) фотографии, сделанные кем-то другим, на которых меня нет	11	10	12	21	13	13	10	1
Размещал(а) картинки, нарисованные мной	5	5	5	10	5	7	5	0
Размещал(а) картинки, нарисованные кем-то другим	5	5	6	10	5	9	5	0
Размещал(а) видео, снятые мной, с моим участием	11	11	11	27	16	14	6	2
Размещал(а) видео, снятые мной, на которых меня нет	9	9	10	19	11	12	7	2
Размещал(а) видео, снятые кем-то другим, с моим участием	7	7	8	15	9	10	6	1
Размещал(а) видео, снятые кем-то другим, на которых меня нет	7	6	8	11	8	9	6	2
Размещал(а) собственные аудиофайлы (песни, музыку, диктофонные записи в моем исполнении/ написанные мной)	4	4	4	12	5	4	2	1
Размещал(а) другие аудиофайлы (песни и музыку других групп/исполнителей)	7	7	7	15	10	10	4	0
Публиковал(а) собственные тексты	5	5	6	11	7	8	4	0
Другое	0	1	0	1	1	0	0	0
Ничего из перечисленного не совершал	35	39	30	16	33	41	45	27
Затрудняюсь ответить	1	1	0	0	0	0	1	1
Пропуск / вопрос не задавался	18	18	19	0	3	4	19	61

Разнообразие задач, которые решают молодые люди благодаря коммуникативным практикам в виртуальном пространстве, отличается масштабом и вариативностью (таблица 5).

Таблица 5

Цели использования Интернета
(% от числа опрошенных, закрытый вопрос, любое число ответов)

Варианты ответа	2009	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Читать новости	31	50	59	64	64	63	66
Пользоваться поисковыми сервисами (Yandex, Google и т. п.)	32	52	59	63	65	62	64
Скачивать, прослушивать аудио или видео	23	38	47	48	48	44	46
Скачивать, обновлять программное обеспечение	17	26	31	36	34	30	33
Играть в сетевые игры	12	22	29	30	28	27	29
Пользоваться электронной почтой	29	44	49	48	42	40	39
Размещать свои фотографии, видео в Интернете	15	31	44	46	40	39	43
Создавать собственные Интернет–страницы (сайты, блоги, дневники)	7	12	17	–	–	–	–
Искать работу через Интернет	12	16	24	26	24	20	24
Покупать, заказывать товары / услуги в интернет–магазинах	8	16	23	28	27	23	31
Оплачивать товары / услуги электронными деньгами	3	9	14	17	18	15	20
Управлять банковским счётом через Интернет (интернет–банкинг)	2	7	11	18	18	20	24
Подавать заявление на получение госуслуг	–	–	–	16	17	16	24
Пользоваться облачными сервисами	–	–	–	15	14	16	19
Другое	–	–	–	1	3	1	1
Нет ответа	–	1	–	1	1	–	–
Не пользуются интернетом	61	37	35	30	28	31	26

Источник: Медиаграмотность: расширенная подборка данных Циркон к тематическому выпуску СоциоДиггер. 2021. Июль. Т. 2, Вып. 6(11). URL <https://sociodigger.ru/releases/release/mediagramotnost> (дата обращения: 19.07.2023).

Существенно увеличивается доля пользователей социальных сетей и мессенджеров для коммуникации. Относительно стабильно число респондентов, использующих для общения электронную почту.

Следовательно, коммуникативные практики молодежи сегодня активно осуществляются в условиях реальной и виртуальной среды. Эффективность коммуникации зависит от коммуникативной компетентности, которая в исследованиях Ю. А. Зубок и Е. В. Чанковой представлена как субъективно конструируемый феномен. Под коммуникативной компетентностью понимают «способность и готовность личности оптимизировать взаимодействие с учётом взаимных ожиданий и установок, общих интересов и ценностей» [15]. Коммуникативная компетентность обеспечивает передачу информации; трансляцию смысла, понимание содержания сообщения, адекватную обратную связь.

Сегодня, в условиях расширения, вариативности и многообразия коммуникативных практик молодёжи исследователи ставят закономерный вопрос о формировании трансмедиаграмотности [17]. Задача формирования трансмедиаграмотности молодёжи представляется особенно актуальной, если рассматривать коммуникативные практики как ключевой компонент саморегуляционного механизма. Трансмедиаграмотность имеет свои характеристики, которые отличают её от традиционной медиаграмотности. Под трансмедиаграмотностью А. Г. Качкаева и С. А. Шомова понимают «набор навыков, практик, ценностей, приоритетов, чувствительности и стратегий обучения/обмена, разработанных и применяемых в контексте новых культур участия» [17].

Таким образом, задача формирования трансмедиаграмотности – это объективный ответ на трансформацию ролей участников коммуникации. Сегодня это не пассивные наблюдатели или потребители, сегодня это активные потребители и производители новых смыслов и содержания. Следовательно, субъект коммуникации – это просьюмер как потребитель и производитель для своих потребностей. Это изменение ролей участников коммуникации стимулирует саморегуляционный потенциал коммуникативных практик и конструирование новых смыслов и содержания, которое влияет на поступки и деятельность в целом.

Формирование трансмедиаграмотности, повышение коммуникативной компетентности, формирование навыков цифровой гигиены и развития коммуникативных навыков молодёжи обеспечивают адекватность и эффективность коммуникативных практик, снижают девиантные формы проявления в реальном и виртуальном пространстве.

Выводы. Коммуникативные практики молодёжи – это социокультурный феномен, который находится под сильным влиянием социальных, культурных, технологических и других факторов микро-, мезо- и макросреды.

В условиях масштабной виртуализации коммуникативного пространства прослеживается специфика реализации тех или иных моделей поведения в целом, и коммуникативных практик в частности.

Многообразие и вариативность коммуникативных практик молодёжи в реальном и виртуальном пространстве позволяет удовлетворять потребности в общении, обмене информацией и опытом. Современные коммуникативные практики позволяют молодёжи быть не только пассивными потребителями контента, но и обеспечивают условия для его производства и распространения, и в целом, могут быть направлены и на решение проблем и достижение общих целей.

В условиях разрастания инструментов и вариаций коммуникации молодёжи, осуществляемой в условиях реальной и виртуальной среды, содержание и смысл являются разнообразными, динамичными, подвижными и изменчивыми. Коммуникативные практики молодёжи в реальном и виртуальном пространстве играют ключевую роль в саморегуляционных механизмах, и в целом, влияют на смыслы и содержание, установки и ценности молодёжи, модели и практики поведения. Особую роль выполняет коммуникативная компетентность, которая выступает ключевым ресурсом, позволяющим сохранить и расширить социальные связи посредством саморегуляции своей деятельности. В современных условиях актуальной является задача формирования трансмедиаграмотности. Поэтому перспективным направлением исследований являются социальные технологии по формированию коммуникативной компетентности и трансмедиаграмотности молодёжи.

Библиографический список

1. Пеньков В. Ф., Маркарян Т. А. Молодежные коммуникации как феномен информационного общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4, № 13. С. 39–46. EDN [XRMBWH](#).
2. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буланова [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2022. 360 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022](#). EDN [TENQIH](#).
3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12–48. EDN [ZFB DYV](#).
4. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. М. : Наука, 2001. 230 с. ISBN 5-02-013150-4. EDN [YFHUUX](#).
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Рискогенность социокультурной среды обитания как фактор формирования социальных настроений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 148–160. DOI [10.17223/1998863X/43/14](#). EDN [XWEBPV](#).
6. Бурдые П. Практический смысл : пер. с фр. / Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. : Алетей, 2001. 562 с. ISBN 5-88329-351-7. EDN [QOGTMH](#).
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 322 с. ISBN 5-85691-036-2.
8. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. М. : Академический проект, 2015. 528 с. ISBN 5-8291-0629-9. EDN [TNIRKP](#).
9. Зотов В. В., Лысенко В. А. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 53–55. EDN [MWLEIR](#).
10. Лукман Т., Тягунова Т. Аспекты теории социальной коммуникации // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 3. С. 3–20. EDN [JWURZB](#).
11. Пеньков В. Ф., Маркарян Т. А. Молодежные коммуникации как феномен информационного общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4, № 13. С. 39–46. EDN [XRMBWH](#).
12. Луцинка И. С. Когнитивные механизмы коммуникативного поведения в интернет-пространстве // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. Т. 4, № 3. С. 56–70. EDN [VJSNBF](#).
13. Гришаева С. А., Клюваев К. В. Коммуникативные практики молодежи в социальных сетях // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 3. С. 4–9. DOI [10.26425/2658-347X-2019-3-4-9](#). EDN [DSDCZE](#).
14. Чанкова Е. В., Сорокин О. В. Традиционное и современное в коммуникативных практиках молодежи // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2021. № 1. С. 131–142. EDN [OYDSZK](#).
15. Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 139–150. DOI [10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12](#). EDN [NSADIV](#).
16. Селиверстова Н. А., Чанкова Е. В. Социокультурное воспроизводство коммуникативных компетенций в молодежной среде // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 31–46. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3](#). EDN [JAQKYX](#).
17. Качкаева А. Г., Шомова С. А. Понимая медиа. Медиаграмотность и критическая автономия в эпоху «коммуникативного капитализма», «эмпатичных медиа» и «чувствительных данных» // Социодиггер. 2021. Т. 2, № 6. С. 4–46. EDN [QBNFWW](#).

Поступила: 26.07.2023. Принята: 28.08.2023.

Сведения об авторе:

Проказина Наталья Васильевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС. Орёл, Россия. prokazina-nv@ranepa.ru
 Author ID РИНЦ: [415159](#); ORCID: [0000-0002-1677-5324](#)

N. V. Prokazina¹

¹ Central Russian Institute of Management – Branch of the RANEPA
Orel, Russia

COMMUNICATIVE PRACTICES OF YOUTH IN REAL AND VIRTUAL SPACES

Abstract. In the context of digitalization of all processes and spheres of life, the lifestyle of a modern person is significantly changing. Communicative practices that are carried out both in real and virtual space are subject to great transformation. Communicative practices form new models and patterns of behavior, giving new meaning and content to the mechanisms of interaction. The virtualization of the communicative space has the greatest impact on children, adolescents and young people, since it is a key condition for their socialization, constructing meanings, content, models and practices of interaction.

The purpose of the article is to substantiate the features of the communicative practices of young people in real and virtual space. Communicative practices of young people today are an object of interdisciplinary study. It is this approach that makes it possible to identify the motives and attitudes of young people about the possibilities, functions, and goals of communicative practices in real and virtual space. Today, the complementarity of the functions of communicative practices carried out by young people in real and virtual space can be traced. Communicative practices of youth should be considered as one of the key components of self-regulatory mechanisms of youth, since they are aimed not only at the transfer of information, but also at the construction, production and transmission of meanings. Features of communication practices allow you to determine the ideas of young people about communication, about their functions and capabilities, about the perception of the Internet space.

It is substantiated that the increase in instrumental competence, the formation of digital hygiene skills, the development of communication skills and transmedia literacy in general ensure the adequacy of communication practices, reduce deviant forms of manifestation both in real and virtual space. The findings will make it possible to develop programs for the development of communication skills and transmedia literacy, to substantiate programs to support Internet socialization for children, adolescents and youth.

Keywords: communicative practices; youth; real and virtual space; Internet socialization; construction; self-regulation; transmediagrammatism

For citation: Prokazina N. V. Communicative practices of youth in real and virtual spaces. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):69–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.3>

References

1. Penkov V. F., Markaryan T. A. Youth communications as a informational society phenomenon. *Tambov University review. Series: Social sciences*. 2018;4(13):39–46. (In Russ.).
2. Zubok Ju. A., Aleksandrova O. A., Bulanova M. B. Self-Regulation Among Young People: Typologization and Modeling. Belgorod: Epitsentr; 2022. 360 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022).
3. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Modern sociology of youth: changing reality and new theoretical approaches. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 2017;(15):12–48. (In Russ.).
4. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Williams K. Youth in risk society. Moscow: Nauka; 2001. 230 c. (In Russ.). ISBN 5-02-013150-4.
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Riskogenics of the sociocultural habitat as a factor of social sentiment formation. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2018;(43):148–160. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/43/14](https://doi.org/10.17223/1998863X/43/14).
6. Bourdieu P. Le sens pratique. St. Petersburg: Aletheia; 2001. 562 p. (In Russ.). ISBN 5-88329-351-7.
7. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. 322 p. (In Russ.). ISBN 5-85691-036-2.

8. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Moscow: Academic Project; 2015. 528 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0629-9.
9. Zotov V. V., Lysenko V. A. Communicative practices as theoretical konstrukt of society studyng. *Theory and Practice of Social Development*. 2010;(3):53–55. (In Russ.).
10. Luckmann T., Tyagunova T. Aspects of the theory of social communication. *Sociological Review*. 2007;6(3):3–20. (In Russ.).
11. Penkov V. F., Markaryan T. A. Youth communications as a informational society phenomenon. *Tambov University review. Series: Social sciences*. 2018;4(13):39–46. (In Russ.).
12. Luchinkina I. S. Cognitive mechanisms of communicative behavior in the internet space. *Research result. Pedagogy and Psychology of Education*. 2018;4(3):56–70. (In Russ.).
13. Grishaeva S. A., Klyuvaev K. V. Communicative practices of young people in social networks. *Digital Sociology*. 2019;2(3):4–9. (In Russ.). DOI [10.26425/2658-347X-2019-3-4-9](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-3-4-9).
14. Chankova E. V., Sorokin O. V. Traditional and modern in the youth communicative practices. *News from higher educational institutions. Sociology, economics, politics*. 2021;(1):131–142. (In Russ.).
15. Zubok Yu. A. Chankova E. V. Communicative competence of the personality in the space of virtual reality. *Research result. Sociology and Management*. 2019;5(4):139–150. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12).
16. Seliverstova N. A., Chankova E. V. Socio-cultural reproduction of communicative competencies in young people. *Research result. Sociology and Management*. 2022;8(3):31–46. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3).
17. Kachkaeva A. G., Shomova S. A. Understanding media. Media literacy and critical autonomy in the era of “communicative capitalism”, “empathic media” and “sensitive data”. *Sociodigger*. 2021;2(6):4–46. (In Russ.).

Received: 26.07.2023. Accepted: 28.08.2023.

Information about the author:

Natalia V. Prokazina, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of the Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPa. Orel, Russia. prokazina-nv@ranepa.ru
ORCID: [0000-0002-1677-5324](https://orcid.org/0000-0002-1677-5324)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.4)
EDN [FQHVOQ](https://edn.fqhvoo.ru)
УДК 316.77

Е. В. Чанкова^{1,2}

¹ РЭУ им. Г. В. Плеханова

² МГТУ им. Н. Э. Баумана
Москва, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Коммуникативная компетентность молодёжи рассмотрена с позиций феноменологии, социальной реальности, когда интерсубъективные взаимодействия акторов определяют складывающуюся в сознании субъективную картину представлений об общении. Отмечена ключевая роль процессов смыслообразования в социальной коммуникации и коммуникативной компетентности. В становлении личностных и социокультурных смыслов коммуникации участвуют знания и ценности коммуникации, нормы общения, коммуникативные умения и способы поведения – определяющие структуру коммуникативной компетентности, направленной на поддержание социальности, социальной связей. Поскольку формирование социальной реальности отличается дифференциацией, и сама молодёжь как социальная группа дифференцирована, целью статьи явилось выявление связей между основными дифференцирующими признаками и проявлениями коммуникативной компетентности молодёжи. Рассмотрены дифференцирующие демографические показатели: гендер, тип поселения, уровень образования, регион проживания. Гендер рассмотрен как ведущий дифференцирующий признак. Измеряемые показатели коммуникативной компетентности: смыслы общения, нормы коммуникации, коммуникативные умения. Проведённый анализ показал наличие связей между дифференцирующими признаками и проявлениями коммуникативной компетентности: на фоне доминирования терминальных ценностей и соответствующих им умений в сочетании с ориентацией на изменение нормы коммуникации как основных характеристик в структуре коммуникативной компетентности опрошенной молодёжи, выявлено, что сельские юноши и девушки в большей степени, чем городские, привержены стабильности в норме взаимодействия; респонденты, имеющие полное общее среднее образование, а также девушки из федеральных центров, являются наиболее выраженными носителями терминальных ценностей коммуникации. Молодые мужчины и женщины Вологодского региона лидируют среди других регионов в ориентации на инструментальные ценности общения, мужчины этого региона – самая малочисленная по проявленности ряда коммуникативных умений, в том числе инструментальных. Данные связи отражают как расширение социальной реальности и коммуникативной компетентности опрошенной молодёжи за счёт её социокультурной дифференциации, так и указывают на наличие определённых проблем, как социокультурного, так и более широкого характера, что требует обсуждения.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность молодёжи; социальная реальность; дифференцирующие признаки проявления коммуникативной компетентности

Для цитирования: Чанкова Е. В. Социокультурная дифференциация проявлений коммуникативной компетентности молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 82–97. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.4). EDN [FQHVOQ](https://edn.fqhvoo.ru)

Введение. Конфигурации коммуникативных практик молодёжи являются значимой частью культурного воспроизводства общества, а их понимание непосредственно связано с анализом умений и способностей коммуницировать – то есть, с коммуникативной компетентностью.

Коммуникативная компетентность личности — категория, способствующая осмыслению комплекса проявлений личности молодых людей не только в отдельных коммуникативных актах, но в социальных связях и отношениях, задающих тренды коммуникаций общества. Остановимся подробнее на понимании и взаимосвязи понятий коммуникации, социальной коммуникации и коммуникативной компетентности личности. Если коммуникация — это, в общепринятом смысле (К. Шеннон, У. Уивер, У. Шрамм,) [1], обмен информацией, её передача, то социальная коммуникация — это, в первую очередь, обмен смыслами, заложенными в информации, создание общего смыслового пространства участниками коммуникации, являющегося питательной средой для формирования разделяемых ценностей, норм коммуникации, солидарности и на этой основе — социальности как группового способа жизни общества. В этом залоге под коммуникативной компетентностью личности подразумевается качество, определяющее такие её особенности, которые позволяют личности воспроизводить и поддерживать свою социальность. Социальность личности как возможность жить групповым способом, обеспечивают такие составляющие, как коммуникативные знания, то есть отражённые в сознании индивида представления о коммуникации, ценности — «значимые социальные практики коммуникации с точки зрения их соответствия нормам конкретной культуры, потребностям общества» [2, с. 480], «совокупности установок на высшие жизненные принципы, идеалы, отражённые в целях жизнедеятельности и средствах их достижения, содержащиеся в коллективных представлениях о должном, важном, значимом» [3, с. 2], нормы коммуникации как «образец поведения в социальной системе, регулирующий поведение людей на основе взаимных ожиданий предсказуемых действий» [2, с. 245], коммуникативные умения и способы поведения. Этот коммуникативный комплекс подразумевает, что индивид, им обладающий, способен на должном уровне справляться с коммуникативными задачами, стоящими перед ним. В этом смысле представление о коммуникативной компетентности разделяется с взглядами Ю. Н. Жукова: «...умение и готовность на соответствующем уровне справляться с кругом задач» [4, с. 16], Д. П. Гавры: «...качество выполнения социальным субъектом функций коммуникативного актора» [1, с. 207]. В определённом смысле коммуникативная компетентность пересекается с пониманием коммуникативного навыка Т. З. Адамьянц, определяющей его как «особенности понимания человеком глубинного смысла (интенциональности) коммуникативных актов» [5, с. 5].

Поскольку коммуникативная компетентность обеспечивает сохранение социальности, предполагающей устойчиво воспроизводимые социальные связи, её контекст напрямую связан с вопросами понимания сути самой коммуникации, другого как носителя смыслов и, более широко, — смыслообразования в пространстве коммуникативных взаимодействий.

В философской традиции категория смысла представлена как «содержание понятия, то есть, то, понимание чего является условием адекватного восприятия, усвоения данного имени (предмета)» [6, с. 618]. В отечественной психологии А. Н. Леонтьевым разработано понятие личностного смысла, получившее дальнейшее развитие в трудах Д. А. Леонтьева, определяющего смысл (текстов, фрагментов мира, образов сознания, душевных явлений и действий) через их контекст и через интенцию (целевую направленность, предназначение и направление движения) [7, с. 26]. В социологической традиции А. В. Соколов различает смыслы личностные, вырабатываемые и используемые отдельной личностью в процессе её жизнедеятельности, и социальные, то есть общепризнанные материальные и духовные ценности, социальные нормы, общественные знания, нацио-

нальный язык и др. [8, с. 135]. Ю. А. Зубок и В. И. Чупровым общественно-значимые смыслы рассматриваются шире, нежели социальные, и связываются ими с культурой в целом: «Благодаря связи с культурой, смыслы жизни приобретают ценностную форму» [3, с. 3]. Указанные авторы связывают функционирование смыслов с построением социальной реальности носителя смысла: «...устойчивость ценностно-смысловых факторов, а регуляции определяет интерпретации реальности, представления о значимых событиях, жизненные выборы и в целом направленность социального поведения отдельных групп, отражая тем самым исторически сложившиеся образцы культуры» [3, с. 3]. Понимание же, как следует из определения смысла в философском энциклопедическом словаре, является способом постижения смысла – во всех его проявлениях.

Коммуникативная компетентность личности как качество, интегрирующее знания о коммуникации и её правилах, усвоение сложившихся, или конструирование новых ценностей и норм коммуникации, коммуникативные умения и способы поведения, соответствующие жизненным задачам личности [9, с. 17] формируется в пространстве личностных и общекультурных смыслов. Формирование в этом контексте делает возможным понимание смыслов (контекстов, интенции), передаваемых партнёрами по взаимодействию, обмен ими, создание некоего общего смыслового пространства. И, как следствие, совершение коммуникативных действий, адекватных общему смысловому пространству, что является залогом сохранения социальности в той или иной группе и в целом в социуме. Так могла бы выглядеть идеальная конструкция.

Но возникает правомерный вопрос: насколько однородно/разнородно проявляется коммуникативная компетентность личности в молодёжной среде? Если рассматривать общество, группу, как совокупность коммуникативных компетентностей – то, вероятно, выявление того, как по-разному проявляется коммуникативная компетентность молодёжи в широком социокультурном поле, позволяет увидеть характер социальных связей и отношений в их многообразии, что отражает существенную дифференциацию и коммуникативных образцов, и их носителей.

Цель этой статьи заключается в выявлении связей между основными дифференцирующими признаками и проявлениями коммуникативной компетентности молодёжи.

Методы. Исследование коммуникативной компетентности личности построено на разработке Центром социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН (Ю. А. Зубок, В. И. Чупров) концепции изменяющейся социальной реальности. В данном залоге коммуникативная компетентность личности рассматривается с позиции феноменологической методологии, когда социальная реальность является результатом субъективного отношения к объективной действительности. [10, с. 537], и личность в коммуникации обладает индивидуальными параметрами восприятия объективной действительности. Коммуникация, социальные взаимодействия в данном случае являются и механизмом, и результатом формирования социальной реальности. Интерсубъективность социальной реальности проявляется в том, что индивид предполагает, что окружающие видят действительность точно также, как он сам. Таковая убеждённость способствует устойчивости восприятия реальности как объективной [11, с. 15]. Из данной реальности актёрами совершаются объективно существующие коммуникации, формируются социальные отношения. Коммуникативная компетентность, по сути, закрепляет и обеспечивает воспроизводство в структуре личности инди-

вида его интерсубъективной реальности, порождая определённые коммуникативные практики.

От социальных позиций индивида зависит степень его включенности в социальные взаимодействия, что, в свою очередь, определяет и уточняет его социальную реальность и знания о ней [11, с. 15]. Социально-демографические характеристики акторов, определяемые ими социальные статусы, роли – влияют на разнообразие и социальной реальности, и социальных коммуникаций реверсным образом, определяют расширение представлений и знаний индивидов, а также их социальную реальность. Коммуникативная компетентность молодёжи является частью её социальной реальности, а дифференциация проявлений компетентности в коммуникации является выражением расширения молодёжной социальной реальности.

В данной статье рассмотрено, как социально-демографические показатели (пол, образование, тип поселения, регион) участвуют и определяют социальную реальность респондентов, закрепляются и проявляются в их коммуникативной компетентности, определяющей характер объективных социальных связей и отношений опрошенной молодёжи.

Существующие в структуре коммуникативной компетентности признаки (знания, ценности, нормы, умения коммуникации) в более-менее целостном виде отражают основные её составляющие.

Оговорим, что в результатах исследования ценности коммуникации представлены в формате терминальных и инструментальных смыслов: «...наиболее фундаментальным основанием типологии (ценностей) является различие терминальных и инструментальных ценностей, где терминальные (целевые) ценности обобщённо выражают цели жизни и идеалы, а инструментальные ценности репрезентируют одобряемые в данном обществе средства достижения этих целей» [3, с. 3]. С позиции формирования социальной реальности это означает, что ценности являются ключевой точкой осмысления социальной действительности и формирования образов реальности. А социальные свойства объектов (в нашем случае – коммуникации) становятся предметом их смысловой обработки [3, с. 3].

Дифференцирование проявлений коммуникативной компетентности как части социальной реальности связано, во-первых, с механизмами формирования самой социальной реальности. По А. Шюцу, «...формы знания о жизненном мире, во-первых, весьма дифференцированы, во-вторых, постоянно меняются, флуктуируют, что проявляется в сознании отдельного индивида или группы и в их отношении к другим объектам» [10, с. 79; 12, с. 9]. Во-вторых, обусловлено тем, что молодёжь как социальная группа дифференцирована: «Наряду с «классическими основаниями дифференциации – гендер, возраст, регион, уровень образования и доходов, действует целый ряд других оснований, определяющих социальные и социокультурные различия молодёжи» [12, с. 9]. Помимо этого, «...неодинаковый темп освоения реальности и неравенство доступа к ресурсам развития» [12, с. 9] создаёт основания «...формирования различных групп молодёжи, формирующих свои собственные образы реальности, что определяется как один из современных трендов» [12, с. 9].

В анализе акцентирован гендерный аспект, что связано с различиями опыта коммуникаций у юношей и девушек, выявленными и описанными в соавторстве с Н. А. Селиверстовой [13, с. 147]. Было показано, как именно проявляется гендерная дифференциация, из чего следует, что она предоставляет существенные возможности более точного определения социокультурных оснований форми-

рования коммуникативной компетентности и дифференциации её проявлений.

Показатель ценностей коммуникации в структуре коммуникативной компетентности измерялся с помощью выяснения отношения респондентов к терминальным и инструментальным смыслам общения. В более ранних публикациях Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН было выявлено доминирование терминальных смыслов общения над инструментальными [14], а также уже упомянутая гендерная дифференциация в отношении молодёжи к смыслам коммуникации [13]: у женщин отношение к терминальным смыслам общения значительно выше (84,0%), чем у мужчин (75,2%).

Таким образом, все измерения проведены с учётом аспекта гендера и учитывают различия поселенческого и регионального характера, а также уровень образования в их связи со смыслами коммуникации, т.е. пониманием и восприятием коммуникации как таковой и отношением к нормам. *При таком подходе мы рассматриваем коммуникацию как феномен социальной реальности.* Анализ дифференциации проявляемых умений, предпринятый в статье, показывает рефлексию молодёжи в отношении другого базового компонента коммуникативной компетентности.

Эмпирические данные, использованные в анализе, получены в ходе исследования, проведённого Центром социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН под руководством Ю. А. Зубок при непосредственном участии автора, в период ноября 2021 – февраля 2022 гг. в 11 регионах РФ (Московский, Орловский, Вологодский, Пензенский, Ростовский, Алтайский, Краснодарский, Крымский, Казанский, Ставропольский, Новосибирский). Опрос проводился путём самостоятельного заполнения анкеты в гугл-форме. Общее количество опрошенных – 2450 в возрасте от 15 до 29 лет. Выборка репрезентативная, квотная по возрасту и типу поселения, стратифицированная. Ошибка выборки составляет 1,96. Статистическая обработка эмпирических результатов проведена в программе SPSS Statistics 21 с использованием многомерного анализа.

Дифференциация коммуникативной компетентности в молодёжной среде. Понимание смысла общения, выявляемого в ответах на вопрос **«В чем для вас смысл общения»** представлено в сопряжении с показателями пола, типа поселения, уровня образования и региона проживания.

Проанализируем, какова дифференциация в проявлениях коммуникативной компетентности опрошенных респондентов с учётом гендерной специфики. В таблице 1 представлено распределение данных в сопряжённости с типом поселения и смыслами общения.

Как следует из данных исследования, содержащихся в Таблице 1, как среди мужчин, так и среди женщин – для всех типов поселения – значимость *терминальных смыслов* общения значительно превышает значимость *инструментальных смыслов*. То есть, в социальной реальности молодых респондентов значимость таких ценностей, как радость общения, внутренняя потребность, удовольствие от общения – в два и более раз превышает значимость таких ценностей, как полезные связи, долг вежливости, вынужденная необходимость общения. Вместе с тем, среди молодых мужчин и женщин обнаружено гендерное различие в отношении ценностей коммуникации: женщины во всех типах поселения оказываются в большей степени ориентированными на терминальные смыслы коммуникации, чем мужчины (также для всех типов поселения). То есть, коммуникативная компетентность личности ответивших – по показателю ценностей коммуникации – имеет гендерные различия для всех типов поселения.

Таблица 1

Связь гендерной принадлежности, типа поселения и смыслов общения

Пол	Тип поселения	Смыслы общения, в %	
		терминальные	инструментальные
мужской	Центр субъекта Федерации (более 150 тыс.)	75,3	24,7
	Райцентр (менее 150 тыс.)	68,2	31,8
	Село, посёлок, деревня, хутор	76,1	23,9
женский	Центр субъекта Федерации (более 150 тыс.)	84,7	15,3
	Райцентр (менее 150 тыс.)	82,9	17,1
	Село, посёлок, деревня, хутор	82,2	17,8

Вместе с тем, среди женщин, проживающих в *сельской местности*, зафиксирован самый высокий для женщин и мужчин процент значимости такой терминальной ценности, как *радость от общения* (37,6%). То есть, молодые женщины, проживающие в сельской местности, ориентированы на традиционные ценности в своей коммуникации. Но по совокупности терминальных смыслов – большинство носителей *терминальных ценностей* общения среди *женщин, проживающих в федеральных центрах*.

У молодых мужчин, проживающих в *районных центрах*, значимость *терминальных ценностей* коммуникации, согласно их картине жизненного мира, оказывается ниже (68,2%), чем среди проживающих в федеральных центрах и сёлах (75,3% и 76,1% соответственно). То есть, молодые респонденты *районных центров* опрошенных регионов в большей степени ориентированы на *инструментальные ценности и смыслы общения*, чем молодёжь, проживающая в федеральных центрах и сёлах.

Причина данной дифференциации видится как в особенностях гендерной социализации (воспитание мальчиков в большей степени ориентировано на внимание к средствам достижения целей, прагматизм), так и в социокультурных особенностях организации жизни в поселениях разного типа в РФ. Вероятно, в малых городах с населением менее 150 тыс. коммуникации у молодых мужчин связываются в их социальной реальности с долгом, вынужденной необходимостью, полезными связями – с ценностями, придающими коммуникации прагматизм и рациональность в силу сложившихся, возможно, экономических факторов (по данному исследованию Ю. М. Плюснина (2013 г.), значительная часть жителей малых городов вынуждены уезжать из родных мест на заработки в другие регионы [15, с. 72]).

Анализ сопряжения гендер – смыслы общения – регион проживания показал, что молодые мужчины и женщины, независимо от региона проживания (опрошено 11 регионов РФ), продемонстрировали социальную реальность, в которой степень значимости смыслов общения, отражающих инструментальные ценности коммуникации – значительно ниже терминальных ценностей. При этом наиболее высокие показатели разделения инструментальных ценностей выявлены у мужчин, проживающих в Новосибирском (29,8%), Московском (29,2%), Вологодском регионах (27,9%), наиболее низкие – в Пензенском регионе (19,7%).

Среди молодых женщин, проживающих в Вологодском регионе, наиболее высокий уровень предпочтения инструментальных смыслов общения (27,2%) –

такой же, как у вологодских мужчин. Отсутствие гендерной разницы у молодёжи этого региона в понимании ценностей коммуникации может быть связана с особенностями данного региона (упомянутое выше исследование Ю. М. Плюснина), когда важны именно инструментальные связи для решения насущных экономических и бытовых вопросов.

Трёхмерный анализ показателей гендер – смыслы общения – уровень образования подтвердил превышение значимостей терминальных ценностей по гендерному признаку. Учёт уровня образования в анализе показал, что и среди мужчин, и среди женщин, имеющих *законченное полное среднее образование*, значимость *терминальных ценностей и смыслов* коммуникации является максимальной по сравнению с другими образовательными уровнями (начальное общее, среднее профессиональное, высшее – три ступени – бакалавриат, специалитет/магистратура, аспирантура/учёная степень) – 77,8% среди мужчин и 87,0% среди женщин. Сходным образом – как среди мужчин, так и среди женщин – происходит *снижение уровня значимости терминальных ценностей* у имеющих *учёную степень/закончивших аспирантуру*: 62,5% и 70,4% соответственно. Наиболее высокий уровень ценности *инструментальных смыслов* коммуникации характерен для молодых мужчин и женщин, закончивших *аспирантуру/имеющих учёную степень* (37,2% и 14,3%), что характеризует данный образовательный слой с позиции приверженности рациональности в их интеракциях. Коммуникации опрошенных демонстрируют достаточно дифференцированную социальную реальность по признаку гендера и уровня образования.

Отношение к норме коммуникации выявлялось вопросом о том, какое утверждение отражает собственную позицию респондентов. Предлагалось идентифицироваться со следующими вариантами: «Необходимо принимать сложившиеся правила общения и подстраиваться под них, чтобы не нарушать порядок», «Правила общения – не догма, их надо изменять в зависимости от обстоятельств» или «Никаких правил не существует».

Обратимся к анализу показателя «*норма коммуникации*» в структуре коммуникативной компетентности личности респондентов в сопряжении гендер – норма коммуникации – тип поселения (таблица 2).

Как показывает данное распределение, по отношению к норме коммуникации гендерные различия среди живущих в различных типах поселения не демонстрируют весомых расхождений. Также обнаружено, что для обеих гендерных групп, проживающих во всех типах поселений, характерен сдвиг отношения к норме в сторону её пересмотра в случае необходимости (более 50% ответивших). Это означает, что в социальной реальности молодёжи закреплён нормативный релятивизм, проявляющийся в коммуникации. Вместе с тем заметна дифференциация среди молодых мужчин для разных типов поселений: у проживающих *в селе* наиболее низкий процент считающих, что «*норма – не догма*» (49,5%) по сравнению с мужчинами, проживающими в *райцентрах и федеральных центрах* (среди них процент рассматривающих норму с позиции возможности её изменения заметно выше: 57,6% и 57,5% соответственно), практически одинаковое количество. Подобная тенденция характерна и для молодых женщин. Ответившие женщины, проживающие *в селе*, оказались самой малочисленной группой среди относящихся к норме не как к догме: 51,4% – на фоне женщин, проживающих в *райцентрах* (готовых пересматривать норму – 59,5%) и *федеральных центрах* (готовых к пересмотру нормы – 60,0%). Кроме того, обращает на себя внимание факт, что процент затруднившихся ответить на данный вопрос – от 5,6% у жительниц малых городов стремится к 10,6% у мужчин – жителей села. Вероятно,

Таблица 2

Связь гендерной принадлежности, типа поселения и отношения к норме коммуникации (в %)

Пол	Тип поселения	Отношение к норме коммуникации			
		Необходимо принять сложившиеся правила общения и подстраиваться под них, чтобы не нарушать порядок	Правила общения – не догма, их надо изменять в зависимости от обстоятельств	Никаких правил не существует	Затрудняюсь ответить
мужской	Центр субъекта Федерации (население более 150 тыс.)	27,3	57,5	7,5	7,8
	Райцентр население (менее 150 тыс.)	30,8	57,6	5,6	6,1
	Село, посёлок, коттеджный посёлок, деревня	33,5	49,5	6,4	10,6
женский	Центр субъекта Федерации (население более 150 тыс.)	25,3	60,0	6,4	8,3
	Райцентр население (менее 150 тыс.)	28,3	59,5	6,7	5,6
	Село, посёлок, коттеджный посёлок, деревня	31,2	51,4	8,5	8,9

что в жизненном опыте у данной категории опрошенных недостаточно знаний о норме коммуникации, позволяющих рассуждать об императивности – диспозитивности нормы взаимодействия. Замечен небольшой процент как мужчин, так и женщин, проживающих в разного типа поселениях, утверждающих, что «правил общения не существует» (от 5,6% до 8,5%). Данное распределение указывает, что остальные ответившие (от 84,0 до 89,0%) ориентированы на отношение к норме коммуникации как утвердившемуся и устойчивому явлению культуры, их социальная реальность тесно связывает коммуникацию с определёнными правилами взаимодействия. Инновационное отношение к норме – это более половины среди ответивших – вопрос, который отрефлексирован и решён.

Результаты сопряжения «гендер – отношение к норме – уровень образования» представлены в Таблице 3.

Анализ распределения показал, что в данном сопряжении сохраняется предыдущий тренд: более 50% мужчин и женщин всех уровней образования предпочли формулировку «Правила общения – не догма, их надо изменять в зависимости от обстоятельств» как ответ на вопрос об их отношении к норме общения (за исключением мужчин с начальным общим образованием – 38,4%). В этой тенденции лидируют мужчины с уровнем образования аспирантура/учёная степень – их 75%, среди них же отсутствуют затруднившиеся ответить на вопрос об их отношении к правилам взаимодействия. Можно предположить, что это результат уже имеющихся рефлексивных рассуждений к моменту опроса. Наибольший же процент затруднившихся ответить на вопрос, касающийся правил взаимодействия, сосредоточен среди молодых людей с начальным общим образованием (13,7%), в отличие от девушек с аналогичным уровнем образования (затруднившихся в ответе на вопрос – 4,4%).

Таблица 3

Связь гендерной принадлежности, уровня образования и отношения к норме коммуникации (в %)

Пол	Уровень образования	Отношение к норме коммуникации			
		Необходимо принять сложившиеся правила общения и подстраиваться под них, чтобы не нарушать порядок	Правила общения – не догма, их надо изменять в зависимости от обстоятельств	Никаких правил не существует	Затрудняюсь ответить
мужской	Начальное общее	42,5	38,4	5,5	13,7
	Среднее полное общее	29,4	56,9	5,9	7,8
	Среднее профессиональное	29,8	51,1	7,1	12,1
	Высшее (бакалавриат)	23,8	65,4	7,7	3,1
	Высшее (специалитет/магистратура)	25,6	65,4	7,7	3,1
	Высшее (аспирантура/учёная степень)	12,5	75,0	12,5	0,0
женский	Начальное общее	34,5	54,0	7,1	4,4
	Среднее полное общее	26,4	57,7	6,7	9,2
	Среднее профессиональное	27,2	57,5	6,6	8,8
	Высшее (бакалавриат)	26,2	61,2	8,3	4,4
	Высшее (специалитет/магистратура)	24,1	64,4	4,6	6,9
	Высшее (аспирантура/учёная степень)	23,8	61,9	9,5	4,8

В гендерной демографической категории зафиксировано различие в отношении к норме: среди респондентов с начальным общим уровнем образования: среди мужчин принимают сложившиеся правила 42,5%, среди женщин таких – 34,5%. А среди склонных к их пересмотру в случае необходимости мужчин – 38,4%, женщин – 54,0%. То есть, у девушек с начальным общим образованием (в нашем случае, это 15-летние девушки) более высокий инновационный потенциал, чем у юношей. С ростом уровня образования инновационный потенциал снижается, вновь возрастая при завершении аспирантуры/получении учёной степени.

Анализ связей гендера, региона проживания с отношением к норме коммуникации показал, что и мужчины, и женщины, проживающие в разных регионах РФ, продемонстрировали склонность к ревизии норм, если в этом есть необходимость: лишь среди мужчин, проживающие в Орловском и Крымском регионах, оказалось немногим менее 50% разделяющих позицию «Норма – не догма» (48,0% и 48,6% соответственно). Вместе с тем, выявлены некоторые гендерные

межрегиональные различия в понимании нормы общения. Так, 2/3 молодых респонденток из 5 регионов и 11 опрошенных регионов (Московский, Вологодский, Пензенский, Алтайский, Ростовский) выбрали инновационное отношение к правилам взаимодействия. Среди мужчин таковые проживают в двух регионах (Пензенском – 60,6% и Ростовском-на-Дону – 64,8%), то есть, среди женщин в целом более распространена позиция склонности к изменению правил взаимодействия.

Среди отрицающих существование норм общения лидируют молодые респонденты, проживающие в Вологодском (11,6%) регионе, а наиболее склонными к легитимности (1,8% считают, что правила отсутствуют) стали мужчины, проживающие в Новосибирском регионе. В женском распределении: проживающие в Казанском регионе – 11,2% (это максимум в распределении) считают, что правил взаимодействия не существует, в Пензенском регионе – минимальные показатели – 3,4%.

Отметим, что молодые мужчины Вологодского региона более, чем в других регионах, ориентированы на инструментальные ценности и смыслы в своих интеракциях. Среди них – максимум среди других регионов, отрицающих существование нормативных регуляторов взаимодействия.

Ответы на вопрос **«Насколько вы проявляете в общении следующие умения?»** представлен в сопряжении с показателями пола, типа поселения, уровня образования и региона проживания.

Проанализируем результаты корреляции гендер – тип поселения – умение коммуницировать.

Выявлено гендерное различие по умению *настаивать на своём, признанию неправоты, требованию исполнения договорённостей, не сплетничать* (значимое превышение носителей данного умения тотально среди мужчин всех типов поселения по сравнению с женщинами). А по умению *быть вежливым, оказывать помощь и поддержку нуждающимся, сочувствовать и эмоционально поддерживать* (значимое превышение носителей данного умения среди женщин для всех типов поселений по сравнению с мужчинами).

Молодые мужчины и женщины для *всех типов поселения* показали высокий уровень умения всегда *слушать и стараться понять другого*, ключевого в социальной коммуникации (выше 60,0%), вместе с тем среди жителей села обнаружена дифференциация в проявлении данного умения всегда: для женщин – 63,1%, для мужчин – 67,6%. Мужчины, проживающие в селе, чаще, чем женщины, готовы *всегда выслушать и понять*. Несмотря на большую склонность женщин, в отличие от мужчин, к терминальным смыслам общения (см. Табл. 1), по типу поселения наблюдается обратная гендерная зависимость для *жителей села*. Для жителей районных центров гендерное различие в умении слушать и понимать носит несущественный характер (мужчины – 55,6%, женщины – 56,1%). И лишь для мужчин федеральных центров данное умение распространено меньше (60,3%), чем среди женщин из федеральных центров (66,6%) – в соответствии с гендерной дифференциацией в смыслах коммуникации.

Молодые мужчины, проживающие в селе, продемонстрировали более высокую степень всегда *сохранять добрые отношения* (64,9%), нежели женщины (58,5%), проживающие в сельской местности. В инструментальном умении всегда *аргументировать свою позицию* мужчины из сел также превзошли женщин, проживающих в сёлах (63,3% и 53,9% соответственно). *Сельские* молодые мужчины чаще признают *свою неправоту* (45,7%), по сравнению с женщинами из *сельских поселений* (37,2%).

Выявлен процент мужчин, проживающих в селе, выбравших позицию «никогда» для умений *сочувствовать и эмоционально поддерживать* (3,7%), *аргументировать свою позицию* (4,8%), *не сплетничать* (5,3%).

Конкретизация заявленных ценностей взаимодействия через призму умений, которые ответившие реализуют в своей коммуникативной практике, даёт возможность более детально увидеть дифференциацию в проявлениях коммуникативной компетентности респондентов как их социальной реальности. Наибольшее гендерное различие по показателю умений в коммуникации (сохранять добрые отношения, аргументировать свою позицию, признавать неправоту) обнаружено у сельских жителей.

Анализ сопряжения гендер – умения коммуникации – уровень образования позволяет назвать следующие результаты.

Выявлено значимое гендерное различие между мужчинами и женщинами, имеющими уровень образования «аспирантура/учёная степень» для умения *слушать и стараться понять другого* (всегда): 75,0% и 47,6% соответственно. А вот умение *быть вежливым* (всегда) выше среди женщин (аспирантура/учёная степень) – 76,2%, чем среди мужчин с аналогичным уровнем образования (62,5%).

Среди мужчин – в связи с повышением уровня образования от среднего общего к аспирантуре/учёная степень – отмечается тенденция к снижению количества носителей умения *настаивать на своём* (всегда), *умения терпимо относиться к чужим взглядам* (всегда), *аргументировать свою позицию* (всегда).

Проанализируем данные сопряжения гендер – умения коммуникации – регион проживания.

В первую очередь следует отметить гендерную дифференциацию в рамках названных корреляций практически по всем умениям в общении, предложенным респондентам (14 умений). Наибольшая дифференциация представлена по таким умениям, как *настаивать на своём всегда* (к примеру, Московский: мужчины – 27,7%, женщины – 19,8%; Вологодский: мужчины – 25,6%, женщины – 6,4%; Крымский: мужчины – 45,8%, женщины – 25,0%; Новосибирский: мужчины – 31,6%, женщины – 13,7%), то есть всегда настаивать на своём почти вдвое больше склонны ответившие мужчины из данных регионов, нежели женщины, проживающих в указанных регионах. Заметно, что данные регионы рассредоточены по территории РФ, не представляя собой какое-либо особое пространство. Вероятно, настойчивость является традиционным гендерным признаком, проявлением маскулинности в социальной коммуникативной реальности респондентов.

Подобное гендерное расслоение продемонстрировали респонденты таких в коммуникативных умениях, как *аргументировать свою позицию* (с превышением процентного соотношения у мужчин), *быть вежливым* (с превышением процентного соотношения у женщин), *сохранять добрые отношения* (с превышением процентного соотношения у мужчин), *сочувствовать, эмоционально сопереживать* (с превышением процентного соотношения у женщин).

Более гендерно однородными оказались умения участвовать в совместных делах, слушать и понимать, не сплетничать.

По дифференциации умения слушать и понимать лидирует Казанский регион, где зафиксировано наименьшее количество мужчин, всегда проявляющих всегда данное умение среди общего количества ответивших (55%) и наибольшее количество женщин, проявляющих данное умение (76,7%).

На таком довольно традиционном в ожидаемой дифференциации фоне (подтверждено данными Н. А. Селиверстова, Е. В. Чанкова [13]) выделяется Вологодский регион с минимальным для мужчин количеством *настаивать на*

своём (25,6%), разделять взгляды других (27,9%), оказывать помощь и поддержку (32,6%), признавать неправоту (34,9%), быть вежливыми (48,8%) в позиции «всегда». Интерес представляет Краснодарский регион, в котором наибольшее среди всех опрошенных количество мужчин (65,1%) и женщин (75,8%) проявляют вежливость в позиции «всегда», также наибольшее количество мужчин (48,3%) и женщин (47,7%) разделяют взгляды других, наибольшее среди всех ответивших количество мужчин (58,0%) и женщин (55,6%) терпимо относятся к чужим взглядам – также в позиции «всегда».

В позиции «никогда» выявлены мужчины, проживающие в регионах: Крымский: по умению признавать неправоту (5,6%), по умению терпимо относиться к чужим взглядам (5,6%), разделять взгляды других (5,6%); Вологодский: оказывать помощь и поддержку (4,7%), разделять взгляды других (7,6%); Алтайский: по умению участвовать в совместных делах и относиться терпимо к чужим взглядам (в равной степени 3,4%).

Дифференциацию в коммуникативных умениях по региональному параметру (Вологда, Краснодар, Крым) следует рассматривать, вероятно, с социокультурных позиций, исторических условий и особенностей развития данных регионов.

Обсуждение и выводы. Ценности и смыслы общения респондентов связаны с коллективными ценностями, групповой солидарностью и имеют корни в общинном сознании как основы построения их социальной реальности. Отсюда – высокий уровень ориентации на сохранение добрых отношений, стремления к компромиссу, как ментальной черты в коммуникативной компетентности.

Высокий процент (более половины ответивших) ориентированы на гибкое отношение к норме коммуникации. В данном распределении видится влияние современных виртуальных форм коммуникации. Под влиянием современных коммуникативных технологий происходит переконструирование инструментальных смыслов социальной реальности, проявляющееся у молодёжи в гибком отношении к норме взаимодействия и, по сути, готовности участвовать в конструировании новой нормы.

Сочетание инструментальных средств коммуникации и традиционных смыслов, ценностей и умений создаёт основу для самобытной социальной реальности и коммуникативной компетентности у молодёжи.

Если описанную конфигурацию сочетания ценностей, нормы коммуникации и коммуникативных умений условно отнести к базовой, модельной конструкции коммуникативной компетентности в российской молодёжной среде, то дифференцирующие признаки гендера, типа поселения, уровня образования и региона проживания создают сложную многообразную картину социальной реальности, формирующуюся в пространстве личностных и общекультурных смыслов.

Выявленные демографические различия в отношении к *смыслам* общения показали преимущественное распространение терминальных ценностей среди женщин федеральных центров, мужчины же малых городов (районных центров) – в большей мере носители инструментальных смыслов. Среди имеющих среднее образование – наибольший процент носителей терминальных смыслов, среди имеющих наивысший образовательный ценз – наименьший. Новосибирский, Московский регионы – лидеры инструментальных ценностей (среди мужчин), Вологодский – лидер инструментальных смыслов без выраженной гендерной разницы.

Демографическое расслоение по признаку городские/сельские жители по отношению к *норме коммуникации* указывает на сохранение традиционного уклада

жизни в сёлах, образовательный ценз в наивысших его проявления (аспирантура/учёная степень) в большей степени мужчин ориентирует на инновационность и рациональность в укладах взаимодействия с позиции трансформации нормы. Региональное расслоение также имеет место, но выражено в меньшей степени.

Демографическое расслоение относительно умений коммуникации выражено для носителей разных уровней образования. Выразительно изменяется структура коммуникативной компетентности у мужчин (аспирантура/учёная степень): наблюдается снижение готовых слушать и понимать, настаивать на своём, аргументировать свою позицию, терпимо относиться к чужим взглядам, но повышение уровня вежливости.

В межрегиональных различиях – Вологодский регион отличается низким уровнем инструментальных коммуникативных умений среди мужчин, несмотря на высокий уровень инструментальных смыслов коммуникации в этом регионе. Коммуникативная компетентность вологодских молодых мужчин отличается противоречивостью.

Таким образом, признаки гендера, типа поселения, уровня образования и региона проживания имеют социокультурную окраску, закладывают специфические критерии восприятия и оценки действительности, определяют во многом характер формы знания об окружающем мире, задают динамику их изменения. Так, молодёжь сельских поселений в большей степени удерживает традиционную российскую платформу в своей социальной реальности и параметрах коммуникативной компетентности, отличается большим инерционным потенциалом в отношении к другим объектам (в частности, нормам коммуникации). А молодые женщины, проживающие в таких регионах, как Московский, Вологодский, Пензенский, Алтайский, Ростовский, создают более динамичную инновационную среду, чем мужчины этих регионов, для переконструирования отношения к правилам взаимодействия. Их социальная реальность и коммуникативная компетентность, безусловно, имеют свои контуры и задают свои параметры в построении социальных связей.

Показательно, что молодые люди и девушки со средним общим образованием представляют собой выраженный слой носителей терминальных смыслов коммуникации, который с повышением уровня образования не сохраняется. То есть, с повышением уровня образования у молодёжи трансформируются и представления о коммуникации, и способы познания коммуникативной действительности таким образом, что ведёт к переосмыслению ценностей в пользу повышения уровня инструментальных в структуре их коммуникативной компетентности. Очевидно, это повод задуматься о смыслах, которые транслирует профессиональное образование [16].

Признаки, дифференцирующие коммуникативную компетентность, вызывают различные проявления в коммуникативной компетентности, в построении социальных связей и могут иметь социальные последствия не только коммуникативного, но экономического, политического, культурного характера. Например, рассогласование между инструментальным характером ценностей и низким уровнем инструментальных умений, может приводить к низкой эффективности в деловой сфере. Если это проблема регионального уровня, это может вызвать последствия на разных уровнях организации социальной жизни.

Вопрос социокультурной дифференциации проявлений коммуникативной компетентности молодёжи, таким образом, не только исследовательский, но и психолого-педагогический, управленческий, то есть прикладной.

Библиографический список

1. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. СПб. : Питер, 2011. 288 с. ISBN 978-5-459-00385-7. EDN [SDPZKN](#).
2. Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М. : Астрель, 2004. 511 с. ISBN 5-88721-203-9. EDN [SMURBL](#).
3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 3–13. DOI [10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1](#). EDN [YLIANZ](#).
4. Жуков Ю. Н. Коммуникативный тренинг. М. : Гардарики, 2003. 223 с. ISBN 5-8297-0163-4. EDN [QXHBBL](#).
5. Адамьянц Т. З. Коммуникативные навыки как характеристика и условие оптимизации взаимодействия человека // Мир психологии. 2008. № 1(53). С. 130–139. EDN [ILKDGB](#).
6. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.
7. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М. : Смысл, 2003. 487 с. ISBN 5-89357-082-0.
8. Соколов А. В. Введение в теорию социальной коммуникации. СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 1996. 320 с. ISBN 5-7621-0020-0. EDN [TLHFMZ](#).
9. Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.06 / Чанкова Елена Вадимовна. М., 2018. 40 с. EDN [BQLMJF](#).
10. Щюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. С. 72–87. EDN [NRBVHZ](#).
11. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Инфра-М, 2014. 352 с. ISBN 978-5-16-009348-2. EDN [XRTSUR](#).
12. Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 10–30. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2](#). EDN [CUCVFI](#).
13. Селиверстова Н. А., Чанкова Е. В. Социокультурно воспроизводство коммуникативных компетенций в молодёжной среде // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 31–46. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3](#). EDN [JAQYX](#).
14. Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1(61). С. 18–30. DOI [10.21685/2072-3016-2022-1-2](#). EDN [WMHQDW](#).
15. Отходники / Ю. М. Плюснин, Я. Д. Заусаева, Н. Н. Жидкевич [и др.]. М. : Новый хронограф, 2013. 376 с. ISBN 978-5-94881-239-7. EDN [XYBDGX](#).
16. Сазонова А. Л. Любовь как основной компонент духовно-нравственной основы образования и воспитания // Как наш слово отзовется: гуманитарное образование в развитии российского социума и человека : Сб. матер. междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 15–16 марта 2017). Шадринск : ШПГУ, 2017. С. 556–567.

Поступила: 31.07.2023. Принята: 28.08.2023.

Сведения об авторе:

Чанкова Елена Вадимовна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна РЭУ им. Г. В. Плеханова; профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана. Москва, Россия.

chev3@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [672713](#); ORCID: [0000-0001-8831-0836](#)

E. V. Chankova^{1,2}

¹ Plekhanov Russian University of Economics

² Bauman Moscow State Technical University
Moscow, Russia

SOCIOCULTURAL DIFFERENTIATION OF MANIFESTATIONS OF YOUTH COMMUNICATIVE COMPETENCE

Abstract. The communicative competence of youth is considered from the standpoint of phenomenology, social reality, when the intersubjective interactions of actors determine the subjective picture of ideas about communication that is emerging in the mind. The key role of the processes of meaning formation in social communication and communicative competence is noted. The formation of personal and socio-cultural meanings of communication involves knowledge and values of communication, communication norms, communication skills and behaviors that determine the structure of communicative competence aimed at maintaining sociality and social ties. Since the formation of social reality is differentiated, and young people themselves as a social group are differentiated, the purpose of the article was to identify the links between the main differentiating features and manifestations of the communicative competence of young people. Differentiating demographic indicators are considered: gender, type of settlement, level of education, region of residence. Gender is considered as a leading differentiating feature. Measured indicators of communicative competence: meanings of communication, norms of communication, communication skills. The analysis showed the existence of links between differentiating features and manifestations of communicative competence: against the backdrop of the dominance of terminal values and their corresponding skills, combined with a focus on changing the norm of communication as the main characteristics in the structure of the communicative competence of the young people surveyed, it was revealed that rural boys and girls are more than urban, committed to stability in the norm of interaction; respondents with a complete general secondary education, as well as girls from federal centers, are the most pronounced carriers of the terminal values of communication. Young men and women of the Vologda region lead among other regions in their orientation towards the instrumental values of communication, the men of this region are the smallest in terms of the manifestation of a number of communication skills, including instrumental ones. These connections reflect both the expansion of the social reality and communicative competence of the surveyed youth due to its sociocultural differentiation, and indicate the presence of certain problems, both sociocultural and broader, which require discussion.

Keywords: communicative competence of youth; social reality; differentiating signs of manifestation of communicative competence

For citation: Chankova E. V. Sociocultural differentiation of manifestations of youth communicative competence. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):82–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.4>

References

1. Gavra D. P. Fundamentals of communication theory. St. Petersburg: Piter, 2011. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-459-00385-7.
2. Kravchenko S. A. Sociological encyclopedic English-Russian dictionary. Moscow: Astrel; 2004. 511 p. (In Russ.). ISBN 5-88721-203-9.
3. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Life values in the cultural space of the Russian youth. *Research result. Sociology and Management*. 2018;4(3):3–13. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1).
4. Zhukov Yu. N. Communicative training. Moscow: Gargariki; 223 p. (In Russ.). ISBN 5-8297-0163-4.
5. Adamyants T. Z. Communicative skills as a characteristics and a condition of the optimization of interaction of a person. *Mir psihologii*. 2008;(1):130–139. (In Russ.).
6. Ilyichev L. F. [et al.], eds. Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaya Entciklopediya; 1983. 840 p. (In Russ.).
7. Leontjev D. A. Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality. Moscow: Smysl; 2003. 487 p. (In Russ.). ISBN 5-89357-082-0.

8. Sokolov A. V. Introduction into social communication theory. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gumanitarnyi universitet profsoyuzov; 1996. 320 p. (In Russ.). ISBN 5-7621-0020-0.
9. Chankova E. V. Communicative competence of the personality in the conditions of the changing social reality: Abstract of Doctor Degree Thesis. Moscow; 2018. 45 p. (In Russ.).
10. Shuts A. Some structure of life world. *Voprosy social'noj teorii*. 2008;2:74–89. (In Russ.).
11. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Attitude to social reality in Russian society: socio- cultural mechanism of formation and reproduction. Moscow: Infra-M; 2014. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-16-009348-2.
12. Zubok Yu. A. Changing social reality: reflection of theoretical and empirical aspects of sociological research of youth. *Research result. Sociology and Management*. 2022;8(3):10–30. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2).
13. Seliverstova N. A., Chankova E. V. Socio-cultural reproduction of communicative competencies in young people. *Research result. Sociology and Management*. 2022;8(3):31–46. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3).
14. Zubok Yu. A., Chankova E. V. Dynamics of communication values in the communicative space of youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*. 2022;(1):18–30. (In Russ.). DOI [10.21685/2072-3016-2022-1-2](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-2).
15. Plyusnin Yu. M., Zausaeva Ya. D., Zhidkevich N. N. [et al.]. Otkhodniki. Moscow: Noviy Khronograf; 2013. 376 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-239-7.
16. Sazonova A. L. Love as main component of the spiritual and moral basis of education and upbringing. In: How our word will echo: humanitarian education in the development of Russian society and man : Coll. of mater. of the intern. scien.-pract. conf. Shadrinsk: ShPGU; 2017. P. 556–567. (In Russ.).

Received: 31.07.2023. Accepted: 28.08.2023.

Information about the author:

Elena V. Chankova, Doctor of Sociology, Associated Professor, Professor of the Department of advertising, public relations and design, Plekhanov Russian University of Economics; Professor, Bauman Moscow State Technical University. Moscow, Russia.

chev3@yandex.ru

ORCID: [0000-0001-8831-0836](https://orcid.org/0000-0001-8831-0836)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.5)
EDN [TRSGDD](https://www.edn.ru/entry/TRSGDD)
УДК 316.35

О. В. Сорокин^{1,2}, А. С. Любутов¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

² Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕВИАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: САМОРЕГУЛЯЦИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

Аннотация. В смысловом пространстве молодёжи переосмысление отношения к сфере межличностных взаимодействий сопровождается складыванием образцов, ориентирующих молодых людей на разобщение, дезинтеграцию и самоутверждение на фоне собеседника. С точки зрения нормативного подхода данные отклонения следует рассматривать как противостоящие базовым смысловым основаниям норм социальных взаимодействий между молодыми людьми. Социокультурные девиации в социальной реальности представлены в форме смысловых характеристик целей и принципов жизнедеятельности, которые маркируются представителями общности как отклоняющиеся, поскольку не соответствуют базовым, коллективным интерпретациям нормального, допустимого и общепринятого в культуре конкретной общности. В статье природа социокультурных девиаций молодёжи рассматривается в контексте их отклонения от исходных смыслов, которые закладывались в понимание образцов социальных взаимодействий в рамках доминирующей культуры. Ориентации на социокультурные девиации представляется как следствие усиления процессов инструментализации и рационализации молодёжи в сфере межличностных взаимодействий. Приводятся результаты всероссийского исследования, проведённого Центром социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2021 году. Анализируются взаимосвязи между признаком доверия/недоверия к собеседнику и смысловыми отклонениями в молодёжной среде, что позволяет исследовать смысловую направленность саморегуляции девиаций молодёжи в сфере межличностных взаимодействий. Применение метода структурно-таксономического моделирования позволило изучить особенности саморегуляции социокультурных девиаций молодёжи в её социальной реальности. Используемые алгоритмы автоматически выделили наиболее близкие друг к другу элементы по достаточно большому числу характеристик и сгруппировали эти элементы в естественные смысловые единства. Соответствующие элементам смыслы распределяются не хаотично, а выстраиваются в определённую иерархию, в соответствии со значениями выбранной меры близости. Так были изучены смысловые отклонения, которые сконцентрированы в ядре смыслового единства и на его периферии.

Ключевые слова: молодёжь; сфера межличностных взаимодействий; смысловые отклонения; изменяющаяся социальная реальность; саморегуляция девиаций молодёжи

Для цитирования: Сорокин О. В., Любутов А. С. Социокультурные девиации молодёжи в сфере межличностных взаимодействий: саморегуляция и моделирование // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 98–108. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.5). EDN [TRSGDD](https://www.edn.ru/entry/TRSGDD)

Введение. Социальные нормы направляют взаимодействия в молодёжной среде в сторону выбора общественно значимых целей и социально-одобряемых способов их достижения. В этой связи А. И. Ковалева рассматривает социализацию как процесс институционализации социализационных норм, в ходе которого в социальной реальности молодёжи утверждаются нормативные образцы.

Социализационные нормы обеспечивают синхронизацию традиционных и инновационных образцов, их отбор и бесконфликтное соединение в социально-типическом, как фундаменте формирования личности молодого человека. Под социально-типическим в личности А. И. Ковалева понимает «совокупность типичных черт членов общества, представителей той или иной социальной группы, общности, является динамичным образованием, которое, сохраняя устойчивость и консерватизм основных своих элементов, изменяется под воздействием объективных и субъективных факторов» [1, с. 61]. В своих выводах А. И. Ковалева опирается на феноменологическую трактовку социальной реальности молодёжи.

С точки зрения феноменологической социологии знания социальная реальность объединяет субъективные смыслы, посредством которых индивид воспринимает объективный мир [2, с. 17]. Смыслы отражают совокупность осознаваемых человеком целей и принципов его жизнедеятельности, которые базируются на наиболее важных в обществе ценностных ориентациях и в реализации которых он готов принимать активное участие. Эти цели и способы их достижения не могут существовать вне согласования с действиями других участников взаимодействий. По мнению Ж. Т. Тощенко современная социологическая наука стоит перед сложной задачей – открыть смыслы, которые скрыты на уровне «сознательной бессознательности» [3, с. 202].

Межличностные коммуникации отражают совокупность вербальных и невербальных практик социального взаимодействия субъектов, в ходе которого участники высказывают свои суждения и воспринимают суждения собеседников с целью достижения взаимопонимания [4, с. 145]. Доминирующая в обществе культура предлагает молодому человеку готовые образцы межличностных взаимодействий. Согласно нарративному подходу, молодые люди строят свою жизнь по определённым сценариям, образцы которых они заимствуют в своей культуре [5, с. 367]. Смыслы морально-нравственных, этических норм межличностных взаимодействий достраивают внутренние стимулы поведения человека, ориентируя его на выбор в пользу высших смыслов деятельности, связанных с уважительным отношением к собеседнику, с пониманием роли учителя в образовательном процессе, как носителя новых знаний и т.д. Т.е. морально-нравственные и этические ценности отражают культурное значение явлений и предметов, определяют направленность человеческих поступков, их значимость с точки зрения нравственности. Исходя из этих положений следует заключить, что присутствие девиаций в социальной реальности молодого человека объясняется недостаточной сформированностью смыслов морально-нравственных норм в его сознании, либо их девальвацией под влиянием определённых социальных обстоятельств.

Девиации в социальной реальности ориентируют жизненные мотивации человека на выбор таких способов достижения целей жизнедеятельности как дезинтеграция, разобщение, уменьшение межличностного, межгруппового доверия и демонстрация своей исключительности, самоутверждение за счёт других участников взаимодействия. Преобладание подобных смыслов в социальной реальности молодёжи приводит к дестабилизации социальной системы и нарушению механизмов её социального воспроизводства. Образцы соответствующих целей и способов их достижения представлены в культурном пространстве молодёжи в форме смысловых отклонений. Девиации в социальной реальности представлены в форме смысловых характеристик целей и принципов жизнедеятельности, которые маркируются представителями общности как отклоняющиеся, поскольку не соответствуют базовым, коллективным интерпретациям нормального, допустимого и общепринятого в культуре конкретной общности.

Источником формирования иных смыслов, как правило, становятся молодёжные сообщества, что с точки зрения нормативного подхода, по отношению к смыслам базовой культуры стоит рассматривать как отклонение. Как имманентный механизм развития, смысловые отклонения призваны содействовать адаптации молодых людей к изменчивой реальности.

Смысловые симбиозы, объединяющие в себе базовые и отклоняющиеся образцы, включаются в процесс саморегулирования межличностной коммуникации, порождая множественные противоречия. Их решение происходит на групповом и индивидуально-личностном уровне путём выбора смысловых конструкций, отвечающих тезаурусу [6, с. 97].

Смысловые отклонения группируются в социокультурные девиации под влиянием определённых комбинаций социокультурного механизма. Складывание социокультурных девиаций происходит в субкультурном пространстве некоторых молодёжных групп, в которых образцы достижения культурных целей наделяются смысловыми отклонениями, т.е. ориентируют взаимодействия в молодёжной среде в сторону разобщения и дезинтеграции. На основе кросс-культурных коммуникаций в них формируются предпосылки к изменениям смысловых матриц. Происходит переосмысление и переопределение реальности, реинтерпретация сущностей её объектов, событий или явлений. Таким образом, под социокультурной девиацией молодёжи понимается совокупность сгруппированных и иерархизированных в её социальной реальности смысловых отклонений, отражающих цели жизнедеятельности и способы их достижения, маркируемые культурной общностью, к которой принадлежит молодёжь, как отклоняющиеся. Иерархичность и сгруппированность смысловых отклонений выступают результатом саморегуляции жизнедеятельности молодёжью.

Проблему саморегуляции одним из первых в отечественной социологии стал изучать В. А. Ядов. Согласно его концепции в саморегуляции социального поведения иерархия диспозиционных образований обеспечивает направленность поведения субъекта в социальной среде [7]. А предметом регуляции выступают реакции субъекта на ситуацию, поступки личности, системы поступков в различных сферах жизнедеятельности и целостность поведения. Саморегуляция девиаций в социальной реальности молодёжи отражает процесс выбора молодёжью смысловых отклонений в качестве образцов определения целей и способов их достижения в сфере межличностных отношений, что находит своё выражение в смысловом пространстве её реальности в форме складывания соответствующих групп элементов. Предпосылками к саморегуляции социокультурных девиаций в молодёжной среде выступают аномичные процессы в обществе, рост субъектности молодёжи и фактор изменения самой социальной реальности.

В современной социологии саморегуляция отражает «деятельность, направленную на предупреждение и преодоление возникающих отклонений от такого состояния условий бытия и способов жизнедеятельности, которые индивид (группа) принимает для себя как должные и ожидаемые» [8, с. 141]. Представления молодых людей об условиях бытия и способах жизнедеятельности выступают главным основанием саморегуляции. Именно поэтому система знаний и установок в социальной реальности молодёжи подвергаются постоянным переформатированиям, конструируются индивидуальные и групповые представления о господствующих нормах, предлагаются альтернативные образцы взаимодействий.

Процесс саморегуляции социокультурных девиаций молодёжи находится под влиянием целого комплекса элементов, действующих в социокультурном механизме. Этот комплекс включает в себя как рефлексивные компоненты

(знания, ценности), так и нерerefлексивные (архетипы, ментальность, габитусы, стереотипы) структуры культурных программ, долговременные (базовые) и ситуативные культурные факторы. Социокультурные девиации образуются на стыке этих структур и представляют из себя иерархические модели смысловых отклонений. Определённые комбинации элементов социокультурного механизма определяют характер и направленность саморегуляции социокультурных девиаций в молодёжной среде. Присутствие подобных образований в смысловом пространстве реальности молодёжи свидетельствует о встраивании социокультурных девиаций в механизм регуляции жизнедеятельности молодёжи и о складывающихся рисках для развития не только самой молодёжи, как социально-демографической группы, но и всей социальной системы.

Методы. Для изучения социокультурных девиаций молодёжи в сфере межличностных взаимодействий были отобраны смыслы, которые отражают установки, направленные на разрушение коммуникации между участниками, а именно: «Как хочу, так и живу, никто мне не указ», «Пранк» (розыгрыш) – это хороший способ повеселиться, и не надо его стесняться, если это прикольно» и «Мат – это норма современной жизни, материться не стыдно». Кроме того, в эту группу была включено смысловое отклонение о построении брачных отношений, в основе которых лежит представление о том, что брачный партнёр должен обладать богатым сексуальным опытом, что нашло своё отражение в суждении «Целомудрие – это пережиток, сегодня больше ценится опыт».

С целью анализа процесса саморегуляции социокультурных девиаций применялось структурно-таксономическое моделирование. Оно позволяет выявить совокупность элементов социокультурного механизма, участвующих в саморегуляции социокультурных девиаций молодёжи и особенности, характер направленности саморегуляции девиаций молодёжи в значимых сферах жизнедеятельности. Это становится возможным благодаря тому, что таксономия создаёт иерархическую систему соподчинённых классов (групп, таксонов) для построения классификации объектов [9, с. 58]. Т.е. метод структурно-таксономического моделирования представляет собой набор формализованных процедур иерархической кластеризации, или автоматической классификации; процедуры структурно-таксономической интерпретации полученных разбиений; структуры самых значимых (по критерию «максимальной близости») связей между параметрами-образами («подлежащими») и между выделенными таксонами (смысловыми группировками/объединениями). Значимость смыслов определяется путём расчётов тесноты связи между показателями. Используемые алгоритмы позволяют автоматически выделить наиболее близкие друг к другу элементы по достаточно большому числу характеристик и сгруппировать эти элементы в естественные классы-таксоны. Таким образом, соответствующие элементам смыслы распределяются не хаотично, а выстраиваются в определённую иерархию, в соответствии со значениями выбранной меры близости. В таком понимании каждый таксон задаёт подпространство для конкретного смыслового поля, а в совокупности смысловые поля, соответствующие полученным таксонам, рассматриваемым в их взаимосвязи друг с другом, образуют структуру смыслового пространства (группировки таксонов) [10].

В качестве характеристик базисного пространства (подлежащего) для задач таксономии используется пространство респондентов, либо совокупность параметров (на основе таблиц сопряжённости), задающих контекст исследования [11, с. 28]. Таким образом, многомерная структуризация выбранных показате-

лей (смыслов-образов) проводится в пространстве, определяемом множеством респондентов. А. С. Любутов полагает, что для социологии молодёжи, занимающейся изучением сложных духовных процессов, применение метода таксономического моделирования является весьма продуктивным в плане изучения выбора смысловых ценностей и ориентаций [9, с. 65].

На базе социологического исследования Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН с помощью алгоритмов одного из основных методов распознавания образов – метода «самообучения ЭВМ» была построена таксономическая модель взаимосвязи 110 контекстных показателей в пространстве 51 элемента социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности молодёжи. В качестве близости элементов механизма использовался коэффициент корреляции Пирсона.

Для проведения таксономического моделирования Центр социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2021 г. провёл в период с 03 ноября по 03 декабря 2021 года всероссийское социологическое исследование. Сотрудниками Центра были опрошены респонденты по выборке, репрезентирующей молодёжь в возрасте от 15 до 35 лет (исследованим было охвачено 10 субъектов Российской Федерации.). Объем выборки составил 1640 человек. Для обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно квотному заданию, частично был применён метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодёжь с учётом региональных особенностей. Руководитель исследования – Ю. А. Зубок.

Результаты и обсуждение. В смысловом пространстве российской молодёжи было обнаружено единство, в ядре которого разместились смыслы, представленные в сфере межличностных отношений (см. рис. 1).

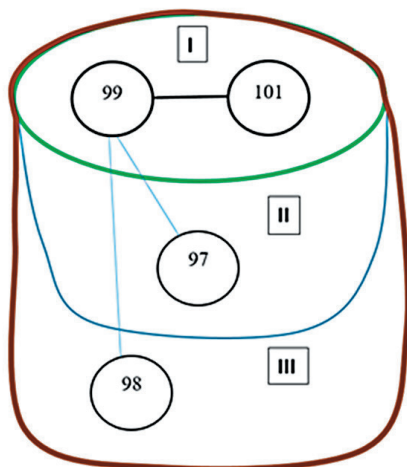

Рисунок 1. Тип саморегуляции социокультурных девиаций в сфере межличностных отношений

Источник: Построено авторами по данным исследования Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН 2021 года.

Как следует из рисунка 1, основания саморегуляции девиации распределились в таксоне (смысловом единстве) в трех слоях. Т.е. рассматриваемый таксон отличается простой структурой.

В слое-ядре Таксона размещены два смысла: «Целомудрие – это архаизм, сегодня больше ценится опыт» (элемент 99 на рисунке 1) и «Пранк» (розыгрыш) – это хороший способ повеселиться, и не надо его стесняться, если это прикольно» (элемент 101 на рисунке). Удельный вес этого таксона в смысловом пространстве российской молодёжи составляет 33,95% (N=558), что свидетельствует о включенности этой комбинации смыслов в основания регуляции жизнедеятельности каждого третьего молодого человека. Этот тип саморегуляции отражает установки на вседозволенность, которая выражается смысловой формулой: «в жизни нужно попробовать все». При этом для многих молодых людей, ориентирующихся на данные отклоняющиеся образцы – это способ быстрее почувствовать себя взрослым, завоевать доверие среди значимых других и продемонстрировать своё недоверие и враждебное отношение к тем, кто не разделяет эти принципы. Выбор в пользу подобных образцов направляет взаимодействия в молодёжной среде в сторону самоутверждения за счёт других, когда розыгрыши и шутки над сверстниками превращаются в эксперименты, нарушающие личные границы других людей, а взаимоотношения между мужчиной и женщиной рассматриваются преимущественно с позиции эксплуатации культа тела.

Таблица 1

Структура смысловых связей типа саморегуляции социокультурной девиации в сфере межличностных взаимодействий

№ слоя	Смысловое содержание слоёв	Удельный вес слоя, в %	N
Ядро (I)	«Целомудрие – это архаизм, сегодня больше ценится опыт»; «Пранк» (розыгрыш) – это хороший способ повеселиться, и не надо его стесняться, если это прикольно».	33,95	558
II	«Как хочу, так и живу, никто мне не указ».	32,7	536
III	«Мат – это норма современной жизни, материться не стыдно».	32,4	532

Источник: Рассчитано авторами по данным исследования Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН 2021 года.

Согласно таблице 1, во втором слое таксона находится смысловое отклонение «Как хочу, так и живу, никто мне не указ», а на третьем – «Мат – это норма современной жизни, материться не стыдно».

В сфере межличностных отношений характер направленности саморегуляции социокультурных девиаций зависит от факторов, связанных с тем, как молодой человек понимает смысл общения, какие у него складываются ожидания от общения со сверстниками и наконец, по каким признакам, он признает собеседника «своим», а по каким признакам – «чужим». Рассмотрим более подробно влияние этих факторов на характер саморегуляции социокультурных девиаций. В таблице 2 представлены взаимосвязи, которые складываются между смысловыми отклонениями и тем, как респонденты понимают смысл общения.

Направленность саморегуляции социокультурных девиаций в сфере межличностных отношений также связана с надеждой субъекта найти поддержку своих действий со стороны окружающих, либо рассчитывать на то, что не последует никакого общественного порицания за содеянное. Это проблема особенно актуальна в контексте разжигания ссор, провокаций, которые организуют участники интернет-сообществ в дискуссиях со своими оппонентами. В этом случае отсутствие общественного порицания и контроля оборачивается иллюзией вседозволенности. Молодой человек может рассуждать следующим образом: я могу оскорблять, унижать собеседника и мне ничего за это не будет, ведь я могу вести эту беседу анонимно, не представляя настоящих данных о себе. Профилактика девиаций в этом случае должна быть сконцентрирована на формировании навыков вежливого, уважительного общения. Для этого в системе образования должны быть актуализированы учебные программы, связанные с этикой общения, в т.ч. и в интернет-пространстве.

Теперь рассмотрим взаимосвязи, которые выстраиваются между формами социокультурных девиаций и признаками расположения к собеседнику или недоверия к нему (таблица 2). В качестве признаков были отобраны следующие: устремлённость собеседника к высоким идеалам, ради общего блага, стремление к красивой жизни, скромность, застенчивость, пренебрежение принятыми нормами, эпатаж и является ли собеседник представителем другого этноса.

Таблица 2

Взаимосвязь смысловых отклонений в культурном пространстве молодёжи с расположением/недоверием к собеседнику, в %

Признаки расположения/ недоверия к собеседнику		Связь со смысловыми отклонениями					
		Целомудрие – это архаизм, сегодня больше ценится опыт		«Пранк» (розыгрыш) – это хороший способ повеселиться, и не надо его стесняться, если это прикольно		Мат – это норма современной жизни, материться не стыдно	
		Со- гла- сен	Не со- гла- сен	Со- гла- сен	Не согласен	Со- гла- сен	Не со- гла- сен
Его устремлённость к высоким идеалам, ради общего блага	расп.	33,5	66,5	31,0	69,0	31,5	68,5
	недов.	50,9	49,1	40,1	59,9	38,7	61,3
Хи-квадрат Пирсона		0,000		0,008		0,038	
Его стремление к красивой жизни	расп.	38,0	62,0	34,4	65,6	32,3	67,7
	недов.	29,1	70,9	25,4	74,6	32,8	67,2
Хи-квадрат Пирсона		0,001		0,001		0,843	
Его скромность, застенчивость	расп.	33,4	66,6	30,3	69,7	29,6	70,4
	недов.	45,3	54,7	39,6	60,4	43,5	56,5
Хи-квадрат Пирсона		0,000		0,001		0,000	
Пренебрежение принятыми нормами, эпатаж	расп.	41,8	58,2	39,5	60,5	36,1	63,9
	недов.	31,4	68,6	26,9	73,1	29,8	70,2
Хи-квадрат Пирсона		0,000		0,000		0,006	
То, что он представитель другого этноса	расп.	34,7	65,3	32,4	67,6	30,9	69,1
	недов.	39,0	61,0	31,6	68,4	37,1	62,9
Хи-квадрат Пирсона		0,111		0,751		0,019	

Источник: Рассчитано авторами по данным исследования Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН 2021 года.

В группе молодых людей, испытывающих недоверие к собеседнику по признаку демонстрации последним устремлённости к высоким идеалам, ради общего блага, 50,9% согласны с суждением о целомудрии, 40,1% – с суждением о пранке, как хорошем способе повеселиться и 38,7% – с суждением о том, что мат – это норма современной жизни. Схожая ситуация наблюдается в группах, в которых собеседник вызывает недоверие по признакам его скромности, застенчивости (от 43,5% до 45,3%) и то, что он представитель другого этноса (от 31,6% до 39,0%). В рассматриваемых группах в процентном соотношении доли недоверяющих собеседнику с такими признаками превалируют над группами молодёжи, доверяющих собеседнику с этим же набором признаков.

Для целей нашего исследования интерес представляют группы, в которых расположение к собеседнику ориентирует молодого человека во взаимодействии с ним на выбор отклоняющихся образцов. Такое наблюдается в тех группах, в которых расположение к собеседнику связано с наличием у него следующих признаков: пренебрежение принятыми нормами, эпатаж и его стремление к красивой жизни. Так в группе, в которой молодые люди испытывают расположение к собеседнику, если тот пренебрегает принятыми нормами, эпатирует 41,8% согласны с суждением о целомудрии, 39,5% – о допустимости пранка и 36,1% – о допустимости мата. В группе испытывающих расположение к собеседнику по признаку его стремления к красивой жизни эти доли составили соответственно: 38,0%, 34,4% и 32,3%. Таким образом, саморегуляция социокультурной девиации в сфере межличностных отношений ориентирует взаимодействия в молодежной среде на использование в речи нецензурной лексики, злых шуток по отношению к окружающим и акцентировании внимания в общении с представителем противоположного пола на сексуальных аспектах взаимоотношений. В основе саморегуляции девиации, ориентации на вседозволенность в этой сфере лежат склонность собеседников к пренебрежению общепринятых норм, эпатажу и стремлению к красивой жизни.

Выводы. Данные положения свидетельствуют о серьёзных сдвигах в культурном пространстве российской молодёжи и требуют дальнейшего изучения и осмысления. Направленность саморегуляции социокультурных девиаций молодёжи в сфере межличностных взаимодействий проявляется в преобладании смысловых установок, ориентирующих взаимодействия в молодёжных группах на дезинтеграцию, разобщение, уменьшение межличностного, межгруппового доверия, демонстрацию своей исключительности и самоутверждение за счёт других участников взаимодействия. Эти процессы находят своё выражение в погоне за удовольствиями, которые направляют взаимодействия в молодёжной среде в сторону активного использования обценной лексики в общении и отказе от моральных авторитетов, тем самым, способствуя самоутверждению индивидов за счёт других участников коммуникации в форме применения практик злых розыгрышей и коллективной травли. Применение практик коллективной травли по отношению к неприятным людям доставляет участникам групп радость, помогает самоутвердиться за счёт жертв и выстроить выгодные полезные связи с одноклассниками, друзьями, которые участвуют в травле. Кроме того, характер саморегуляции социокультурных девиации в сфере межличностных отношений проявляется в ориентациях участников коммуникации на вседозволенность, в пренебрежении общепринятым нормам и эпатаже.

Библиографический список

1. Ковалева А. И. Социология молодежи: теоретические вопросы. М. : Социум, 1999. 351 с. ISBN 5-85085-422-3.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 322 с. ISBN 5-85691-036-2.
3. Тощенко Ж. Т. Социология жизни: поиск ответа на научные и общественные вызовы // Социологическая мозаика – 2018 / А. В. Дмитриев, В. Н. Иванов, Ж. Т. Тощенко. М. : Кнорус, 2018. С. 147–221. EDN YLDIEH.
4. Сорокин О. В. Отклоняющиеся смыслы в межличностных коммуникациях молодежи через призму тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 145–158. DOI [10.17805/zpu.2021.3.11](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.11). EDN KMOVBJ.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М. : Смысл, 2003. 487 с. ISBN 5-89357-082-0.
6. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневецкий [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN SUHSWJ.
7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / В. А. Ядов, В. С. Магун, П. В. Борзикова [и др.]. Ленинград : Наука, 1979. 264 с. EDN XNPCDR.
8. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М. : Норма, 2020. 304 с. ISBN 978-5-00156-082-1. EDN WLJWBA.
9. Любутов А. С. Метод структурной таксономии: возможности применения для анализа социальных и духовных процессов // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 58–79. DOI [10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-6). EDN JTWUWU.
10. Зубок Ю. А., Любутов А. С. Молодёжь в социокультурной реальности российского общества: смысловые детерминанты саморегуляции // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 339–378. DOI [10.19181/ezheg.2022.13](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.13). EDN JEIBXB.
11. Леванский В. А., Любутов А. С. Моделирование социально-политических структур методом распознавания образов: партии и их ориентации («Образ») // Компьютерное моделирование социально-политических процессов / Под общ. ред. О. Ф. Шаброва. М. : Интерпракс, 1994. С. 27–41.

Поступила: 05.08.2023. Доработана: 28.08.2023. Принята: 04.09.2023.

Сведения об авторах:

Сорокин Олег Владимирович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; доцент кафедры Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ им.

М. В. Ломоносова. Москва, Россия. sorokinov@my.msu.ru
Author ID РИНЦ: 719446; ORCID: 0000-0003-2597-9465

Любутов Александр Сергеевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. alexander501@mail.ru

Author ID РИНЦ: 74719; ORCID: 0000-0001-6042-169X

O. V. Sorokin^{1,2}, A. S. Lybutov¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

²Graduate School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

SOCIOCULAR DEVIANCES OF YOUNG PEOPLE IN THE SPHERE OF INTERPERSONAL INTERACTIONS: SELF-REGULATION AND MODELLING

Abstract. In the semantic space of young people, the rethinking of attitudes towards interpersonal interactions is accompanied by the formation of patterns oriented towards separation, disintegration and self-assertion against the background of the interlocutor. From the point of view of the normative approach, these deviations should be considered as opposing the basic semantic foundations of the norms of social interactions between young people. Sociocultural deviations in social reality are represented in the form of semantic characteristics of the goals and principles of life activity, which are labelled by the representatives of the community as deviant because they do not correspond to the basic, collective interpretations of the normal, permissible and generally accepted in the culture of a particular community. In the article, the nature of sociocultural deviations of young people is considered in the context of their deviation from the original meanings that were laid down in the understanding of the patterns of social interactions within the dominant culture. Orientation to socio-cultural deviations is presented as a consequence of strengthening the processes of instrumentalisation and rationalisation of young people in the sphere of interpersonal interactions. The results of the all-Russian research conducted by the Centre of Sociology of Youth of ISPR FCTAS RAS in 2021 are presented. The correlations between the sign of trust/distrust in the interlocutor and semantic deviations in the youth environment are analysed, which makes it possible to study the semantic orientation of self-regulation of youth deviations in the sphere of interpersonal interactions. The application of the method of structural and taxonomic modelling allowed us to study the type of self-regulation of sociocultural deviations of young people in their social reality. The algorithms used automatically selected the elements closest to each other by a sufficiently large number of characteristics and grouped these elements into natural semantic unities. The meanings corresponding to the elements are not distributed chaotically, but are arranged in a certain hierarchy, according to the values of the selected proximity measure. Thus, the semantic deviations were studied, which are concentrated in the core of the semantic unity and on its periphery.

Keywords: youth; sphere of interpersonal interactions; meaning deviations; changing social reality; self-regulation of youth deviations

For citation: Sorokin O. V., Lybutov A. S. Sociocular deviances of young people in the sphere of interpersonal interactions: self-regulation and modelling. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):98–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.5>

References

1. Kovaleva A. I. *Sociology of Youth: theoretical issues*. Moscow: Sotsium; 1999. 351 p. (In Russ.). ISBN 5-85085-422-3.
2. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium; 1995. 322 p. (In Russ.). ISBN 5-85691-036-2.
3. Toshchenko Zh. T. *Sociology of Life: Seeking Responses to Scientific and Societal Challenges*. In: Dmitriev A. V., Ivanov V. N., Toshchenko Zh. T. *Sociological Mosaic*. Moscow: Knorus; 242 p. (In Russ.).
4. Sorokin O. V. The thesaurus approach of Val. A. Lukov in the study into deviant meanings of interpersonal communication of young people. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2021;(3):145–158. (In Russ.). DOI [10.17805/zpu.2021.3.11](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.11).
5. Leontjev D. A. *Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality*. Moscow: Smysl; 2003. 487 p. (In Russ.). ISBN 5-89357-082-0.
6. Zubok Yu. A., Bezrukova O. N., Vishnevsky Yu. R. [et al.]. *Self-regulation of youth life:*

- methodology and social practices. Belgorod: Epicenter; 2021. 500 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6045221-7-2.
7. Yadov V. A., Magun V. S., Borzikova P. V. [et al.]. Self-regulation and prediction of social behaviour of personality. Leningrad: Nauka; 1979. 264 p. (In Russ.).
 8. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth in the cultural space: self-regulation of life activity. Moscow: Norma; 2020. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00156-082-1.
 9. Lyubutov A. S. The method of structural taxonomy: research potential for analysis of social and spiritual processes. *Research result. Sociology and Management*. 2019;5(4):58–79. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-6).
 10. Zubok Yu. A., Lyubutov A. S. Youth in the sociocultural reality of Russian society: semantic determinants of self-regulation. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 2022;20:339–378. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2022.13](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.13).
 11. Levanskiy V. A., Lyubutov A. S. Modelling of socio-political structures by the method of image recognition: parties and their orientations (“Image”). In: O. F. Shabrov, ed. Computer modelling of socio-political processes. Moscow: Interprax; 1994. P. 27–41. (In Russ.).

Received: 05.08.2023. Corrected: 28.08.2023. Accepted: 04.09.2023.

Information about the authors:

Oleg V. Sorokin, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Graduate School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia. sorokinov@my.msu.ru
ORCID: [0000-0003-2597-9465](https://orcid.org/0000-0003-2597-9465)

Alexander S. Lyubutov, Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. alexander501@mail.ru
ORCID: [0000-0001-6042-169X](https://orcid.org/0000-0001-6042-169X)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.6)
EDN [WWXBLD](https://www.edn.ru/WWXBLD)
УДК 316.42

О. А. Александрова^{1, 2, 3}

¹ Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

³ НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы
Москва, Россия

ЦЕННОСТЬ ИЛИ БРЕМЯ: КАК ДОВЕРИЕ МОЛОДЕЖИ ИНСТИТУТАМ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ВЛИЯЕТ НА ИХ БУДУЩЕЕ?¹

Аннотация. В статье анализируются представления молодёжи о способности государственной системы здравоохранения и пенсионного страхования удовлетворять нынешние и будущие потребности в адекватной медицинской помощи и безбедной жизни и влияние, которое они могут оказать на судьбу этих институтов. Показано, что молодёжь не рассчитывает на государственную пенсию, что связано, прежде всего, с разочаровывающим молодых россиян опытом нынешних пенсионеров, а также с массовой включённостью молодёжи в неформальную занятость, не предполагающую уплаты налогов и отчислений в социальные фонды. Последнее респонденты оправдывают тем, что не ожидают какой-либо заботы от государства и в будущем рассчитывают только на себя. Со скепсисом молодёжь относится и к государственному здравоохранению. Проблемы со своевременным попаданием на приём к врачу и на диагностическое исследование в районных поликлиниках, неприветливость занятого в них медперсонала, сомнения в его профессиональных качествах выталкивают молодёжь в частную медицину, которая видится ей в гораздо более позитивном свете. Показательно, что в представлениях респондентов государственные медицинские учреждения опережают частные по совокупному индексу злоупотребления доверием, а его ключевыми формами выступают такие, которые призваны заставить пациентов прибегнуть к платным услугам. Готовность работников государственных медицинских учреждений к такому неблагоприятному поведению респонденты объясняют, прежде всего, меркантильными соображениями, а также страхом перед начальством, требующим наращивания объёма платных услуг. Негативные представления молодёжи о работе государственного пенсионного обеспечения и системы здравоохранения ведут к их девальвации. Потеря опоры в становящихся большинством поколениях чревата для этих институтов дальнейшей деградацией и даже не встречающим особого сопротивления упразднением, что пагубно не только с точки зрения будущих социальных рисков в лишённом «страховочных сетей» обществе, но и в части дальнейшей дезинтеграции социума.

Ключевые слова: молодёжь; институты социального государства; социальная политика; доверие; пенсионное обеспечение; здравоохранение; медицинские учреждения; медицинские работники

Для цитирования: Александрова О. А. Ценность или бремя: как доверие молодежи институтам социального государства влияет на их будущее? // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 109–119. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.6). EDN [WWXBLD](https://www.edn.ru/WWXBLD)

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного автором на XIII Международной Грушинской социологической конференции в рамках секции «Российское общество в условиях неопределённости: проблемы адаптации, парадоксы доверия и поиск источников развития» (25 мая 2023 г.).

Введение. В обществе индивидуалистов и прагматиков, каковым за последние десятилетия стал российский социум, отношение к государству имеет не только иррациональную (в виде социокультурных архетипов), но и рациональную основу. Готовность выполнять обязанности по отношению к государству зависит от того, насколько государство видится заботящимся о гражданах. Это особенно касается более молодой и мобильной части социума. Действительно, как показывают исследования образа будущего в представлениях молодёжи [1], желаемое будущее страны предполагает баланс прав и обязанностей граждан (очень важным этот аспект считают 49% молодых респондентов и ещё 43% – достаточно важным). Среди же прав первым по важности в списке оказывается обеспечение «доступным квалифицированным здравоохранением» (очень важно для 71%, важно – для 25%). Значение этой возможности усиливает наличие трудового опыта (среди имеющих его респондентов уже 75% указывают на его первостепенную важность), что вполне естественно: работающая молодёжь не понаслышке знает и о негативном отношении работодателей к невыходу на работу и оформлению «больничных», и о потерях в зарплате во время обусловленной болезнью нетрудоспособности. Возможность же трудиться является одной из главных жизненных целей молодёжи, поскольку именно со сферой труда связано нынешнее и будущее материальное благополучие и обеспечиваемая им «спокойная, безбедная жизнь» – ещё один из ключевых аспектов желаемого образа будущего.

Увы, как показывают те же исследования, важные для молодёжи характеристики образа будущего, в том числе, касающиеся доступности медицинского обслуживания и гарантий занятости, имеют, в представлениях её существенной части, отрицательную динамику [1]. Между тем, как подчёркивают В. И. Чупров и Ю. А. Зубок, в какой бы части среды обитания ни концентрировался рискогенный потенциал, это сопряжено с большей или меньшей дестабилизацией жизни и не может не сказываться на социальных настроениях [2]. Тем более это замечание справедливо в случае, когда риск касается возможностей реализовать потребности в самых ключевых сферах. В такой ситуации возникает вопрос, какие стратегии будет реализовывать молодёжь в условиях расхождения между собственными жизненными целями и представлениями об условиях их достижения, с одной стороны, и нынешней реальностью, видение которой экстраполируется на образ будущего. Иначе говоря, какого рода саморегуляция жизнедеятельности, «принимаемая как способность индивидов и групп быть активными разработчиками и реализаторами своих жизненных стратегий и предполагающая умение воздействовать на себя, свою жизнь и окружающую реальность с целью приведения себя и реальности в желаемое состояние» [3, с. 5], станет ответом на сложившийся диссонанс? Вопрос тем более не праздный, поскольку речь идёт о молодёжи с особой ролью её субъектности в общественном воспроизводстве. Совокупность стратегий жизнедеятельности, выстраиваемых молодёжью на индивидуальном уровне, неизбежно сказывается в «широком социальном плане» – в части «институциональных усилий по достижению желаемого будущего страны в контексте общего блага» [1, с. 57]. При этом сознание молодёжи, её представления и установки в силу возрастных особенностей отличаются лабильностью, что делает вопрос понимания ею своих и общественных интересов открытым [4].

Цель статьи состоит в попытке анализа последствий, которые для «общего блага» в части судьбы двух важнейших институтов социального государства – государственного здравоохранения и пенсионной системы – могут иметь представления молодёжи о работе этих институтов, их принципиальной способно-

сти обеспечивать нынешние и будущие потребности в адекватной медицинской помощи и «спокойной, безбедной жизни».

Методы. В основе статьи – результаты двух социологических исследований, проведённых под руководством автора в 2020 и 2023 годах². Первое исследование было направлено на изучение представлений молодёжи о материальном обеспечении своей старости и состояло из анкетного опроса жителей Москвы в возрасте до 35 лет (N=500), а также фокусированных групповых интервью со столичной молодёжью (N=4). Четыре смысловых блока включали в себя вопросы, направленные на выяснение того, задумывается ли молодёжь о своей будущей старости, какой она ей видится, как оценивает жизнь нынешних пенсионеров, на что сама рассчитывает жить в преклонном возрасте, готова ли откликнуться на призыв государства включиться в систему добровольного пенсионного страхования³.

Второе исследование было направлено на изучение влияния, оказываемого коммерциализацией здравоохранения на доверие молодёжи медицинским специалистам, и включало в себя анкетный опрос студентов вузов Москвы и Московской области (N=400) и фокусированные групповые интервью со студенческой молодёжью из этих регионов (N=4). В рамках четырёх смысловых блоков выяснялись в целом радиус доверия респондентов и их представления о способах обезопасить себя от злоупотребления доверием; затем – уровень доверия медицинским специалистам и представления о том, что может гарантировать их добросовестность в отношении пациентов; далее, – представления респондентов о степени распространённости и причинах тех или иных форм злоупотребления доверием пациентов в государственных и частных медицинских учреждениях, а также о профессиональных качествах занятых в них медработников; и, наконец, различные аспекты медицинской активности (одного из аспектов самосохранительного поведения) молодёжи, – в каких случаях обращаются к медицинским специалистам, какими критериями руководствуются при их выборе, с какими медицинскими учреждениями – государственными или частными – связывают ожидания получения быстрой, эффективной и оправданной с точки зрения материальных затрат помощи.

Результаты. В своё время К. Манхейм обращал внимание на то, что предугадать ту социальную реальность, которую, говоря словами Т. Бергера и Н. Лукмана, сконструируют новые поколения, можно лишь при условии учёта исторической обстановки, конкретных условий, в которых проходило их становление [6]. Представляется, что в постсоветской России формирование новых поколений россиян происходит на фоне двух фундаментальных трендов. Во-первых, в условиях складывания «авантюристического» (по Веберу) капитализма, с его не оставляющей места разборчивости в средствах «безудержной алчностью в делах наживы» [7]. Генезис и специфика российского капитализма имеют долгосрочные последствия, сказываясь как на доминирующем в социуме целеполагании, так и на представлениях его членов о допустимых способах достижения целей. Конечно, абсолютное большинство россиян не участвовали в «первоначальном накоплении капитала», однако порождённые им социальные контрасты вкупе с характерным для нуворишей показным потреблением побуждают и рядовых

² Выполненные в Департаменте социологии Финансового университета при Правительстве РФ выпускные квалификационные работы Д. И. Маркова (2020 г.) и К. С. Билухи (2023 г.).

³ Подробнее о методологии и результатах исследования см. [5].

граждан стремиться дотянуться до резко завышенных в этих условиях потребительских стандартов. Согласно Т. Веблену, домохозяйства из более низких доходно-имущественных слоёв пытаются подражать тем, кто находится на «ступеньку» выше [8]. Сегодня в России разрыв между материальными возможностями на различных «ступеньках» столь существенен, что вынуждает заметную часть включившихся в потребительскую гонку россиян «пускаться во все тяжкие» – набирать кредиты, становиться менее чувствительными к девиациям в своём экономическом поведении [3, с. 105–111]. Справедливости ради добавим, что в нынешней российской реальности деньги требуются не только для показного потребления, но и для решения действительно жизненно-важных задач – обретения жилья, оплаты обучения и медицинской помощи.

Во-вторых, в условиях проведения государством социальной политики в рамках неолиберальной парадигмы [9], согласно которой государство должно быть «компактным», «сервисным», что означает минимизацию расходов на социальное обеспечение; всё большее перекалывание на бизнес функций, ранее выполнявшихся государством (пенсионное обеспечение, медицинская помощь и т.д.); коммерциализацию деятельности государственных учреждений социальной сферы (образования, здравоохранения и т.д.). Подобные идеи активно продвигаются наднациональными организациями (Всемирным Банком, Всемирной торговой организацией (ВТО), Международным валютным фондом) с целью создания условий для экспансии транснационального капитала на новые рынки (рынки «социальных услуг»), а также десуверенизации национальных государств путём разрыва в сознании граждан связи между их социальным благополучием и государством [10]. Следованием этой парадигме и объясняется то, что все эти годы, при любой экономической конъюнктуре, объём бюджетных ассигнований на социальную сферу (образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение и т.д.) в России был в разы меньше, чем в развитых странах, и чем могло себе позволить государство. В 2012 году, присоединившись к ВТО, Россия приняла на себя обязательства и по реализации Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС ВТО), относящему к услугам то, что вчера считалось социальным благом (образование, здравоохранение). В рамках же подготовки к присоединению к ВТО был принят закон⁴, создавший стимулы и правовую основу для резкой коммерциализации деятельности государственных учреждений социальной сферы, что неизбежно привело к существенному росту платности социальных услуг, а также к конфликту интересов у работников этих учреждений: теперь к их профессиональной миссии (лечить, учить) примешивается задача извлечения прибыли [11]. В области же государственного пенсионного обеспечения имеют место мизерные пенсии и непонятность их расчёта, введение обязательного накопительного элемента с его последующим замораживанием, внезапное повышение пенсионного возраста [12]. А в последние годы под предлогом того, что это позволит получить весомую добавку к будущей пенсии, государство осуществляет настойчивые попытки вовлечь население в систему добровольного пенсионного страхования с участием негосударственных пенсионных фондов (НПФ).

Какие же выводы из всего этого делает нынешняя молодёжь? Начнём с вопросов пенсионного обеспечения. Как показало проведённое нами исследование, о своей жизни на горизонте 30–40 лет четверть молодых респондентов вообще никогда не задумывается и ещё более половины думает об этом редко.

⁴ Федеральный закон № 83-ФЗ от 8 мая 2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

При этом у молодёжи есть ясное представление о том, как выглядит «достойная старость». Судя по ответам на открытый вопрос, это – активная, интересная, не одинокая жизнь и возможность приносить пользу своим близким, условием чего являются крепкое здоровье и хороший достаток, причём свой собственный («быть полностью независимым, не нуждаться в помощи близких людей и не надеяться только на пенсию»). Этой картине, по мнению молодёжи, совершенно не соответствует жизнь абсолютного большинства российских пенсионеров (иначе думает только 4% опрошенных), причиной же, по мнению респондентов, является существенная нехватка денег, вынуждающая пожилых людей продолжать работать, экономить на лекарствах, копить на похороны. Такая ситуация представляется молодёжи несправедливой как с точки зрения устанавливаемого государством размера пенсии (респонденты отмечают, что абсолютная величина пенсии не соответствует минимально приемлемому уровню жизни, а проводимая время от времени индексация не учитывает реальный уровень инфляции), так и с точки зрения вознаграждения за ту пользу, которую человек приносил обществу в течение своей трудовой жизни. Молодёжь замечает и слабую связь размера пенсий с трудовым стажем, и огромный разрыв в уровне пенсионного обеспечения у представителей социально значимых массовых профессий (учителей, врачей и т.д.) и у «чиновников и силовиков». Говоря о размере пенсии, стоит отметить весьма умеренные в этой части притязания опрошенной молодёжи. Так, по мнению большинства респондентов, коэффициент замещения пенсий (доля от утраченного заработка, которую составляет пенсия) должен составлять порядка 55% (заметьте, что это средневропейский показатель, а, например, в скандинавских странах он достигает 70–80%). В России же, в представлениях респондентов, этот показатель равен 25% (в реальности на момент опроса он был несколько выше (32%), но все равно ниже рекомендуемого Международной организацией труда (МОТ) 40%-го минимума).

Судя по результатам исследования, на государственную пенсию молодёжь практически не рассчитывает. Среди причин, во-первых, рефлексия печального опыта старших поколений, и, во-вторых, широко распространённая среди молодёжи неформальная занятость, не предполагающая уплату налогов и отчислений в пенсионный и другие государственные социальные фонды («Я работала на нескольких работах и никогда не оформляла трудовой договор, не платила налоги...»; «У меня есть регулярные шабашки, которые я делаю за наличные»⁵). Работу «в чёрную» респонденты объясняют симметричностью отношений с государством: «У нас с государством такая позиция: оно мне, как я понимаю, не собирается ничего выплачивать, и я не собираюсь ничего ему отчислять». По мнению респондентов, чтобы будущие пенсионеры могли выработать свою стратегию, в первую очередь, необходимо определиться самому государству – «...сделать выбор, какое оно – социальное или независимое (от своих социальных обязательств – прим. авт.). Чтобы люди среднего возраста или молодые могли понимать, рассчитывать им на государство или начинать самим что-то делать».

Недоверие к институту государственной пенсии приводит молодёжь к выводу о необходимости предоставления населению права не участвовать в распределительной (солидарной) пенсионной системе, а самостоятельно заботиться о своей старости: «Я бы не хотела, чтобы у меня была пенсия. Она должна быть добровольной. Может быть, я сама себе накоплю, а у меня из зарплаты вычитают эти деньги»; «Можно и нужно предоставить человеку выбор, хочу ли я отчислять государству или не хочу».

⁵ Здесь и далее курсивом обозначены суждения участников фокусированных групповых интервью.

Не верит молодёжь и в частную пенсионную систему, причём ключевые риски накопительной пенсии молодёжь связывает, прежде всего, с государством. Так, вероятность того, что государство изменит «правила игры» или девальвирует рубль, обесценив тем самым накопленные средства, видится молодёжи гораздо более высокой, чем вероятность того, что проблемы со здоровьем или перебои с работой помешают им регулярно вносить деньги на свой пенсионный счёт, и даже чем вероятность банкротства НПФ или его неспособность обеспечить покрывающую инфляцию доходность. В контексте настоящей статьи нам важно отметить влияние, которое на установки в отношении способа обеспечения себя в старости оказывает уровень доверия государству, однако заметим, что в данном случае недоверие действует молодёжи на пользу. Дело в том, что, стараясь вовлечь население в систему добровольных пенсионных накоплений, государство умалчивает о серьёзных проблемах частных пенсионных систем. Так, как указывает Т. Ю. Куликова, в развитых странах уже несколько десятилетий идёт снижение процентных ставок по гособлигациям – даже по бумагам с длинными сроками до погашения они находятся вблизи или даже ниже нуля в номинале, с учётом же инфляции их доходность ещё ниже. Таким образом, в мире практически нет надёжных активов, в которые можно вкладывать пенсионные накопления и получать доходность, достаточную для сохранения покупательной способности накоплений и формирования будущих пенсий на приемлемом уровне. Чтобы получить сколько-нибудь приемлемую доходность, НПФ вынуждены прибегать к более рискованным инвестициям, в силу чего пенсионные накопления из средства надёжной защиты в старости превращаются в весьма рискованный актив. Есть и представленный в специальном докладе МОТ негативный опыт внедрения в 1981–2014 гг. обязательных накопительных пенсионных систем в 30 странах Латинской Америки, Африки, Восточной Европы и СНГ. Результаты пенсионных экспериментов оказались настолько удручающими (в большинстве стран возросла доля граждан, не имеющих права на трудовую пенсию; уменьшился размер пенсии и сократился коэффициент замещения и т.д.), что к 2018 г. более половины этих стран полностью или частично свернули обязательную накопительную систему и вернулись к прежней распределительной (солидарной) системе [13].

Каким же образом молодёжь рассчитывает обеспечить себе достойную старость? Абсолютное большинство (92%) планируют жить на сбережения, однако твёрдо уверены в такой возможности только 55% респондентов, ещё 37% «скорее уверены» (индекс 0,6840). Ещё часть – на доходы от недвижимости (индекс 0,3020) и собственного бизнеса (индекс 0,2449), а также на зарплату (индекс 0,2081). В то же время, многие молодые люди не уверены в том, что смогут накопить соответствующую сумму (лишь 47% респондентов полагают, что их занятость будет стабильной; каждый пятый, напротив, уверен в обратном), что им удастся сохранить сбережения (на момент опроса относительно надёжными инструментами сохранения накоплений молодёжи виделись вложения в недвижимость и иностранную валюту), что здоровье позволит работать и в старости, и что пожилые работники смогут найти работу. Таким образом, молодёжь и не верит в пенсионное обеспечение в рамках солидарной системы, и не совсем уверена в том, что успешно справится с задачей обеспечения своей старости в индивидуальном порядке.

Теперь обратимся к возможным последствиям для судьбы института государственного здравоохранения его нынешней коммерциализации и порождаемого ею конфликта интересов. По мнению респондентов, предоставление государственным медицинским учреждениям права оказывать платные ус-

луги приводит к сокращению доступности бесплатной медицинской помощи (47,4%), росту расходов населения на медицинские услуги (45,3%), сокращению государственных расходов на здравоохранение (44,2%), а также к навязыванию платных услуг пациентам (29,2%).

Формы злоупотребления доверием пациентов, с которыми сталкивались почти половина самих респонденты или членов их ближнего круга, это, прежде всего, сокрытие наличия возможности быстро попасть на бесплатный приём, бесплатное диагностическое исследование (индекс=0,47), назначение не нужных пациенту платных услуг (индекс=0,44); выписывание рецептов, по которым лекарства можно купить только в конкретной аптеке (0,44), выписка из стационара недостаточно вылечившегося пациента ради сокращения койко-дней (0,39), сокрытие от пациента информации, что те или иные диагностические или лечебные процедуры можно сделать бесплатно (0,38). При этом совокупный индекс опыта столкновения со злоупотреблением доверием пациентов (всего в списке было перечислено 11 форм возможных злоупотреблений) оказался выше в государственных медицинских учреждениях, нежели в частных – 0,36 против 0,29. В государственных учреждениях в первую тройку форм злоупотребления доверием, с которыми сталкивались респонденты или их близкие, вошли сокрытие наличия возможности быстро попасть на бесплатный приём (0,47), назначение ненужных платных услуг (0,44), выписывание рецептов в конкретную аптеку (0,44); в частных – назначение ненужных пациенту платных услуг (0,59), выписывание рецептов в конкретную аптеку (0,34) и сокрытие от пациента информации о том, что выписываемое ему лекарство не самое эффективное, а просто доступное ему по цене (0,25).

Подобные действия более 70% респондентов связывают с корыстными побуждениями («больше платных услуг – больше размер зарплаты»), объясняя их далее небольшими зарплатами медиков ($i=0,82$), нехваткой у них средств на повседневные нужды в условиях заметного роста стоимости жизни ($i=0,79$), а также с их обременённостью кредитами ($i=0,75$) и желанием иметь деньги на покупку дорогих вещей ($i=0,58$). Почти половина (46,7%) респондентов объясняют злоупотребление медиками доверием пациентов боязнью не выполнить требования начальства (при этом, отвечая на вопрос, возможно ли, чтобы руководство медицинских учреждений требовало от сотрудников вынуждать пациентов обращаться за платными услугами, вариант «скорее, да – сейчас на всем стараются заработать» выбрали 69,8% респондентов; полагают, что «скорее, нет – это было бы уже слишком, ведь речь идёт о помощи больным» лишь чуть более четверти респондентов (27,8%)). Заметим, что в части неготовности перечить начальству даже в случаях, когда оно требует совершать явно неблагоприятные действия по отношению к другим людям, и, напротив, готовности поступиться принципами ради выгоды, медики не отличаются от большинства россиян, которых респонденты в этом отношении оценивают весьма скептически. Так, по всем альтернативным утверждениям («ради выгоды легко готовы обмануть / не станут обманывать ради денег», «считают, что если начальство требует, то можно и обмануть / считают, что обманывать нельзя ни в какой ситуации» и т.д.; всего респондентам было предложено 13 альтернативных утверждений), доля респондентов, выбравших негативные утверждения, превышала долю тех, кто видит сограждан в позитивном свете. Превышение доли респондентов с негативным видением наблюдается и в отношении тех альтернативных утверждений, в которых речь, по сути, идёт о причинах подобного поведения: россияне «не станут добиваться правды, так как боятся быть уволенными», тем более, что они «обременены кредитами» и «стремятся во что бы то ни стало приобрести дорогие престижные вещи».

В целом же полученный с помощью семантического дифференциала портрет медицинских работников, занятых в частных медицинских учреждениях, в представлениях опрошенной молодёжи оказывается гораздо более привлекательным, чем медиков, работающих в системе государственного здравоохранения. Последние, прежде всего, уставшие (индекс равен $-0,21$), а также угрюмые, чёрствые, разочаровавшиеся в профессии, невнимательно и поверхностно относящиеся к проблемам пациентов (индексы от $-0,05$ до $-0,08$). Лишь три характеристики врачей государственных медицинских учреждений (честные, ответственные и заслуживающие доверия) оказались со знаком плюс, но близко к нулю. Вблизи нуля, но со знаком минус, оказалась и оценка уровня их компетентности. В противоположность этому врачи частных медицинских центров видятся молодёжи почти исключительно в положительном свете: они вежливые и приветливые (и там, и там $i=0,19$), высокопрофессиональные и отзывчивые (и там, и там $i=0,14$), внимательные, дотошные и ответственные (везде $i=0,13$), заслуживают доверия ($i=0,10$). Единственный показатель, оказавшийся в отрицательной области, касается корыстности (индекс равен $-0,08$), в районе нуля и оценка их честности ($i=0,01$). Участники фокусированных групповых интервью согласны с портретами, нарисованными в рамках массового опроса, и объясняют эту картину тем, что *«в государственных клиниках больше нагрузка, специалисты не справляются»*, а *«в частных клиниках теплее отношение, так как им за это платят»*.

Неприветливый характер государственного здравоохранения (прежде всего, проблемы со своевременным попаданием на приём к врачу и на диагностическое исследование: индексы этих показателей в рамках оценки респондентами работы государственных медицинских учреждений равны $-0,3$ и $-0,4$ соответственно, но также отношение со стороны медперсонала (индекс равен $-0,1$) и невысокий уровень профессионализма врачей (индекс $=0,02$)) выталкивает молодёжь в частную медицину. Четверть опрошенных нами респондентов обращаются в частные клиники довольно часто, порядка 54% обращались несколько раз, около 5% только их и посещают (для сравнения: в районную поликлинику часто обращаются 2,6% и ещё 12,3% – довольно часто). При этом 18% респондентов оценили стоимость лечения в частных медицинских центрах как очень ощутимую и ещё 48,9% как весьма ощутимую, то есть, выбор молодёжи в пользу частной медицины был обусловлен необходимостью, а не наличием у неё «лишних денег».

Выводы. Возникшие по историческим часам совсем недавно, в XX веке (и, кстати, далеко не везде), доступное здравоохранение и пенсионное обеспечение – величайшие социальные достижения человеческой цивилизации. Известный исследователь социальной политики К. Джонс описывает, как первые получатели пенсий со слезами на глазах вручали цветы почтовым работникам, выдававшим им тогда ещё очень скромные суммы, потому что, пусть мизерная, но гарантированная пенсия избавляла их от ночных кошмаров в ожидании нищеты старости и попадания в рабочий дом. При этом создание институтов социального страхования встречало не только поддержку, но и сопротивление тех социальных классов, от которых требовалось поделиться с государством частью своих доходов: достаточно сказать, что для принятия первого открыто перераспределительного бюджета потребовалось лишить палату лордов, не согласную с повышением налогов, части её бюджетных полномочий. Далекое не сразу удалось реализовать и идею создания системы бесплатной медицинской помощи, и даже после того, как она заработала, представители наиболее обеспеченных слоёв изыскивали разные предлоги, чтобы поставить под сомнение целесо-

бразность её существования [14].

Разумеется, молодёжь не в курсе того, каким непростым был путь к созданию этих, как ей кажется, всегда существовавших институтов, и сколько богатых и влиятельных людей и сегодня хотели бы минимизировать социальные расходы государства (а, точнее, идущие на их оплату налоги) за счёт сворачивания их деятельности [15]. Молодёжь мыслит, исходя из своего понимания реальности (и, конечно, скромного жизненного опыта), а реальность в сфере медицинского обслуживания и пенсионного обеспечения сегодня такова, что ведёт к девальвации в глазах молодёжи распределительной (солидарной) пенсионной системы и государственного здравоохранения. Потеря опоры в становящихся большинством поколениях чревата для этих институтов их дальнейшей деградацией и даже не встречающим особого сопротивления упразднением. Всё это пагубно не только с точки зрения будущих социальных рисков в лишённом «страховочных сетей» обществе, но и в части дальнейшей дезинтеграции социума.

Библиографический список

1. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56–74. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5). EDN QATYVVU.
2. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Рискогенность социокультурной среды обитания как фактор формирования социальных настроений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 148–160. DOI [10.17223/1998863X/43/14](https://doi.org/10.17223/1998863X/43/14). EDN XWEBPV.
3. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буланова [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2022. 360 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022). EDN TENQIH.
4. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1602](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602). EDN GTXODD.
5. *Александрова О. А., Марков Д. И.* Обеспеченные или нищие: что думают молодые россияне о будущей старости и как намерены действовать? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 42–65. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1607](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1607). EDN ZTMNHJ.
6. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени : сб. / Пер. с нем. и англ. М. И. Левина. М. : Юрист, 1994. 700 с. ISBN 5-7357-0046-4.
7. *Вебер М.* Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1990. 808 с. ISBN 5-01-001584-6. EDN SGUYOR.
8. *Веблен Т.* Теория праздного класса / Пер. с англ. В. Желнинова. М. : АСТ, 2021. 384 с. ISBN 978-5-17-135295-0.
9. *Александрова О. А.* Социальное государство: куда шло вчера, и что делать завтра // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 2. С. 6–18. DOI [10.19181/population.2022.25.2.1](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.1). EDN WPSOBF.
10. *Александрова О. А.* Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десоверенизации // Народонаселение. 2015. № 4. С. 17–32. EDN VKQTСВ.
11. *Александрова О. А., Комолова О. А.* Конфликт интересов и организационных культур в условиях коммерциализации здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27, № 4. С. 384–388. DOI [10.32687/0869-866X-2019-27-4-384-388](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2019-27-4-384-388). EDN YAHWXT.
12. *Ржанецына Л. С.* Развитие пенсионной системы, анализ и предложения // П Римашевские чтения. Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни : сб. матер. междунар. науч.-практич. конф. М. : Фабрика Офсетной Печати, 2019. С. 149–155. EDN QSLNTB.
13. *Куликова Т. Ю.* Накопительная пенсия в условиях стабильно низких и отрицательных процентных ставок // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 4. С. 51–61. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00038](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00038). EDN KYATRW.

14. Jones K. The making of social policy in Britain, 1830-1990. 2nd ed. London : Athlone Press, 1994. 268 p. ISBN 0485113929.
15. Arthur Ch. Financial Literacy Education: Neoliberalism, the Consumer and the Citizen. Rotterdam : Sense Rubl., 2012. 139 p. ISBN 978-94-6091-918-3. DOI 10.1007/978-94-6091-918-3.

Поступила: 14.08.2023. Принята: 05.09.2023.

Сведения об авторе:

Александрова Ольга Аркадьевна, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; профессор департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; научный сотрудник, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы. Москва, Россия. a762rab@mail.ru
Author ID ПИНЦ: 257224; ORCID: 0000-0002-9243-9242

O. A. Aleksandrova^{1, 2, 3}

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS

² Financial University under the Government of the Russian Federation

³ Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management
of Moscow Healthcare Department
Moscow, Russia

VALUE OR BURDEN: HOW DO YOUTH TRUST IN THE INSTITUTIONS OF THE WELFARE STATE AFFECT THEIR FUTURE?

Abstract. The article analyzes young people's perceptions of the ability of the state health care system and pension insurance to meet current and future needs for adequate medical care and a prosperous life, and the impact that they can have on the fate of these institutions. It is shown that young people do not count on a state pension, which is primarily due to the disappointing experience of current pensioners, as well as the mass involvement of young people in informal employment, which does not involve paying taxes and deductions to social funds. The respondents justify the latter by the fact that they do not expect any care from the state and in the future rely only on themselves. Young people are also skeptical about public health care. Problems with timely access to a doctor's appointment and diagnostic examination in district clinics, their unfriendly medical staff, doubts about its professional qualities are pushing young people into private medicine, which they see in a much more positive light. It is significant that, in the opinion of the respondents, public medical institutions are ahead of private ones in terms of the aggregate index of abuse of trust, and its key forms are those that are designed to force patients to resort to paid services. Respondents explain the readiness of employees of state medical institutions for such unseemly behavior, first of all, by mercenary considerations, as well as fear not to fulfil of the demanding of superiors an increase in the volume of paid services. Negative perceptions of young people about the state pensions and the health care system lead to their devaluation. The loss of support in the generations that are becoming the majority is fraught for these institutions with further degradation and even abolishment that does not meet with much resistance. This is detrimental not only from the point of view of future social risks in a society devoid of "safety nets", but also in terms of the further disintegration of society.

Keywords: youth; institutions of the welfare state; social politics; confidence; pension provision; healthcare; medical institutions; medical workers

For citation: Aleksandrova O. A. Value or burden: how do youth trust in the institutions of the welfare state affect their future? *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):109–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.6>

References

1. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2022;28(4):56–74. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5).
2. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Riskogenics of the sociocultural habitat as a factor of social sentiment formation. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2018;(43):148–160. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/43/14](https://doi.org/10.17223/1998863X/43/14).
3. Zubok Ju. A., Aleksandrova O. A., Bulanova M. B. Self-Regulation Among Young People: Typologization and Modeling. Belgorod: Epitsentr; 2022. 360 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022).
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring of public opinion: economic and social change*. 2020;(3):13–41. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1602](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602).
5. Aleksandrova O. A., Markov D. I. Wealthy or Poor: What Does Russia's Young People Think about Future Old Age, and What Do They Intend to Do? *Monitoring of public opinion: economic and social change*. 2020;(3):42–65. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1607](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1607).
6. Mannhejm K. Diagnosis of our time. Moscow: Yurist; 1994. 700 p. (In Russ.). ISBN 5-7357-0046-4.
7. Weber M. Selected works. Moscow: Progress; 1990. 808 p. (In Russ.). ISBN 5-01-001584-6.
8. Veblen T. The Theory of Leisure Class. Moscow: AST; 2021. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-135295-0.
9. Aleksandrova O. A. Welfare State: where it went yesterday, and what to do tomorrow. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(2):6-18. (In Russ.). DOI [10.19181/population.2022.25.2.1](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.1).
10. Aleksandrova O. A. Social policy under the conditions of the socio-economic and ideological desovereignization. *Narodonaselenie=Population*. 2015;(4):17–32. (In Russ.).
11. Aleksandrova O. A., Komolova O. A. The conflict of interests and organizational structures in conditions of health care commercialization. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*. 2019;27(4):384–388. (In Russ.).
12. Rzhanicyna L. S. Pension system development, analysis and proposals. In: II Rimashev Readings. Saving the population of Russia: health, employment, level and quality of life : a coll. of materials of the intern. scien.-pract. conf. Moscow: Fabrika Ofsetnoj Pechati; 2019. 256 p. (In Russ.).
13. Kulikova T. Yu. Funded pensions under the conditions of consistently low and negative interest rates. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(4):51–61. (In Russ.). DOI [10.24411/1561-7785-2019-00038](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00038).
14. Jones K. The making of social policy in Britain, 1830-1990. 2nd ed. London: Athlone Press; 1994. 268 p.
15. Arthur Ch. Financial Literacy Education: Neoliberalism, the Consumer and the Citizen. Rotterdam: Sense Rubl.; 2012. 139 p. ISBN 978-94-6091-918-3. DOI [10.1007/978-94-6091-918-3](https://doi.org/10.1007/978-94-6091-918-3).

Received: 14.08.2023. Accepted: 05.09.2023.

Information about the author:

Olga A. Aleksandrova, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Economic Problems of Population of FCTAS RAS; Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russian Federation. a762rab@mail.ru

ORCID: [0000-0002-9243-9242](https://orcid.org/0000-0002-9243-9242)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.7](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.7)
EDN [XYTXEY](https://www.edn.ru/xytxey)
УДК 316.334.3

А. В. Кочетков¹
¹ РАНХиГС
Москва, Россия

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ПОИСК ИНТЕГРАТИВНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В России наступил период, когда объективно необходимы институциональные преобразования в вопросах государственной молодежной политики (ГМП). Они предполагают формирование и развитие стройной системы органов по делам молодежи, обеспечивающей координацию усилий государственных органов, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по реализации ГМП. Проблема заключается в том, что Россия уже более 30 лет находится в поиске интегративной модели управления в данной сфере, продолжаются дискуссии о межведомственном и отраслевом характере ГМП, её сущности и типологии. В настоящей статье акцент делается на вопросе об органе управления в сфере ГМП, призванном обеспечить интеграцию деятельности всех её социальных субъектов. По мнению автора, его необходимо создать в ранге федерального министерства. Для обоснования используются диалектический и системный подходы, исторический, логический, формально-правовой, сравнительный и структурно-функциональный методы исследования. Дается краткая история создания и функционирования федеральных и региональных органов по делам молодежи, обращается внимание на их нынешний состав и тенденции развития. Делаются выводы о фактическом приближении к самостоятельности статуса органа исполнительной власти, отвечающего за выработку и реализацию ГМП, её нормативно-правовое регулирование в Российской Федерации, а также предлагаются меры по совершенствованию интеграционных процессов в управлении рассматриваемой сферой.

Ключевые слова: государство; закон; управление; модель; интеграция; молодежь; молодежная политика; государственная молодежная политика; интегративный подход; стратегия; орган по делам молодежи; министерство; государственная программа

Для цитирования: Кочетков А. В. Государственная молодежная политика: поиск интегративной модели управления // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 120–135. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.7](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.7). EDN [XYTXEY](https://www.edn.ru/xytxey)

Введение. Государственная молодежная политика (ГМП) отличается направленностью и многосубъектностью. Главными её субъектами являются государственные органы. Вместе с тем в её выработке и реализации допускается участие институтов гражданского общества. Органам местного самоуправления могут делегироваться государственные полномочия в данной сфере.

В Российской Федерации на протяжении 30 лет идёт поиск интегративной модели управления в сфере ГМП. Хотя ещё в Законе СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» ясно просматривалась такая модель [1]. Она предполагала создание государственной службы по делам молодежи как интегративного «молодёжного» элемента системы государственного управления в постсоветской России.

Слово «интегративный» переводится с латинского языка как «восстановление», «целое». Интегративная модель управления в сфере ГМП предполагает обеспечение выработки совместной стратегии и объединения усилий всех

предусмотренных законодательством РФ участников ГМП, их скоординированной деятельности по её реализации. При этом системно должны использоваться идеи, методы, теоретические положения из самых разных подходов к ГМП в зависимости от социальных запросов и законных интересов молодёжи и молодёжных организаций. Благодаря интеграции различных видов деятельности в рамках формирования и реализации ГМП можно существенно упростить работу с различными группами молодёжи, автоматически её синхронизировать.

Вопросы определения сущности молодёжной политики, осмысления процесса её формирования и реализации с позиций социологии разрабатывались Н. М. Байковым, Ю. В. Березутским, Ю. Р. Вишневым, Ю. А. Зубок, И. М. Ильинским, В. Т. Лисовским, В. А. Луковым, С. Н. Першуткиным, Е. Г. Слуцким, В. И. Чупровым и др. Вопросы статуса и организации деятельности органов по делам молодёжи исследовались в научных трудах М. М. Бариева, М. Ф. Глухой, О. В. Гуцина, М. М. Донцовой, А. А. Зеленина, Г. В. Куприяновой, А. И. Морозова, Т. А. Нигматуллиной, В. В. Нехаева, Т. Г. Нехаевой, О. А. Рожнова, Т. К. Ростовской, В. А. Смирнова, К. И. Фальковской, С. Н. Чируна и др. Многие из перечисленных учёных и специалистов имеют немалый опыт практической работы в органах по делам молодёжи.

Нередко анализ ГМП и связанных с нею проблем осуществлялся в исторической ретроспективе, в сравнении с опытом советского периода. Обратим внимание на мнение В. И. Чупрова, известного российского учёного в области социологии молодёжи и образования: «Принято считать, что государственной молодёжной политики раньше не было, что она появилась после распада СССР – это неправильно. Она не была оформлена как ГМП, но существовала в идеологии, которая реализовалась партией через все её механизмы» [2, с. 8]. В роли координатора такой политики, интегрирующего усилия разных структур, выступал комсомол.

Автором отмечалась двойственность статуса ГМП в Российской Федерации: с одной стороны, она представляет собой межведомственную сферу, с другой – отрасль [3, с. 426]. В связи с этим интегративная модель управления ГМП призвана обеспечить её управляемость как межотраслевой деятельности и одновременно её функционирование как самостоятельной отрасли, имеющей свои институты, механизмы, формы и стандарты.

Иногда в социологии сама ГМП рассматривается как «интегрирование отдельных программ и проектов, касающихся совершенствования всех сторон социальной жизни молодёжи, в единое целое при условии регламентирующей роли государства» [4, с. 247]. ГМП нельзя осуществлять силами только отраслевых органов исполнительной власти, поскольку в работе с молодёжью нередко имеет место столкновение с их узковедомственными интересами. Поэтому ГМП должна носить ещё и интегративный характер, что требует выработки совместной стратегии, комплексных государственных программ и координационных механизмов взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, молодёжных и иных общественных объединений, других институтов гражданского общества.

Роль координаторов усилий всех структур, работающих с молодёжью на территории государства, отдельных регионов или муниципальных образований, должны выполнять органы по делам молодёжи, наделённые полномочиями по выработке и (или) реализации государственной молодёжной политики федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъ-

ектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления или их структурные подразделения [3, с. 427].

Исследование, предпринятое в этой статье, посвящено разработке мер по совершенствованию управления интеграционными процессами, происходящими при формировании и реализации государственной молодёжной политики. Особое внимание уделяется обоснованию модели управления, ключевую интегрирующую роль в которой должно играть федеральное министерство по делам молодёжи (молодёжной политике).

Материалы и методы исследования. Методологическая база исследования опирается на совокупность подходов и методов получения результатов, включая системный и междисциплинарный подходы, сравнительный анализ, формально-правовой, логический, исторический и структурно-функциональный методы исследования. Аналитической основой исследования являются нормативные правовые акты Российской Федерации и её субъектов, документы и материалы органов государственной власти, теоретические источники по вопросам ГМП. ГМП рассматривается как деятельность государства, носящая как дифференцированный, так и интегративный характер.

Результаты и обсуждение. История постсоветской России показала, что в органах законодательной и исполнительной власти на протяжении более 30 лет отсутствовал реальный консенсус в отношении выбора модели управления в сфере ГМП. Причём законодатели, как правило, выступали за создание самостоятельного органа по делам молодёжи, а исполнительная власть никак не могла определиться и стремилась к «присоединительной» модели, где ГМП являлась как бы приложением к другим сферам.

Размышляя об интеграции в сфере ГМП, важно понимать, что можно выделить несколько её составляющих, а именно: нормативную, понятийную, стратегическую, оперативную. Все данные составляющие взаимосвязаны, и поэтому требуется анализ каждой из них.

Нормативная составляющая интеграции подразумевает наличие системы нормативных правовых актов и содержащихся в них норм, регулирующих вопросы ГМП. Выглядит очевидным, что построение интегративной модели управления в рассматриваемой сфере должно основываться на действенной законодательной базе.

Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации» (далее – Закон № 489-ФЗ), действующий в нашей стране с 2021 года, не внёс нормативную ясность в процесс регулирования ГМП и тем более в решение вопросов построения эффективной системы управления в данной сфере, которая в нем не закрепляется и не прописывается, органы по делам молодёжи не упоминаются [5].

В регионах процесс реализации Закона № 489-ФЗ носит бессистемный характер, что характеризуется отсутствием «дорожной карты» и неравномерным количеством статей в базовых законах субъектов РФ (от 3 до 36). Следует обратить внимание на 23 варианта их названий, которые представлены в таблице 1.

Законы отсутствуют в 3 субъектах Российской Федерации – в Запорожской и Херсонской областях, Чукотском автономном округе.

Понятийная составляющая интеграции также вызывает серьёзные нарекания. Особо следует обратить внимание на то, что, если до принятия Закона № 489-ФЗ

Таблица 1

**Наименования базовых законов субъектов Российской Федерации
в сфере молодёжной политики**

Наименование базового закона, регулирующего вопросы ГМП	Общее количество законов
О молодёжной политике	45
О реализации молодёжной политики	7
Об отдельных вопросах реализации молодёжной политики	5
Об отдельных вопросах в сфере молодёжной политики	4
О государственной молодёжной политике	3
О регулировании отдельных отношений в сфере молодёжной политики	3
О регулировании отдельных вопросов в сфере молодёжной политики	2
О регулировании отдельных отношений в сфере реализации молодёжной политики	2
О молодёжи	1
О молодёжи и молодёжной политике	1
О молодёжной политике и государственной поддержке российского движения детей и молодёжи	1
О некоторых вопросах реализации Федерального Закона «О молодёжной политике в Российской Федерации»	1
Об отдельных вопросах правового регулирования молодёжной политики и государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений	1
О молодёжной политике и признании утратившими силу некоторых законодательных актов	1
О молодёжной политике и признании утратившими силу отдельных законодательных актов	1
О поддержке молодёжи	1
О полномочиях органов государственной власти в сфере молодёжной политики	1
О правовом регулировании отдельных вопросов, связанных с реализацией молодёжной политики	1
О разграничении полномочий органов государственной власти в сфере молодёжной политики	1
О регулировании отдельных вопросов реализации молодёжной политики	1
О регулировании отношений в сфере молодёжной политики	1
Об основах государственной молодёжной политики	1
Об основных направлениях государственной молодёжной политики	1

в федеральном законодательстве было 3 (три) понятия государственной молодёжной политики, то в настоящее время в федеральных нормативных правовых актах используются 3 (три) таких термина как «молодёжная политика», «государственная молодёжная политика» и «государственная политика в сфере молодёжной политики». Причём в самом Законе № 489-ФЗ используются одновременно 2 (два) первых из них. Соотношение между этими терминами законодательно не установлено.

В таблице 2 приведены понятия государственной молодёжной политики, включённые в качестве основных в Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации» и базовые законы субъектов Российской Федерации в сфере ГМП.

Таблица 2

Понятийный аппарат государственной молодёжной политики

Документы	Основные понятия
Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации»	Молодежь, молодые граждане; молодая семья; молодежное общественное объединение; молодежная политика; специалист по работе с молодежью; молодой специалист; субъекты, осуществляющие деятельность в сфере молодежной политики; инфраструктура молодежной политики; самореализация молодёжи.
Базовые законы субъектов Российской Федерации в сфере ГМП	<p>Понятия, используемые в Федеральном законе «О молодёжной политике в Российской Федерации»; дополнительно –</p> <ul style="list-style-type: none"> • государственная молодежная политика; стратегия государственной молодежной политики; работа с молодежью; мероприятия по работе с молодежью; мероприятия в сфере молодежной политики; молодежные мероприятия; • дети; молодежное сообщество (движение); детское общественное объединение; государственная поддержка молодежных и детских общественных объединений; молодежная общественная организация; молодежная добровольческая (волонтерская) деятельность; доброволец (волонтер); • молодой ученый; талантливая (одаренная) молодежь; молодежные инициативы (инициативы молодежи); молодежный проект; наставничество; неформальное образование; внеформальное образование; молодежный обмен; • молодой предприниматель; молодежное предпринимательство; молодежные коммерческие организации; студенческий отряд; трудовая подростковая бригада; • молодые граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации; молодежь группы риска; антиобщественные действия; • уполномоченный орган исполнительной власти; система органов по делам молодежи; инфраструктура для молодежи; специализированные организации по работе с молодежью; учреждения по работе с молодежью; молодежный центр; многофункциональный молодежный центр; молодежный медиациентр; некоммерческая организация в сфере работы с детьми и молодежью; социальные учреждения молодежи; социальная служба; • молодежное самоуправление; молодежный парламентаризм; студенческое (ученическое) самоуправление; орган молодежного самоуправления; органы представительства молодежи; молодежный совещательно-консультативный орган; молодежные парламентские структуры, молодежный парламент; молодежное правительство; молодежный форум.

Как следует из таблицы 2, понятийный аппарат Закона № 489-ФЗ явно требует расширения.

Стратегическая составляющая интеграции предполагает выработку генерального плана действий по реализации ГМП. В настоящее время продолжают действовать «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года», которые не приведены в соответствие с Законом

№ 489-ФЗ [6]. Правда, принято решение о разработке Стратегии реализации молодежной политики на период до 2030 года и государственной (национальной) молодежной программы¹.

Оперативная составляющая интеграции предполагает наличие координирующего управленческого органа, программы действий и соответствующего ресурсного обеспечения. Это, фактически, главный вопрос.

Ещё в 90-е годы прошлого века в учебнике «Социология молодежи» под ред. В. Т. Лисовского утверждалось: «Формирование государственной молодежной политики предполагает наличие целостной системы, включающей законодательную базу, органы и учреждения по делам молодежи и механизмы реализации мероприятий (преимущественно на основе программно-целевого подхода). Органы по делам молодежи должны не подменять отраслевые структуры, включённые в работу с молодежью, а координировать их деятельность в интересах молодежи и общества через механизмы государственной молодежной политики» [7, с. 333].

В центре модели ГМП, закреплённой в Законе СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», была государственная служба по делам молодежи. Весной-летом 1991 года созданы Комитет по делам молодежи при Кабинете Министров СССР [8] и Государственный комитет РСФСР по молодежной политике [9].

Однако в ноябре 1991 года «неожиданно» было решено образовать Министерство образования РСФСР на базе действующего Министерства образования РСФСР, Государственного комитета РСФСР по молодежной политике, Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы (в части высшей школы) [10]. Тем самым была сделана первая в истории России попытка «присоединить» ГМП к образованию. Против этого выступили Российский Союз Молодежи и другие молодежные организации, которые направили обращение в адрес Президента РСФСР, в котором «попросили» восстановить молодежный Госкомитет.

В декабре 1991 года на Министерство труда и занятости населения РСФСР были возложены разработка и реализация единой государственной политики в различных областях, в том числе молодежной политики [11]. Но в январе 1992 года учреждена должность Полномочного представителя Правительства РФ по делам молодежи [12]. А в июне 1992 года было принято решение о создании органа государственного управления по вопросам молодежи и физического воспитания населения [13].

Ситуация стабилизировалась на некоторое время только после Указа Президента Российской Федерации от 16 сентября 1992 года № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики». Пунктом 2 настоящего Указа предусматривалось: «В целях формирования и проведения единой государственной молодежной политики, а также для координации деятельности органов управления по делам молодежи в составе администраций Российской Федерации образовать при Правительстве Российской Федерации Комитет по делам молодежи» [14]. После этого Россия начала движение к претворению в жизнь модели управления в сфере ГМП, интегратором в которой выступает система самостоятельных органов по делам молодежи. Только никак, к сожалению, не придёт к такой системе окончательно.

¹ Перечень поручений по итогам заседания Госсовета (утв. Президентом РФ 29 января 2023 года № Пр-173ГС) // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения: 23.08.2023).

После вступления в силу Указа Президента РФ № 1075, федеральные органы по делам молодёжи назывались по-разному. Исходя из их статусов можно выделить несколько моделей федерального органа управления в сфере ГМП. Они указаны в таблице 3.

Таблица 3

Модели органа управления в сфере государственной молодёжной политики

Модель	Наименования федеральных органов исполнительной власти	Период
Модель «Комитет»	• Комитет по делам молодёжи при Правительстве Российской Федерации	1992
	• Комитет Российской Федерации по делам молодёжи	1992–1996
Модель «Государственный комитет»	• Государственный комитет Российской Федерации по делам молодёжи	1996–1998, 2007–2008
	• Государственный комитет Российской Федерации по молодёжной политике	1999–2000
Модель «Министерство»	• Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации	1998–1999
	• Министерство образования Российской Федерации	2000–2004
Модель «Министерство плюс агентство»	• Министерство образования и науки Российской Федерации и находящееся в его подчинении Федеральное агентство по образованию	2004–2007
	• Министерство спорта, туризма и молодёжной политики Российской Федерации и находящееся в его подчинении Федеральное агентство по делам молодёжи	2008–2012
	• Министерство образования и науки Российской Федерации и находящееся в его подчинении Федеральное агентство по делам молодёжи	2012–2018
	• Министерство науки и высшего образования Российской Федерации и находящееся в его подчинении Федеральное агентство по делам молодёжи	2018–2022
Модель «Министерство и агентство»	• Министерство науки и высшего образования Российской Федерации и Федеральное агентство по делам молодёжи, подчинённые Правительству Российской Федерации	2018 – настоящее время

Зададимся следующим вопросом: «А может пришло время вернуться к модели «Министерство»? Только не в «совмещённом» контексте. А создать Министерство по делам молодёжи (молодёжной политике). Какие аргументы могут быть «за»?

Прежде всего – исторический фактор. История ГМП ведёт отсчёт от комсомола, который фактически имел двойной статус (две ипостаси в одном лице). Комитеты ВЛКСМ фактически представляли собой, с одной стороны, выборные органы молодёжных общественных организаций, а, с другой стороны, – комитеты по делам молодёжи [15, с. 34]. Комсомол де-юре являлся общественным объединением, а де-факто общественно-государственной организацией. Аппарат ЦК ВЛКСМ, возглавляемый его руководителями (секретарями), wybranными представителями молодёжи, выполнял функции Министерства по делам молодёжи. Аппараты рескомов, обкомов, горкомов, райкомов комсомола можно вполне трактовать как региональные и местные органы по делам молодёжи.

Репрезентативных социологических опросов по рассматриваемой теме фактически не проводились. Можно лишь обратить внимание на результаты он-

лайн-опроса, прошедшего 27–29 октября 2020 года в ТГ-канале «Молодёжь России», принадлежащем Национальному Совету молодёжных и детских объединений России. По результатам онлайн-опроса 2/3 проголосовавших (66%) считают, что в России следует создать Министерство по делам молодёжи (молодёжной политике), 11% полагают, что достаточно включить в наименование Министерства науки и высшего образования словосочетание «по делам молодёжи», 22% полагают, что надо оставить все как есть, 1% высказались за другой вариант.

Надо заметить, что конституционное понимание ГМП есть основа для выделения обособленного органа по её выработке и нормативно-правовому регулированию в структуре федеральных органов исполнительной власти. В Конституции Российской Федерации (в новой редакции пункта «е» части 1 статьи 72) появилось словосочетание «молодёжная политика», означающее, что государство включает в сферу своих обязательств «общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодёжной политики» [16]. Молодёжная политика – неотъемлемая часть государственной политики. Она не является приложением к сфере образования, культуры, физической культуры и спорта, социальной защиты и другим сферам. Вопросы молодёжной политики – предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Анализ показывает, что в настоящее время не обнаружены докторские и кандидатские диссертации, монографии и научные статьи, в которых бы обосновывалась необходимость совмещения органов по делам молодёжи с органами управления образованием, культурой, спортом или какими-либо иными областями деятельности. Зато предостаточно защищённых докторских и кандидатских диссертаций, иных научных трудов, в которых содержатся обоснованные предложения о создании самостоятельного (обособленного) федерального органа по делам молодёжи.

Несмотря на все вышеизложенное, парадоксальным выглядит современная модель управления в сфере ГМП. Даже после включения в Конституцию Российской Федерации нормы о молодёжной политике она так и не появилась в названии Министерства, отвечающего за её нормативно-правовое регулирование, выработку и реализацию.

Как известно, Указом Президента РФ в мае 2018 года Федеральное агентство по делам молодёжи было передано в прямое подчинение Правительству РФ, но вопросы выработки ГМП и её нормативно-правового регулирования «почему-то» оставили за созданным Министерством науки и высшего образования РФ [17]. Молодёжное агентство де-юре вывели из подчинения научно-образовательного министерства, а де-факто молодёжная политика опять была поставлена под сферу образования. Сказали «А», но не сказали «Б».

Федеральному агентству по делам молодёжи не доверили выработку ГМП и её нормативно-правовое регулирование. Следует обратить внимание на то, что другим федеральным агентствам в структуре федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ, – Федеральному агентству по делам национальностей и Федеральному агентству по государственным резервам – переданы функции по выработке и нормативно-правовому регулированию государственной политики в подведомственных им сферах. Почему же для Федерального агентства по делам молодёжи сделали исключение? Такая молодёжная политика или оставили «на потом»? Зачем нужна «нагрузка» научно-образовательному министерству, если оно молодёжной «нормативкой» системно как не занималось (это за него фактически

делало ранее подчинённое ему агентство), так и не занимается (агентства-то в подчинении нет)?

Сегодня в Российской Федерации действуют два федеральных органа по делам молодёжи, причём неподчинённых друг другу. Статус данных органов, предусмотренный положениями о них [18; 19], представлен в таблице 4.

Таблица 4

Федеральные органы по делам молодёжи

Наименование	Нормативный правовой акт	Статус
<ul style="list-style-type: none"> Министерство науки и высшего образования Российской Федерации 	Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2018 года № 682 (ред. от 23.08.2023 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»	Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере молодёжной политики
<ul style="list-style-type: none"> Федеральное агентство по делам молодёжи 	Постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2008 года № 409 (ред. от 16.12.2022 г.) «О Федеральном агентстве по делам молодёжи»	Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере государственной молодёжной политики, реализации во взаимодействии с общественными организациями и движениями, представляющими интересы молодежи, мероприятий, направленных на обеспечение здорового образа жизни молодёжи, нравственного и патриотического воспитания и на реализацию молодёжью своих профессиональных возможностей

В период 2015–2019 годов количество самостоятельных органов по делам молодёжи субъектов Российской Федерации колебалось в пределах от 20 до 27. На период принятия в 2020 году Федерального закона «О молодёжной политике в Российской Федерации» их насчитывалось 26. Удивительно, но за год после его вступления в силу количество самостоятельных органов по делам молодёжи сократилось. Счётная палата Российской Федерации констатировала, что их стало 22 на конец 2021 года [20, с. 20–21]. Вероятно, это вызвало определённое недовольство у кураторов молодёжной политики и начался процесс административной «сверки часов» в её реализации. В результате наметилась тенденция по пересмотру органами государственной власти субъектов Российской Федерации подходов к управлению в рассматриваемой сфере и удалось довести количество самостоятельных органов по делам молодёжи до 39.

21 марта 2022 года Комитет Государственной Думы по молодёжной политике призвал высших должностных лиц субъектов Российской Федерации создавать в регионах профильные министерства по молодёжной политике. 17 мая 2022 года руководство Федерального агентства по делам молодёжи заявило, что оно взяло на себя амбициозную цель – создать министерства по делам молодёжи во всех регионах за три года.

Знаменательно, что Президент России Владимир Путин в выступлении на заседании Государственного Совета РФ 22 декабря 2022 года обозначил свою позицию: «В 40 субъектах Федерации работают самостоятельные подразделения, координирующие молодёжную политику. Рассчитываю, что к 2024 году эта сеть охватит все 89 регионов»². Имелось в виду, что на региональном уровне функционирует 40 самостоятельных органов по делам молодёжи. Вероятно, Президент говорил о 39 самостоятельных («несовмещённых», обособленных) органах по делам молодёжи плюс ещё 1 орган по делам молодёжи, совмещающий свою деятельность с «родственными» вопросами гражданско-патриотического воспитания.

По итогам указанного заседания Президент РФ утвердил перечень поручений, один из пунктов которого гласит: «...16. Рекомендовать высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации создать в системе органов государственной власти каждого субъекта Российской Федерации орган исполнительной власти, реализующий молодёжную политику в субъекте Российской Федерации. Срок – 1 января 2024 г.»³. Тем самым глава государства рассчитывает, что к началу 2024 года во всех субъектах Российской Федерации появятся министерства или иные органы исполнительной власти, способные обеспечить интеграцию деятельности всех субъектов ГМП, действующих на соответствующей территории.

В настоящее время на 01.09.2023 г. ситуация с региональными органами по делам складывается следующим образом. Во всех субъектах Российской Федерации определены органы, уполномоченные в сфере ГМП, которые можно условно разделить на две группы.

Первая группа – субъекты Российской Федерации, в которых действуют уполномоченные органы исполнительной власти, в названии которых используется слово «молодёжь» или словосочетание «молодёжная политика» либо «дела молодёжи». Таких органов сегодня насчитывается 77, при этом среди них следует выделить:

- 55 самостоятельных («несовмещённых», обособленных) органов по делам молодёжи (18 министерств, 3 государственных комитета, 7 агентств, 6 департаментов, 15 комитетов, 1 главное управление, 5 управлений);
- 22 органа по делам молодёжи, совмещающих свою деятельность с другими вопросами (гражданско-патриотического воспитания – 1; общественного развития или общественных связей (социальных коммуникаций) – 8; общественных и внешних связей – 1; внутренней и информационной политики – 1; образования – 2; образования и науки – 3; спорта – 3; физической культуры и спорта – 3).

Вторая группа – субъекты Российской Федерации, в которых функционируют уполномоченные органы исполнительной власти, в названии которых не используется слово «молодёжь» или словосочетание «молодёжная политика» либо «дела молодёжи».

К ним относятся 11 органов, отвечающих за: образование – 1; образование и науку – 5; образование и спорт – 1; образование, культуру и спорт – 1; внутреннюю политику – 2; информационные и социальные коммуникации – 1. В 1 субъекте Российской Федерации вопросы ГМП отнесены к ведению Администрации Губернатора и Правительства.

Примечательно, что во всех четырёх новых субъектах Российской Федерации

² Заседание Государственного Совета // Президент России: [сайт]. 22.12.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70169> (дата обращения: 23.08.2023).

³ Перечень поручений по итогам заседания Госсовета (утв. Президентом РФ 29 января 2023 года № Пр-173ГС) // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения: 23.08.2023).

созданы региональные министерства по молодёжной политике: Министерство молодёжной политики Донецкой Народной Республики; Министерство молодёжной политики Луганской Народной Республики; Министерство по молодёжной политике Запорожской области; Министерство молодёжной политики Херсонской области.

Представляется, что настало время задуматься над тем, чтобы создать ответственное Министерство по делам молодёжи (молодёжной политике) Российской Федерации, а не пытаться «загонять» молодёжную политику под структуры образования или «опекать» её этими структурами «на расстоянии». Проблемы ГМП – это не только проблемы образования молодых людей и их научной деятельности, но и проблемы участия молодёжи в управлении, организации её досуга, развития молодёжных общественных объединений, решения жилищных проблем молодых граждан, их трудоустройства и социальной защиты, поддержки молодёжного предпринимательства и т.д. И решение этих и других проблем молодёжи кто-то должен координировать в рамках тех 21 основных направлений молодёжной политики, которые закреплены в Законе № 489-ФЗ. Создание самостоятельных органов по делам молодёжи во всех или значительном большинстве субъектов Российской Федерации открывает «дорогу» для принятия решения о создании федерального министерства по молодёжной политике.

В толковом словаре русского языка содержится следующее толкование понятия «координация» – согласование, установление целесообразного соотношения между какими-нибудь действиями, явлениями [21, с. 294]. Координацию в сфере ГМП можно определить как специфический вид государственно-властной деятельности, выражающейся в обеспечении единства действий для оптимального достижения целей ГМП или осуществления единого направления деятельности в данной сфере. Формами координации могут быть: нормативно-правовое регулирование, применение мер разрешительного характера (имеются в виду те случаи, когда та или иная деятельность может осуществляться только с разрешения координирующего центра); согласование, методическое руководство. Однако независимо от форм, в которых осуществляется координация, координирующий центр должен иметь больше полномочий, чем у координируемых элементов. Статус Федерального агентства по делам молодёжи не позволит системно координировать деятельность федеральных министерств в рамках той структуры федеральных органов исполнительной власти, которая сложилась в Российской Федерации.

Радует, что Президент РФ В. В. Путин рассматривает органы по делам молодёжи как органы исполнительной власти, которые в первую очередь должны обеспечить координацию в сфере ГМП. Он обратил внимание на то, что: «С учётом возрастного, а не отраслевого признака работа по молодёжному треку требует интеграции и активного участия многих органов власти. В связи с этим Федеральное агентство по делам молодёжи ведёт так называемую административную сшивку этой деятельности. В ряде министерств уже действуют ответственные за молодёжную сферу в статусе заместителей министров. Подобная модель успешно реализуется на уровне крупнейших отечественных компаний, и они тоже включились в эту работу»⁴.

Курс на создание мобильного и «несовмещённого» федерального органа исполнительной власти – Министерства по молодёжной политике Российской Федерации (Министерства по делам молодёжи Российской Федерации) – выглядит оптимальным. В пределах своих полномочий он должен обеспечивать

⁴ Заседание Государственного Совета // Президент России: [сайт]. 22.12.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70169> (дата обращения: 23.08.2023).

выработку и реализацию ГМП, её нормативно-правовое регулирование и координацию деятельности всех органов и структур, задействованных в данной сфере, разрабатывать государственную программу «Молодёжь России», федеральные нормативные правовые акты в области работы с молодёжью.

Социальная миссия Министерства РФ по молодёжной политике – обеспечить путём государственного регулирования, использования различных форм и методов эффективную работу с молодёжью на всей территории государства, направленную на её развитие и самореализацию в интересах российского общества. Оно, образно говоря, должно стать министерством по делам будущего страны и призвано играть координирующую роль в работе с молодёжью. Это своего рода «антимонопольный комитет» в сфере ГМП, обеспечивающий согласование действий всех федеральных органов исполнительной власти по вопросам работы с молодёжью [22, с. 415–416]. При этом необходимо строго очертить круг вопросов, по которым проводится обязательное согласование.

Наличие в структуре федеральных органов исполнительной власти федерального министерства, не совмещающего вопросы ГМП с другими:

- 1) создаст условия для наиболее точной и системной реализации конституционной нормы о ГМП;
- 2) снимет проблему «сведения» молодёжной политики к статусу некоего «приложения» к политике в сфере образования и другим сферам;
- 3) не позволит иметь в стране монополию какого-либо отраслевого органа в работе с молодёжью;
- 4) обеспечит необходимую координацию и согласование действий всех федеральных органов исполнительной власти по реализации ГМП;
- 5) придаст более предметный и конкретный характер взаимодействия органов государства с институтами гражданского общества по вопросам ГМП;
- 6) будет способствовать более системному и оперативному участию молодёжи и её объединений в управлении делами государства и развитии российского общества;
- 7) позволит сформировать оптимальный механизм нормативно-правового регулирования ГМП.

Указанное Министерство призвано быть главным экспертом в вопросах влияния отдельных государственных решений на положение молодёжи в нашей стране и иметь право «поправить» их в пределах своей компетенции, закреплённое соответствующим Указом Президента РФ, там, где законные интересы молодых граждан игнорируются. Кроме того, оно должно стать уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти по организации мониторинга молодёжной политики и подготовке доклада о положении молодёжи в Российской Федерации, предусмотренных Законом № 489-ФЗ.

Выводы. Представляется, что формирование и развитие эффективной ГМП есть социальный императив настоящего и будущего любого государства. Последнее время имеет место много рассуждений о молодёжной политике как отрасли. И это далеко неслучайно. В настоящее время стоит задача сформировать молодёжную политику как реальную отрасль, имеющую чёткую структуру, предмет ведения и критерии оценки своей деятельности, унифицированную в определённой мере нормативную правовую базу, действующую на всей территории России. Важно определить единые стандарты работы с молодёжью в нашей стране.

Вместе с тем необходимо учесть межведомственный характер реализации ГМП и обеспечить системную интеграцию управления в данной сфере. Однако действующая редакция Федерального закона «О молодёжной политике в Российской Федерации» не способствует ни нормативной, ни понятийной, ни стратегической, ни оперативной интеграции.

Проведённое в декабре 2022 года заседание Государственного Совета РФ обозначило стратегическую линию на формирование самостоятельных органов, координирующих ГМП на всех уровнях. На уровне субъектов Российской Федерации данный процесс идёт полным ходом. Но окончательный выбор на федеральном уровне в пользу создания самостоятельного федерального органа исполнительной власти, координирующего ГМП, пока не сделан. Федеральное агентство по делам молодёжи не обладает таким статусом.

Актуальным является вопрос о «молодёжном» интеграторе со статусом федерального министерства. Необходимо Министерство по молодёжной политике Российской Федерации или Министерство молодёжной политики Российской Федерации (сокращённо – Минмолопол России). Другой возможный вариант – Министерство по делам молодёжи Российской Федерации.

Предлагаемое федеральное министерство призвано, с одной стороны, стать специальным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функциональное межотраслевое регулирование, и, с другой стороны, обеспечить управление подведомственными федеральными учреждениями молодёжного профиля, организацию взаимодействия с региональными и местными органами по делам молодёжи и учреждениями, находящимися в их ведении, а также с органами молодёжного самоуправления и молодёжными организациями.

Библиографический список

1. Закон СССР от 16 апреля 1991 года № 2114–1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 19. Ст. 533.
2. *Чуров В. И.* История разработки закона о молодежи ; интервьюер И. Горбунов // Наша молодежь. 2011. № 4. С. 8–9.
3. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневецкий [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUH5WJ](#).
4. Социология : Учебник для вузов / А. В. Воронцов, И. А. Громов, С. Н. Малявин [и др.]. СПб. : Союз, 2003. 463 с. ISBN 5-94033-172-6. EDN [RSWUQB](#).
5. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.
6. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.
7. Социология молодежи : Учебник / Н. М. Боечко [и др.] ; отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 460 с. ISBN 5-288-01660-7.
8. Постановление Верховного Совета СССР от 1 апреля 1991 года 2074–1 «О введении в действие Закона СССР «О перечне министерств и других центральных органов государственного управления СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 15. Ст. 420.
9. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 июля 1991 года № 1617–1 «О внесении изменений в перечень республиканских министерств и государственных комитетов РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 31. Ст. 1062.
10. Указ Президента РСФСР от 10 ноября 1991 года № 186 «О Министерстве образования РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 46. Ст. 1573.

11. Постановление Правительства РСФСР от 28 декабря 1991 года № 80 «Вопросы Министерства труда и занятости населения РСФСР» // Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901604193> (дата обращения: 23.08.2023).
12. Указ Президента РФ от 1 июня 1992 года № 546 «О структуре государственного управления физическим воспитанием и спортом в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 23. Ст. 1278.
13. Распоряжение Президента РФ от 29 января 1992 года № 39-рп «О полномочном представителе Правительства Российской Федерации по делам молодежи» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 6. Ст. 293.
14. Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 года № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 12. Ст. 924.
15. Кочетков А. В. Государственная молодежная политика Российской Федерации: от Указа до Закона // 30 лет государственной молодежной политике Российской Федерации. М. : МИРЭА – Российский технологический университет, 2022. С. 7–48.
16. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 23.08.2023).
17. Указ Президента РФ от 15 мая 2018 года № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 21. Ст. 2981.
18. Постановление Правительства РФ от 15 июня 2018 года № 682 (ред. от 23.08.2023) «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 26. Ст. 3851.
19. Постановление Правительства РФ от 29 мая 2008 года № 409 (ред. от 16.12.2022) «О Федеральном агентстве по делам молодежи» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 22. Ст. 2586.
20. Изотова Г., Шилков Д., Зайцев Д. [и др.]. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ реализации государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации в 2018–2020 годах, в том числе в части реализации жилищных программ для молодых семей»: Утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 16 ноября 2021 года // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2021. № 12. 192 с.
21. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. 1202 с. EDN [RXPFZJ](#).
22. Кочетков А. В. Теория правового регулирования государственной молодежной политики в России : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Кочетков Андрей Валентинович. СПб, 2010. 567 с. EDN [QXELB](#).

Поступила: 15.08.2023. Принята: 08.09.2023.

Сведения об авторе:

Кочетков Андрей Валентинович, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, Россия. av_kochetkov@mail.ru
Author ID ПИНЦ: [236113](#); ORCID: [0000-0002-1950-8897](#)

A. V. Kochetkov¹

¹ RANEPА

Moscow, Russia

STATE YOUTH POLICY: SEARCH FOR AN INTEGRATIVE MODEL FORMATION

Abstract. A period has come in Russia when institutional transformations in matters of state youth policy (GMP) are objectively necessary. They presuppose the formation and development of a coherent system of youth affairs bodies, ensuring coordination of efforts of state bodies, local self-government bodies and civil society institutions to implement GMP. The problem is that Russia has been searching for an integrative management model in this area for more than 30 years, discussions continue about the interdepartmental and sectoral nature of GMP, its essence and typology. This article focuses on the issue of a management body in the field of GMP, designed to ensure the integration of the activities of all its social actors. According to the author, it should be created in the rank of a federal ministry. Dialectical and systematic approaches, historical, logical, formal-legal, comparative and structural-functional research methods are used for substantiation. A brief history of the creation and functioning of federal and regional bodies for youth affairs is given, attention is drawn to their current composition and development trends. Conclusions are drawn about the actual approach to the independence of the status of the executive authority responsible for the development and implementation of GMP, its regulatory and legal regulation in the Russian Federation, and measures are proposed to improve integration processes in the management of the sphere under consideration.

Keywords: state; law; governance; model; integration; youth; youth policy; state youth policy; integrative approach; strategy; youth affairs body; ministry; state program

For citation: Kochetkov A. V. State youth policy: search for an integrative model formation. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):120–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.7>

References

1. Law of the USSR of April 16, 1991 No. 2114-1 “On the general principles of state youth policy in the USSR”. *Vedomosti of the Congress of People’s Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR*. 1991;(19):533. (In Russ.).
2. Chuprov V. I. History of the development of the law on youth. Interviewed by I. Gorbunov. *Nasha molodezh’*. 2011;(4):8–9. (In Russ.).
3. Zubok Yu. A., Bezrukova O. N., Vishnevsky Yu. R. [et al.]. Self-regulation of youth life: methodology and social practices. Belgorod: Epicenter; 2021. 500 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6045221-7-2.
4. Gromov I. A., Vorontsov A. V., Malyavin S. N. [et al.]. *Sociology*. St. Petersburg: Soyuz; 2003. 302 p. . (In Russ.). ISBN 5-94033-172-6.
5. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 “On Youth policy in the Russian Federation”. *Coll. of Legislation of the Russian Federation*. 2021;1(Part I):28. (In Russ.).
6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2403-r dated November 29, 2014 “On approval of the Foundations of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025”. *Coll. of Legislation of the Russian Federation*. 2014;(50):7185. (In Russ.).
7. Boenko N. M. [et al.]. *Sociology of youth : Textbook*. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta; 1996. 457 p. ISBN 5-288-01660-7. (In Russ.).
8. Resolution of the Supreme Soviet of the USSR of April 1, 1991 No. 2074-1 “On the enactment of the Law of the USSR “On the list of Ministries and other central bodies of State Administration of the USSR”. *Vedomosti of the Congress of People’s Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR*. 1991;(15):420. (In Russ.).
9. Resolution of the Presidium of the Supreme Of the RSFSR Council of July 30, 1991 No. 1617-1 “On amendments to the list of Republican ministries and State Committees of the RSFSR”. *Vedomosti of the Congress of People’s Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1991;(31):1062. (In Russ.).

10. Decree of the President of the RSFSR of November 10, 1991 No. 186 “On the Ministry of Education of the RSFSR”. *Vedomosti of the Congress of People’s Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1991;(46):1573. (In Russ.).
11. Decree of the Government of the RSFSR of December 28, 1991 No. 80 “Issues of the Ministry of Labor and Employment of the Population RSFSR”. (In Russ.). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901604193> (accessed: 23.08.2023).
12. Decree of the President of the Russian Federation of June 1, 1992 No. 546 “On the structure of state administration of physical education and sports in the Russian Federation”. *Vedomosti of the Congress of People’s Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation*. 1992;(23):1278. (In Russ.).
13. Decree of the President of the Russian Federation No. 39-rp dated January 29, 1992 “On the Plenipotentiary Representative of the Government of the Russian Federation for Youth Affairs”. *Vedomosti of the Congress of People’s Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation*. 1992;(6):293. (In Russ.).
14. Decree of the President of the Russian Federation No. 1075 of September 16, 1992 “On priority measures in the field of state youth policy”. *Coll. of Acts of the President and Government of the Russian Federation*. 1992(12):924. (In Russ.).
15. Kochetkov A. V. State Youth Policy of the Russian Federation: from Decree to Law. In: 30 years of state youth policy of the Russian Federation. Moscow: MIREA – Russian Technological University; 2022. P. 7–48. (In Russ.).
16. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020). (In Russ.). Available at: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (accessed: 23.08.2023).
17. Decree of the President of the Russian Federation No. 215 dated May 15, 2018 “On the structure of federal executive authorities”. *Coll. of Legislation of the Russian Federation*. 2018(21):2981. (In Russ.).
18. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 15, 2018 No. 682 (ed. 08.23.2023) “On approval of the Regulations on the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Recognition of Certain Acts of the Government of the Russian Federation as invalid”. *Coll. of Legislation of the Russian Federation*. 2018(26):3851. (In Russ.).
19. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 29, 2008 No. 409 (ed. 12.16.2022) “On the Federal Agency for Youth Affairs”. *Coll. of Legislation of the Russian Federation*. 2008(22):2586. (In Russ.).
20. Izotova G., Shilkov D., Zaitsev D. [et al.]. Report on the results of the expert-analytical event “Analysis of the implementation of state youth policy in the subjects of the Russian Federation in 2018-2020, including the implementation of housing programs for young families”: Approved by the Board of the Accounting Chamber of the Russian Federation on November 16, 2021. *Bulletin of the Accounting Chamber of the Russian Federation*. 2021(12):192. (In Russ.).
21. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Azbukovnik; 1997. 1202 p. (In Russ.).
22. Kochetkov A. V. Theory of legal regulation of state youth policy in Russia. Doctor Degree Thesis: St. Petersburg; 2010. 567 p. (In Russ.).

Received: 15.08.2023. Accepted: 08.09.2023.

Information about the author:

Andrey V. Kochetkov, Doctor of Law, Candidate of Sociology, Professor of the Department of Civil Service and Recruitment Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russia. av_kochetkov@mail.ru
ORCID: [0000-0002-1950-8897](https://orcid.org/0000-0002-1950-8897)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.8)
EDN [ZNOMBC](https://edn.znombc.ru)
УДК 316.66

П. Е. Сушко¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье на данных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН рассматривается динамика и специфика социального благополучия молодёжи сквозь призму сопоставления объективных показателей дохода и его субъективных оценок, а также особенностей восприятия молодёжью их социальной успешности в сочетании с мировоззренческими установками на самодостаточность. Показано, что для современной молодёжи значительно снизились шансы на достижение относительно высоких доходов на ранних жизненных этапах, но при этом не возросли риски скатывания молодёжных групп к границам бедности. Хотя с 2003 г. значительно снизилась численность наиболее обеспеченной части молодёжи, доля её наименее обеспеченной части оставалась стабильной. На этом фоне общие стандарты жизни для молодёжи повысились, а границы неблагополучия стали более размытыми. Представления о компонентах социального благополучия в молодёжной среде расширились, а роль доходов как одного из ключевых его маркеров снизилась. Тем не менее для российской молодёжи сохраняется относительно длинный цикл достижения условно предельного уровня социального благополучия. Продемонстрировано, что российская молодёжь отличается высокими ожиданиями в отношении собственных достижений в будущем и имеет при этом особое молодёжное видение критериев жизненного успеха, обусловленное во многом проблемами и ожиданиями, характерными для того или иного этапа жизненного цикла. Показано также, что степень самореализации как молодёжи, так и россиян в целом оказывается значимо связана с целым рядом объективных характеристик индивида. Чем выше занимаемое индивидом положение в различных статусных иерархиях, тем лучше он оценивает степень реализации собственных планов. В свою очередь ощущение социального аутсайдерства стимулирует формирование установок на крайний индивидуализм, готовность достигать желаемого любой ценой. Здоровая же социальная успешность коррелирует с установкой на приоритет моральных норм и ценностей.

Ключевые слова: социальное благополучие; социальная мотивация; жизненный успех; мировоззренческие установки; молодёжь

Для цитирования: Сушко П. Е. Социальное благополучие и социальная успешность российской молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 136–149. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.8). EDN [ZNOMBC](https://edn.znombc.ru)

Постановка проблемы и методология исследования. Социальное благополучие населения является одним из ключевых нематериальных факторов развития общества. Невозможность сохранить его привычный уровень и сужение перспектив его улучшения могут приводить к формированию чувства социального аутсайдерства, накоплению общественного недовольства, росту пессимистических настроений, общественных расколов [1]. В случае с молодёжью этому сопутствуют риски формирования ложных мотиваций, отдалённых от устоявшейся ценностной базы, а также распространённости релятивистских настроений и завышенных ожиданий

© Сушко П. Е., 2023

[2; 3; 4]. Такие тенденции способны в корне менять предпосылки выбираемых жизненных стратегий для следующих поколений молодёжи, а в условиях нарастания социальной неопределённости делать этот выбор в высокой мере случайным, слабо обоснованным и не гарантирующим результативности [5]. Хотя во многом это уже становится приметой времени и может являться одной из характеристик феномена «новой взрослости» [6]. В российских условиях это проявляется прежде всего в противоречии между пространством объективных социальных статусов, которое в целом значимо не отличается в лучшую или худшую сторону от остального населения, и завышенными субъективными ожиданиями молодёжи относительно своего положения в долгосрочной перспективе на фоне доминирующего ощущения несправедливого общественного устройства [7; 8].

В целом идеи справедливости доминируют среди представителей всех поколений и от них редко отходят по мере взросления. Однако в отличие от старших групп россиян, нынешнее поколение молодёжи характеризуется наличием более широких и разнообразных ожиданий, невозможность реализовать которые добавляет оснований для неудовлетворённости жизнью и обществом. И, хотя в отличии от иных поколений для молодых россиян за последние два десятилетия существенно улучшилась ситуация с реализацией возможностей в части путешествия в разные страны мира (рост реализации данной цели по группе 18–35 лет более чем в два раза), общего качества жизни (рост в полтора раза) и наличия свободного времени (рост почти в 1,4 раза), тревожна ситуация с некоторыми социально-значимыми ценностями и целями. К примеру, не произошло значимых улучшений в части реализации возможности устроиться на соответствующую молодёжным интересам и отвечающую критериям престижности работу [10]. Это говорит о серьёзных проблемах в сфере молодёжной занятости и увеличивает дистанцию между ценностями и реальной ситуацией.

Кроме того, специфика современной ситуации задаёт для современных молодых людей иные, небинарные критерии социального благополучия и благополучия и, соответственно, факторов жизненного успеха. В этом смысле, в представлениях российской молодёжи социальное благополучие и счастье имеют разную природу. Для них оценки этих двух категорий чаще не согласованы между собой, хотя и довольно тесно связаны. В то же время для представителей других возрастов они осознаются в более синонимичном ключе [9]. Для молодёжи характерен гораздо более широкий спектр жизненных целей, который порождает и соответствующие запросы, а также многообразие жизненных практик и стратегий по их обеспечению, что обуславливает и слабую территориальную привязку представителей молодёжи к месту проживания.

Как показывают исследования, установки на изменение текущего места жительства чаще декларируют проживающие в сельской местности и в небольших типах поселений. В то же время по мере увеличения размера населённого пункта желание переехать из него заметно снижается. Так, из Москвы и Санкт-Петербурга хотели бы уехать только 19,5% проживающей в них молодёжи (что, впрочем, тоже немало, учитывая все преимущества жизни в столицах), а вот из сельской местности на такой шаг решилось бы 49,1%. Таким образом, готовность к переезду носит «поисковый» характер и связана с удовлетворением запроса на жизненный успех. Молодые люди могут не стремиться мигрировать, если найдут действующие способы реализации себя на местах. Однако для многих из них такая возможность пока маловероятна [10].

На фоне обозначенных проблем растут риски межпоколенческих расколов, рассогласования эффективных практик достижения жизненного успеха, задавае-

мых социально-экономической реальностью с базовыми нормами и ценностями, свойственными российской молодёжи и воспроизводимыми в рамках межпоколенческого транзита [8]. В этой связи на старте жизненного пути ситуация с уровнем социального благополучия и представлениями о его достижении может существенно сказываться не только на выбираемых жизненных стратегиях и принципах, но и на социальной мотивации наиболее перспективной части населения.

В этой связи в фокусе нашего анализа находятся прежде всего оценки материального благополучия российской молодёжи, а также их отражение в субъективном восприятии. Признавая комплексность категории социального благополучия, мы сознательно ограничили её рамками материальной составляющей, имеющей высокую роль практически в любом обществе [11]. Таким образом, будет рассмотрена не только взаимосвязь объективного и субъективного социального благополучия в молодёжной среде, но и их взаимовлияние на социальную мотивацию молодёжи, а также представления молодых людей о критериях жизненного успеха и некоторые их мировоззренческие установки. Это позволит оценить глубину возможных противоречий и нестыковок, лежащих не только в плоскости объективного и субъективного, но и частично традиционного и современного, а также бессознательного и осознанного [4; 12].

Эмпирической базой исследования выступили данные общероссийского репрезентативного опроса, проведённого ИС ФНИСЦ РАН в июне 2023 г. по выборке (N=2000), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения¹. Для оценки динамики использовались также данные других исследований ИС ФНИСЦ РАН со схожей моделью выборки².

Социальное благополучие российской молодёжи: ретроспектива объективного и субъективного. Как уже было упомянуто выше, категория социального благополучия в данной статье интерпретируется в разрезе объективных показателей дохода молодёжи³ и их субъективного восприятия. Оба этих показателя представляются одними из базовых предпосылок выбираемых молодёжью жизненных стратегий. В этой связи особенно важно учитывать ретроспективу шансов молодёжи с точки зрения их объективного социального благополучия и их отражение в субъективном ключе. Как показывает динамика за последние два десятилетия, изменения в численности доходных групп среди молодёжи и остального населения имели определённые различия. Заключаются они прежде всего в том, что среди молодёжи с 2003 г. значительно снизилась численность наиболее обеспеченной её части, но после 2013 г. увеличилась доля среднедоходных слоёв. При этом наименее обеспеченная часть молодёжи оставалась в целом стабильной (рис. 1). Кроме того, взаимосвязь между размером доходов и принадлежностью к той или иной молодёжной группе⁴ оказалась теснее, нежели корреляция между размерами дохода и возрастом в принципе⁵.

¹ Численность подвыборки молодёжи в возрасте от 18 до 35 лет составила 490 респондентов.

² В частности, использовались данные исследования «Богатые и бедные» за 2003 г. (N=2106), «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя» за 2013 г. (N=1600), «20 лет реформ глазами россиян» за 2011 г. (N=1750) и данные мониторинга ИС ФНИСЦ РАН за 2021 г. (N=2000).

³ Для выделения доходных групп используется относительный подход на основе выделения среднедушевого ежемесячного дохода в домохозяйстве относительно поселенческой медианы. При определении границ доходных групп мы опирались на результаты отечественных исследований по доходной стратификации. См.: [13].

⁴ Для проверки взаимосвязи выделялись три молодёжные группы – от 18 до 24 лет, от 25 до 29 лет и от 30 до 35 лет.

⁵ Коэффициент корреляции Спирмена между уровнем доходов и принадлежностью к той или иной молодёжной группе составил 0,309, а с возрастом в принципе – 0,276 (по модулю). Корреляции значимы на уровне 0,01.

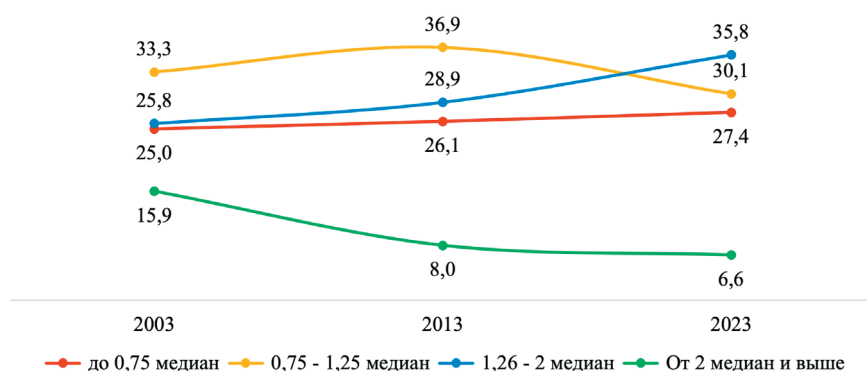

Рисунок 1. Динамика численности доходных групп среди молодёжи в возрасте от 18 до 35 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2003–2023 гг., %

Среди остальной части населения имела место иная тенденция – поляризация высокодоходных и низкодоходных слоёв. Так, с 2003 по 2013 гг. среди россиян старше 35 лет на фоне значимого сокращения численности наиболее и наименее обеспеченных групп (с 9,8% до 5,2% и с 30,3% до 25,3% соответственно) существенно выросла доля медианной группы (с 37,2% до 46,2%). Однако за десятилетие 2013–2023 гг. произошло размывание этой группы к условным полюсам бедности и богатства – доля высокодоходных слоёв выросла до 10,3%, низкодоходных – до 30,5%. При этом медианная группа сократилась до 33,4%, но стабильной осталась доля среднедоходных слоёв с доходами от 1,26 до 2 медиан (25,8%).

Все указанные тенденции позволяют сделать вывод о том, что на фоне остального населения социальное благополучие молодёжи не отличается резко в худшую или лучшую сторону, но достичь относительно высокого уровня доходов её представителям удаётся чаще всего, находясь ближе к верхней возрастной молодёжной границе, нежели на более ранних этапах жизненного цикла. Также сохраняются риски снижения доходов по мере приближения к границе пожилого возраста, являющиеся общими для российского населения. Кроме того, при обращении к ретроспективе доходного распределения оказывается, что хотя шансы молодёжи на существенное улучшение уровня своего социального благополучия и выше, чем для других возрастных групп, для нынешней молодёжи в сравнении с её ровесниками версии 2003 и 2013 гг. они скорее уменьшились, хотя в абсолютном выражении заработки стали выше.

Дополняют эти тренды и изменения во взаимосвязи объективного и субъективного социального благополучия в молодёжной среде. С одной стороны, низкие доходы перестали восприниматься большинством молодёжи как свидетельство плохого уровня материальной обеспеченности, что может являться отражением постепенного усложнения социальной реальности, её многомерности, тех самых нарастаемых противоречий между объективным и субъективным, а также традиционным и инновационным (табл. 1). В итоге материальная обеспеченность и социальное благополучие в целом перестают ассоциироваться с узким перечнем характеристик, которые тем не менее между собой взаимосвязаны. Это заметно по снижению тесноты связи между субъективными и объективны-

ми оценками социального благополучия⁶, что проявляется и в сохраняющейся довольно высокой рассогласованности между объективными показателями дохода и их субъективным восприятием. С другой стороны, относительно высокие доходы стали восприниматься большинством молодёжи как реальный признак хорошей материальной обеспеченности, что особенно примечательно на фоне роста их дефицита среди этой части населения.

Таблица 1

Динамика соотношения принадлежности к доходной группе с субъективными оценками уровня материальной обеспеченности среди молодёжи в возрасте от 18 до 35 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2003–2023 гг., %⁷

Оценки	до 0,75 медиан	0,75–1,25 медиан	1,26–2 медиан	От 2 медиан и выше
2003				
Хорошо	4,6	8,7	11,7	31,5
Удовлетворительно	35,6	65,8	64,8	61,3
Плохо	59,8	25,5	23,5	7,2
2013				
Хорошо	11,2	25,2	39,9	47,7
Удовлетворительно	59,4	65,8	57,0	50,0
Плохо	29,4	8,9	3,2	2,3
2023				
Хорошо	26,7	12,9	35,0	65,5
Удовлетворительно	58,3	72,7	58,6	27,6
Плохо	15,0	14,4	6,4	6,9

В целом же динамика указанных показателей свидетельствует об общем повышении жизненных стандартов молодёжи, проявляющееся как в размытии границ социального неблагополучия, так и в более чётком их оформлении на высоких его уровнях. Причём сильнее это выражено именно в молодёжной среде. Среди остального населения субъективные оценки доходов выглядят более скептическими. Так, в низкодоходных слоях относительно чаще распространены оценки собственных доходов как плохих (26,1%). Относительно высокие доходы (от 2 медиан и выше) при этом оцениваются большинством тех, кто их имеет, как удовлетворительные (57,1%), хотя большинство молодёжи, как было показано, придерживаются в этом отношении иной позиции и чаще считают их хорошими. Вероятно, это обусловлено уровнем притязаний на определённом этапе жизненного цикла. Молодёжь в сравнении с более старшими группами чаще не имеет иждивенческой нагрузки, склонна смотреть в будущее с надеждой, а также имеет в своём окружении гораздо больше таких же молодых, начинающих свой жизненный путь людей. Это задаёт иные ориентиры на будущее и точки отсчёта для оценок своего текущего положения [14], а также сказывается на социальной мотивации и представлениях о социальной успешности индивида.

⁶ Коэффициент Спирмена для указанных показателей среди молодёжи 18–35 лет составлял: в 2003 г. – 0,384, в 2013 г. – 0,354, в 2023 г. – 0,201. Все коэффициенты приведены по модулю, значимость на уровне 0,01.

⁷ Жирным шрифтом в таблице выделены максимальные показатели по столбцу

Социальная успешность российской молодёжи: взгляд изнутри. Как было показано в отечественных исследованиях, российская молодёжь хотя в целом и придерживается устоявшихся в обществе ценностей и норм в отношении жизненных приоритетов и целей [10], все же имеет некоторые специфические представления о свидетельствах успеха их достижения. Однако интерпретация их происхождения представляется двойственной. С одной стороны, по мере взросления представления индивида о критериях жизненного успеха значительно меняются. Водораздел главным образом формируется по границе перехода от экономически активного возраста к пенсионному. Финансовое благополучие и работа постепенно замещаются ценностями здоровья и семьи, общественной пользы и помощи окружающим. При этом в возрасте до 24 лет приоритет, наряду с хорошей работой и заработком, отдаётся самореализации, карьере, путешествиям и свободе выбора. Подходя к верхней границе молодёжного возраста часть целей по мере их достижения (к примеру, связанных с тем же получением образования) теряют свою значимость как критерий успеха, а другая часть, как правило, вызванная более насущными проблемами (к примеру, необходимостью иметь собственное жильё), набирает вес (табл. 2).

Таблица 2

Критерии, свидетельствующие о жизненном успехе человека в оценках различных возрастных групп, ИС ФНИСЦ РАН, 2003–2023 гг., %⁸

Критерии	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет	36–44 года	45–54 года	55–65 лет	66 лет и старше	Всего
Хорошая работа	48,9	49,6	57,5	53,1	52,4	50,2	42,8	50,9
Финансовое благополучие	54,0	41,7	53,3	48,9	55,2	48,3	42,5	49,6
Создание семьи, рождение детей	29,5	40,3	44,8	48,9	41,8	50,2	52,7	45,8
Здоровье	32,4	26,6	34,0	40,3	45,7	53,8	60,6	44,5
Самореализация, проявление себя	52,5	54,0	45,3	46,9	37,7	38,6	36,3	42,7
Хорошее образование	42,4	26,6	33,5	28,4	31,3	32,8	35,3	32,2
Наличие отдельной квартиры, дома	18,7	20,1	27,8	22,9	22,8	24,3	25,0	23,5
Жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе	10,1	20,9	14,2	15,9	19,3	25,2	16,8	18,1
Дружба, общение	11,5	15,1	16,0	15,6	13,1	17,6	16,8	15,3
Помощь детям, внукам устроить свою жизнь, добиться успеха	2,9	5,8	11,3	11,9	13,8	22,8	24,0	14,8
Карьера, должностной статус	26,6	22,3	17,5	15,9	13,3	7,3	11,6	14,7
Собственный бизнес	25,2	15,1	21,7	17,2	12,6	7,6	5,1	13,8

⁸ Фоном в таблице выделены ячейки, показатели в которых превышают средние по выборке более чем на величину статистической погрешности в 3–5%. Жирным шрифтом выделены по 3 показателя в каждом столбце с максимальными значениями.

Окончание таблицы 2

Критерии	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет	36–44 года	45–54 года	55–65 лет	66 лет и старше	Всего
Признание, уважение со стороны окружающих	10,8	12,2	7,1	11,9	14,9	15,2	16,1	13,2
Путешествия, новые впечатления	20,1	23,7	16,0	10,4	10,6	12,8	4,1	12,1
Возможность быть полезным обществу, людям	9,4	9,4	9,4	9,9	12,4	14,3	14,7	11,8
Следование собственным идеалам, принципам, ценностям	3,6	14,4	8,0	12,1	12,0	8,5	13,0	10,8
Наличие важных знакомств, связей	10,1	11,5	7,1	8,4	11,0	7,6	8,2	9,0
Возможность жить и работать там, где хочется, в любой стране мира	15,1	8,6	4,7	7,5	8,3	6,4	2,7	7,1
Доступ к информации, свободное общение в социальных сетях	13,7	11,5	4,7	3,7	4,4	2,7	2,1	4,8
Развлечения и удовольствия	3,6	5,0	2,4	2,2	1,6	1,2	1,0	2,1
Участие в политической и общ. деятельности	-	0,7	-	1,1	1,1	0,6	1,0	0,8

С одной стороны, представления о свидетельствах жизненного успеха в высокой степени обусловлены этапом жизненного цикла, что проявляется в наличии условно молодёжного и немолодёжного видения этих критериев. С другой стороны, такие отличия могут сводиться не только к этому, а иметь более глубокие корни, связанные с культурной составляющей. В частности, видение жизненного успеха молодёжью через сочетание индивидуалистских ценностей с базовыми ценностями социального благополучия (прежде всего хороших работы и заработка) может свидетельствовать о сосуществовании в российской культуре элементов индивидуалистской и коллективистской культур. Так, зарубежные исследования показывают, что для жителей стран с выраженной индивидуалистской культурой более высокий уровень благополучия ассоциируется с успешной самореализацией, достижением поставленных целей и финансовой независимостью. В то же время в коллективистских культурах принято считать, что благополучие невозможно без устойчивых социальных связей, выполнения своих обязанностей перед другими людьми [15; 16]. Впрочем, эта гипотеза требует более сфокусированного анализа.

Немаловажными на этом фоне становятся и вопросы социальной мотивации и успешности индивида. Необходимо отметить, что среди россиян в целом в последние годы отмечался некоторый рост уверенности в том, что они в целом смогли достичь всего, к чему стремились и на что были способны (с 7,7% в 2020 г. до 13,8% в 2023 г.). Схожая позитивная динамика прослеживается и в части расширения доли россиян, сумевших добиться большинства поставленных целей, но все же понимающих, что были способны и на большее (с 22,0%

в 2020 г. до 28,3% в 2023 г.). Вместе с тем в совокупности больше половины населения считает, что либо уже однозначно не сумели реализовать в полной мере свой потенциал (31,8%), либо пока сохраняют надежды на его реализацию в будущем (21,7%).

Социальная успешность российских граждан оказывается значимо связана с целым рядом их объективных показателей и характеристик (возрастных, образовательных, профессиональных и т.п.). В частности, чем выше занимаемое индивидом положение в различных статусных иерархиях (доходной, профессиональной, образовательной), тем лучше они оценивают степень реализации собственных планов. Сказывается на этих оценках и этап жизненного цикла – в более молодом возрасте человек ориентируется на будущие достижения, а к пожилому возрасту чаще склонен подводить положительные или неутешительные итоги. Кризисным в этом отношении выступает возраст от 45 до 54 лет (рис. 2).

Рисунок 2. Оценки представителей разных возрастных групп россиян степени реализации их жизненных планов, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

Как видим, у российской молодёжи на этом фоне ситуация обстоит в целом оптимистичнее, хотя абсолютная реализуемость запланированных целей остаётся невысокой как среди тех, кому от 18 до 24 лет (5,0%), так и среди тех, кому от 30 до 35 лет (6,6%). Соотношение же тех, кто в целом доволен своими успехами и скорее или полностью недоволен к верхнему порогу взросления (30–35 лет) примерно равное (32,1% и 30,6%), хотя надежд к этому периоду уже гораздо меньше (37,3% против 56,8% среди 18–24-летних). Это свидетельствует о сохраняющихся сложностях и барьерах для российской молодёжи и довольно длинном цикле достижения приемлемого уровня социального благополучия, хотя бы в субъективном смысле. Затянутая нерешённость базовых проблем на этом фоне стимулирует популярность траекторий и занятий, не связанных с долгим циклом профессионального становления. В текущей ситуации ярким свидетельством этого является популяризация блоггерства. Так, по данным исследования молодёжи 2021 г., каждый второй молодой человек был готов попробовать свои силы на этом поприще, а среди ключевых преимуществ такого занятия называли чаще всего высокие заработки (55%) [10]. В этой связи возникает ещё

один немаловажный вопрос о ценностях, которыми руководствуется молодёжь на пути к достижению социального благополучия и успеха в современной ситуации. Даже в случае доминирования индивидуалистических целей на начальном этапе жизни какова их ценностная основа – здоровая самодостаточность [17] или же пренебрежение нормами в угоду целям под влиянием социальной реальности?

Самодостаточность как фактор социального благополучия и социальной успешности. Динамика мировоззренческих установок россиян в целом свидетельствует о росте установок на самодостаточность и стабильно высокую их поддержку в молодёжной среде (рис. 3), что согласуется с данными отечественных исследований [17].

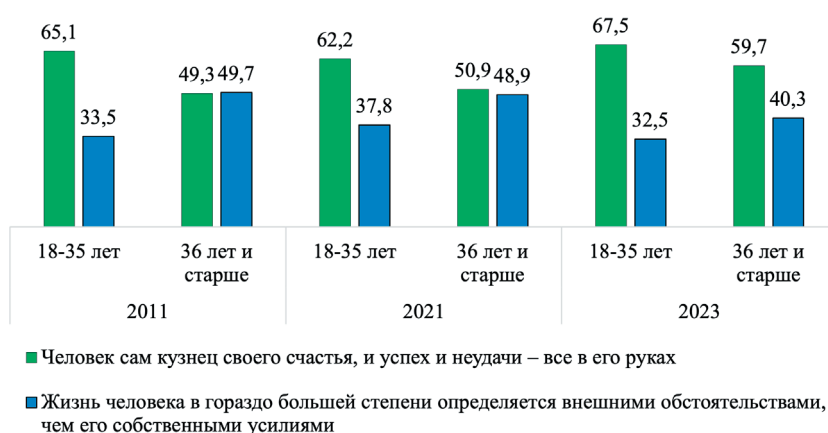

Рисунок 3. Динамика мировоззренческих установок среди разных возрастных групп россиян, ИС ФНИСЦ РАН, 2011–2023 гг., %

При этом среди молодёжи максимальна также доля тех, кто нацелен обеспечивать себя и свою семью без опоры на поддержку со стороны государства (66,2%). В целом эта установка доминирует у россиян на протяжении всего периода их экономической активности и только по мере достижения пенсионного возраста меняется на патерналистскую (62,6% в группе от 55 до 65 лет считают, что без поддержки государства им не выжить). В целом установки на самодостаточность свойственны не только наиболее молодым, но и наиболее успешным в профессиональном (свыше 70,0% среди служащих на должностях с высшим образованием, профессионалов и руководителей), доходном (77,0% среди представителей высокодоходных слоёв) и образовательном (66,7% среди лиц с высшим образованием) отношении россиянам. Подобные убеждения не существуют сами по себе, а подкрепляются реальными практиками и стратегиями. Это демонстрируется и на примере их взаимосвязи с оценками социальной успешности индивида (табл. 3). Так, именно среди молодёжи с доминирующим внутренним локусом контроля относительно выше доля удовлетворённых собственными достижениями. Соответственно, ниже она среди тех, кто отдаёт приоритет внешним обстоятельствам.

Таблица 3

Взаимосвязь оценок социальной успешности с мировоззренческими установками молодежи в возрасте от 18 до 35 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %⁹

Оценки	Человек сам кузнец своего счастья, и успех и неудачи – все в его руках	Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	Современный мир жесток, чтобы выжить и преуспеть, необходимо драться за своё место в нем, а то и переступить через некоторые нормы морали	Вы лучше не достигнете материального благополучия и не сделаете карьеру, но ни- когда не перешагнёте через свою совесть и моральные нормы	Всего
Достигли в общем всего, к чему стремились и на что были способны	6,7	3,8	6,5	4,9	5,7
Многого добились, но, кажется, были способны на нечто большее	26,1	15,1	17,6	27,6	22,4
Добились значительно меньше того, на что были способны	21,8	32,1	28,2	22,2	25,3
Считаете себя неудачником, так как почти ничего не добились	3,0	3,8	3,7	2,9	3,3
Рано подводить итоги, ещё добьётесь того, чего пока не удалось	42,4	45,3	44,1	42,4	43,3

Однако немаловажно и то, что не только самодостаточность, но также установка на примат моральных норм и ценностей также обеспечивает большую субъективную социальную успешность. Готовность же через них переступать относительно чаще ведёт к неудовлетворённости тем, чего удалось достичь, то есть ощущению социального аутсайдерства, которое хотя и не свойственно в массе своей российской молодежи, но может стимулироваться именно за счёт обострения вышеперечисленных проблем и противоречий. Можно в этой связи предполагать, что установки на самодостаточность, не подкреплённые моральными нормами и ценностями, скорее могут проявляться не как маркер ответственного и самостоятельного подхода к достижению социального благополучия, а скорее как проявление крайнего индивидуализма без ориентации на границы и интересы других членов общества. Кроме того, интересно и то, насколько такая декларируемая готовность молодежи брать на себя ответственность за свою жизнь и благополучие является элементом современной культуры и каков потенциал превращения этой установки в устойчивый её элемент для всего общества? Однако эти вопросы требуют более глубокого рассмотрения в рамках отдельного исследования.

Заключение. В среде российской молодежи на текущем этапе развития произошли весьма существенные изменения, связанные как с изменением её объективного социального благополучия и шансами на его улучшение, так и с его восприятием в субъективном ключе. Для современной молодежи значимо сни-

⁹ Фоном в таблице выделены ячейки, показатели в которых превышают средние по выборке более чем на величину статистической погрешности в 3–5%.

зились шансы на достижение относительно высоких доходов на ранних жизненных этапах, но и не повышались риски на скатывание молодёжных групп к границам бедности. Однако общие стандарты жизни для молодёжи повысились, границы неблагополучия стали более размытыми и не сводятся только лишь к размеру доходов. Не утрачивают при этом своей силы и тенденции, связанные с достижением социального благополучия к середине жизненного цикла и снижением его уровня после смены статуса с экономически активного на пенсионный. В этой связи для российской молодёжи сохраняется относительно длинный цикл достижения предельного уровня социального благополучия, поддерживать который на более поздних жизненных этапах возможно только в случаях сохранения социально-экономической активности на рынке труда.

Тем не менее на фоне происходящих разнонаправленных изменений российская молодёжь отличается высокими ожиданиями в отношении собственных достижений в будущем, особенно на начальном этапе жизненного цикла (18–24 года), опираясь на ценностно-нормативный каркас, характерный для российского общества в целом, но имея при этом характерное молодёжное видение критериев жизненного успеха. Во многом оно обусловлено проблемами и ожиданиями, характерными для того или иного этапа жизненного цикла. Однако видение жизненного успеха молодёжью через сочетание индивидуалистских ценностей с базовыми ценностями социального благополучия (прежде всего хороших работы и заработка) может свидетельствовать и о сосуществовании в российской культуре элементов индивидуалистской и коллективистской культур, проявлением сочетания традиционного и инновационного.

Интересные закономерности обнаруживаются при рассмотрении особенностей социальной успешности россиян сквозь призму различных социальных показателей объективного и субъективного характера. Так, степень самореализации россиян и молодёжи в особенности оказывается значимо связана с целым рядом объективных характеристик индивида (возрастных, образовательных, профессиональных и т.п.). В частности, чем выше занимаемое индивидом положение в различных статусных иерархиях, тем лучше он оценивает степень реализации собственных планов. В свою очередь ощущение социального аутсайдерства стимулирует формирование установок на индивидуализм, готовность достигать желаемого любой ценой. Напротив, здоровая социальная успешность коррелирует с установкой на приоритет моральных норм и ценностей.

Библиографический список

1. *Schneider S. M.* Why Income Inequality Is Dissatisfying. Perceptions of Social Status and the Inequality-Satisfaction Link in Europe // *European Sociological Review*. 2019. Vol. 35, No 3. P. 409–430. DOI [10.1093/esr/jcz003](https://doi.org/10.1093/esr/jcz003). EDN [MAFUDN](https://www.edn.ru/MAFUDN).
2. *Радаев В. В.* Миллениалы: как меняется российское общество. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 224 с. ISBN 978-5-7598-1985-1. EDN [STOTFS](https://www.edn.ru/STOTFS).
3. *Сторп У.* Селфи. Почему мы заиклены на себе и как это на нас влияет? М.: Individuum, 2019. 408 с. ISBN 978-5-6042196-1-4.
4. *Зубок Ю. А., Чуров В. И.* Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 6. С. 215–231. DOI [10.15838/esc.2020.6.72.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.13). EDN [NWMEAQ](https://www.edn.ru/NWMEAQ).
5. *Зубок Ю. А.* Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 4–12. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1688](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688). EDN [KFHOU1](https://www.edn.ru/KFHOU1).
6. *Youth and the New Adulthood: Generations of Change* / J. Wyn, H. Cahill, D. Woodman [et al.]. Springer Singapore, 2020. 162 p. ISBN 978-981-15-3364-8. DOI [10.1007/978-981-15-3365-5](https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5).

7. *Мареева С. В.* Социальный статус российской молодежи: представления и реальность // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 2. С. 158–183. DOI [10.19181/vis.2022.13.2.800](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.800). EDN [QINHEL](https://www.edn.ru/vis.2022.13.2.800).
8. *Сушко П. Е.* Специфика ценностных ориентаций и жизненных установок российской молодежи: есть ли межпоколенческий раскол? // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3. С. 10–27. DOI [10.52311/2079-3359_2022_3_10](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2022_3_10). EDN [ZYTWMK](https://www.edn.ru/2079-3359_2022_3_10).
9. *Сушко П. Е.* Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 1. С. 48–62. DOI [10.19181/snsp.2020.8.1.7094](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094). EDN [YBPQUP](https://www.edn.ru/snsp.2020.8.1.7094).
10. Молодежь и Россия будущего / Отв. ред. М. К. Горшков, М. Е. Фрадков, Н. Е. Тихонова. М. : РИСИ; Издательство «Весь Мир», 2023. 384 с. ISBN 978-5-7893-0287-3.
11. *Радаев В. В., Шкартан О. И.* Социальная стратификация. М. : Аспект Пресс, 1996. 318 с. ISBN 5-7567-0119-2.
12. Традиции и инновации в современной России: социологический анализ взаимодействия и динамики / А. Б. Гофман, А. Л. Темницкий, В. А. Крылов [и др.]. М. : РОССПЭН, 2008. 541 с. ISBN 978-5-8243-1071-9. EDN [QYSXUN](https://www.edn.ru/8243-1071-9).
13. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева [и др.]. М.-СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с. ISBN 978-5-4469-1419-7. DOI [10.317544469-1419-7](https://doi.org/10.317544469-1419-7). EDN [YSPCNF](https://www.edn.ru/4469-1419-7).
14. *Festinger L.* A Theory of Social Comparison Processes // Human Relations. 1954. Vol. 7, No 2. P. 117–140. DOI [10.1177/001872675400700202](https://doi.org/10.1177/001872675400700202). EDN [JMIUGT](https://www.edn.ru/001872675400700202).
15. *Oyserman D., Lee S. W. S.* Does Culture Influence What and How We Think? Effects of Priming Individualism and Collectivism // Psychological Bulletin. 2008. Vol. 134, No 2. P. 311–342. DOI [10.1037/0033-2909.134.2.311](https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.2.311).
16. *Triandis H.* Individualism-Collectivism and Personality // Journal of Personality. 2001. Vol. 69, No 6. P. 907–924. DOI [10.1111/1467-6494.696169](https://doi.org/10.1111/1467-6494.696169).
17. *Горшков М. К., Седова Н. Н.* «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16. EDN [VGMFJB](https://www.edn.ru/12.2015).

Поступила: 31.07.2023. Принята: 22.08.2023.

Сведения об авторе:

Сушко Павел Евгеньевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. sushkope@mail.ru
Author ID РИНЦ: [703237](https://elibrary.ru/703237); ORCID: [0000-0003-0245-7015](https://orcid.org/0000-0003-0245-7015)

P. E. Sushko¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS
Moscow, Russia

SOCIAL WELL-BEING AND SOCIAL SUCCESS OF RUSSIAN YOUTH

Abstract. Based on research data from the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, the article examines the dynamics and specifics of the social well-being of young people through the prism of comparing objective indicators of income and its subjective assessments. The specifics of young people's perception of their social success in combination with ideological attitudes towards self-sufficiency are also considered. It is shown that today's youth have significantly reduced the chances of achieving relatively high incomes in the early stages of life, but the chances of youth groups sliding towards the poverty line have not

increased either. Even though since 2003 the number of the most well-to-do among young people has decreased, the share of the least well-to-do youth has remained stable. Against this background, the general standards of life for young people have risen, and the boundaries of trouble have become more blurred. The category of social well-being has expanded, and the role of income as one of its key markers has decreased. Nevertheless, for Russian youth, a relatively long cycle of reaching the maximum level of social well-being remains. It is demonstrated that the Russian youth has high expectations regarding their own achievements in the future. At the same time, it is distinguished by a characteristic youth vision of the criteria for success in life, associated with the problems and expectations of a particular stage of the life cycle. It is also shown that the degree of self-realization of both young people and Russians is significantly associated with many objective characteristics of the individual. Thus, the higher the position occupied by an individual in various status hierarchies, the better he evaluates the degree of realization of his own plans. In turn, the feeling of social outsider ship stimulates the formation of attitudes towards extreme individualism, the readiness to achieve what is desired at any cost. A healthy understanding of social success correlates with the priority setting of moral norms and regulations.

Keywords: social well-being; social motivation; life success; ideological attitudes; youth

For citation: Sushko P. E. Social well-being and social success of Russian youth. *Science. Culture. Society.* 2023;29(3):136–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.8>

References

1. Schneider S. M. Why Income Inequality Is Dissatisfying. Perceptions of Social Status and the Inequality-Satisfaction Link in Europe. *European Sociological Review.* 2019;35(3):409–430. DOI [10.1093/esr/jcz003](https://doi.org/10.1093/esr/jcz003).
2. Radaev V. V. Millennials: How Russian Society is Changing. Moscow: HSE University Publ. House; 2019. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1985-1.
3. Storr W. Selfie. Why are We Obsessed with Ourselves and How Does It Affect Us? Moscow: Individuum; 2019. 408 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6042196-1-4.
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth's Activity in Changing Reality: Self-Regulation Contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast.* 2020;13(6):215–231. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2020.6.72.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.13).
5. Zubok Yu. A. Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* 2020;(3):4–12. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1688](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688).
6. Wyn J., Cahill H., Woodman D. [et al]. Youth and the New Adulthood: Generations of Change. Springer Singapore; 2020. 162 p. ISBN 978-981-15-3364-8. DOI [10.1007/978-981-15-3365-5](https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5).
7. Mareeva S. V. The Social Status of Russian Youth: Ideas and Reality. *Vestnik instituta sotziologii.* 2022;13(2):158–183. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2022.13.2.800](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.800).
8. Sushko P. E. Specifics of Russian Youth's Axiological Orientation and Life Principles: Is There an Intergenerational Split? *National Strategy Issues.* 2022;3:10–27. (In Russ.). DOI [10.52311/2079-3359_2022_3_10](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2022_3_10).
9. Sushko P. E. Happiness and Social Well-Being in the Estimates of Russians – the Problem of Differentiation of Concepts. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika.* 2020;8(1):48–62. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.1.7094](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094).
10. Gorshkov M. K., Fradkov M. E., Tikhonova N. E., eds. Youth and Russia of the Future. Moscow: RISI; Publishing house "All World"; 2023. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7893-0287-3.
11. Radaev V. V., Shkaratan O. I. Social stratification. Moscow: Aspekt Press; 1996. 318 p. (In Russ.). ISBN 5-7567-0119-2.
12. Hoffmann A. B., Temnitsky A. L., Krylov V. A. [et al]. Traditions and Innovations in Modern Russia: Sociological Analysis of Interaction and Dynamics. Moscow: ROSSPEN; 2008. 541 p. ISBN 978-5-8243-1071-9.
13. Tikhonova N. E., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V. [et al]. Income Stratification Model of Russian Society: Dynamics, Factors, Crosscountry Comparisons. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2018. 368 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-1419-7. DOI [10.317544469-1419-7](https://doi.org/10.317544469-1419-7).
14. Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations.* 1954;7(2):117–140. DOI [10.1177/001872675400700202](https://doi.org/10.1177/001872675400700202).

15. Oyserman D., Lee S. W. S. Does Culture Influence What and How We Think? Effects of Priming Individualism and Collectivism. *Psychological Bulletin*. 2008;134(2):311–342. DOI [10.1037/0033-2909.134.2.311](https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.2.311).
16. Triandis H. Individualism-Collectivism and Personality. *Journal of Personality*. 2001;69(6):907–924. DOI [10.1111/1467-6494.696169](https://doi.org/10.1111/1467-6494.696169).
17. Gorshkov M. K., Sedova N. N. “Self-sufficient” Russians and Their Life Priorities. *Sociological research*. 2015;(12):4–16. (In Russ.).

Received: 31.07.2023. Accepted: 22.08.2023.

Information about the author:

Pavel E. Sushko, Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. sushkope@mail.ru
ORCID: [0000-0003-0245-7015](https://orcid.org/0000-0003-0245-7015)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9)
EDN [KVLEGK](https://edn.kvlegk.ru)
УДК 316.44

И. С. Шаповалова¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия

САМООЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В рамках изучения социальных стратегий молодёжи важным аспектом становится определение тех факторов социализации, которые влияют на выбор таких стратегий и их последующую реализацию. Одним из таких факторов является экономическое положение семьи молодых людей. Данный фактор формирует разные условия социализации, создавая предпосылки для формирования определённых стратегических диспозиций, направлений и горизонта жизненного планирования. Цель статьи состоит в изучении связи между самооценкой материального положения и жизненными стратегиями молодёжи в соответствии с экономическими условиями социализации. В статье представлены результаты социологического мониторинга 2022 года «Социальные стратегии молодёжи», проведённого на территории Белгородской области. Ключевые социальные стратегии проанализированы на основании типологии молодёжи по субъективной оценке уровня материального положения (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего). Результаты исследования показывают наличие реальной связи между самооценкой материального положения и установками на определённые социальные стратегии. Выявлено противоречие между близостью стратегических установок низкодоходных и высокодоходных групп молодёжи.

Ключевые слова: молодёжь; самооценка материального положения; социальные стратегии; социальные диспозиции; стратификация

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодёжи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Для цитирования: Шаповалова И. С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 150–163. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9). EDN [KVLEGK](https://edn.kvlegk.ru)

Введение. Социальные стратегии молодёжи являются важной характеристикой как поколенческих групп (относительно статический показатель), так и индикатором кризисов и рисков, с которыми молодёжь сталкивается в современном мире (отражение динамики). Многолетние исследования в этой области, проводимые Международным центром социологических исследований НИУ «БелГУ», показывают, насколько реактивны социальные диспозиции, жизненные планы и модели принятия решений молодёжи по отношению к изменениям внешней среды [1; 2; 3].

Однако социальные стратегии также являются и показателем стратификации в молодёжной среде, разрушая иллюзию равенства возможностей, шансов и устремлений, обусловленных далеко не равными условиями жизни молодых людей.

Одним из важнейших стратификационных признаков являются экономические возможности семей, дающие материальный и финансовый старт для из-

начального формирования социальных стратегий, а потом и их реализации. Этот вопрос не стоит настолько остро, как должен, возможно, из-за хаотично формируемых карьерных и социальных лифтов, возникающих на основе проектной активности, поддерживаемой молодёжными организациями. Немаловажной здесь становится и трансформация рынка труда, когда появляются возможности самозанятости, самопродвижения, в том числе и в интернет-пространстве. Но наши исследования показывают наличие неравенства в социальных стратегиях молодёжи на основе самооценки её социально-экономического статуса, что проявляется, прежде всего в установках, в особом горизонте жизненного планирования, определяющим жизненную концепцию и жизненный путь молодых людей.

Вопросы экономической стратификации в смысле реализации карьерных и политических стратегий (поколенческий аспект), изучаются [4], но скорее речь идёт об итоговом результате достижений уже «взрослой» молодёжи и её социально-экономического статуса. Часто такая стратификация представлена в монографических исследованиях, как основа портрета экономических групп [5], как иллюстрация проблемы расслоения на конкретной территории [6; 7]. Достаточно исследований, посвящённых экономической социализации молодёжи [8; 9] и её экономическому поведению, моделям – то есть, скорее экономическим тактикам [10; 11; 12; 13].

Влияние экономических условий на самосознание молодёжи подчёркивают в своих работах В. И. Чупров и Ю. А. Зубок [14; 15; 16; 17; 18]. Современная ситуация формирует определённые модели жизненной регуляции и жизненные смыслы, которые напрямую связаны с жизненной ситуацией семьи, её возможностями, транслируемыми ценностями, доступностью вариантов жизненного выбора. И хотя, как отмечают авторы, «существенную роль в процессе смыслообразования играет базовая культура, образцы которой содержатся в коллективном бессознательном, непосредственно связанным с историческим опытом. <...> Значимое влияние на смысложизненные ценности молодёжи оказывают повседневные знания и опыт, накапливающиеся в результате её взаимодействий с другими» [19, с. 164].

Важность всех стратификационных признаков, среди которых и самооценка материального положения, подчёркивает в своей методологической статье о саморегуляции в условиях неопределённости [20] Владимир Ильич Чупров, определяя её, и тем самым акцентируя специфику молодёжи с низким уровнем жизни, как форму «поведенческой реакции молодых людей (молодёжи как социальной группы) на недостаточные возможности, предоставляемые средой. <...> как способность оптимального выбора в ситуациях возникающего риска» [20, с. 58]. В своей работе, посвящённой саморегуляции жизнедеятельности молодёжи, В. И. Чупров описывает механизм, лежащий в основе саморегуляции, в котором показывает переход от архетипов и габитусов к смысложизненным ценностям, влияющим непосредственно на саморегуляцию, и, как следствие, определяющим модели поведения и жизненный выбор молодёжи [21]. Эти идеи подтверждены в исследованиях авторского коллектива и представлены в целом ряде публикаций [22; 23], в том числе и посвящённых жизненным стратегиям молодёжи [24]. Тем самым, для нас становится очевидным то, что экономический уровень семьи, формируя особую социокультурную ситуацию, создаёт специфические социализационные условия, непосредственно влияющие на образцы саморегуляции, результатом которого становятся социальные стратегии молодёжи. И самооценка своего материального положения молодыми людьми играет далеко не последнюю роль. Она является отражением социального благополучия и социальных притязаний молодёжи.

В статье проанализированы результаты социологического мониторинга «Социальные стратегии молодёжи» за 2022 год, проведённого в Белгородской области. Результаты прошлых волн представлены в статьях авторского коллектива [25; 26; 27; 28; 29]. В 2022 году в исследовании приняли участие 6995 представителей региональной молодёжи, распределённой по группам учащейся, студенческой и работающей молодёжи. Исследование позволило определить социальные установки по 12 социальным стратегиям, в статье представлены установки молодёжи с разным уровнем материальной обеспеченности (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего (низкий уровень не зафиксирован в статистически значимом значении)) по 9 основным стратегиям, наиболее ярко показывающим результаты стратификации в молодёжной среде, и важным в том числе и для обоснования государственной молодёжной политики.

Экономические стратегии. Изначально в исследовании была заложена типология экономического поведения, которая позволила установить среди молодёжи представленность вариантов отношения к экономическим ресурсам: накопительная (депозитная) модель поведения, гедонистическая модель поведения, предпринимательская модель поведения и аскетическая модель экономического поведения и восприятия экономических ресурсов.

Разный *уровень материального положения* (УМП) молодёжи трансформирует структуру отношения к экономическому ресурсу следующим образом (Рисунок 1). Низкий экономический уровень материального положения (для простоты изложения в дальнейшем используется именно эта формулировка, которой мы будем обозначать группу с доходом ниже среднего) обуславливает выбор накопительной экономической стратегии и одновременно второй по выбору становится альтруистическая стратегия – здесь она представлена больше, чем в других экономических группах. Дефицит финансов создаёт установку на их накопление, создание «подушки безопасности» или, как ценностная альтернатива – «деньги не главное».

Средний уровень материального положения даёт равенство трех ведущих стратегий, а уровни «выше среднего» и «высокий» выводят в приоритет стратегию предпринимательства, хотя и гедонизм не чужд этим группам. Такие акценты объяснимы большей финансовой свободой, возможностью потребительского выбора, а также преимуществом экономических стратегий.

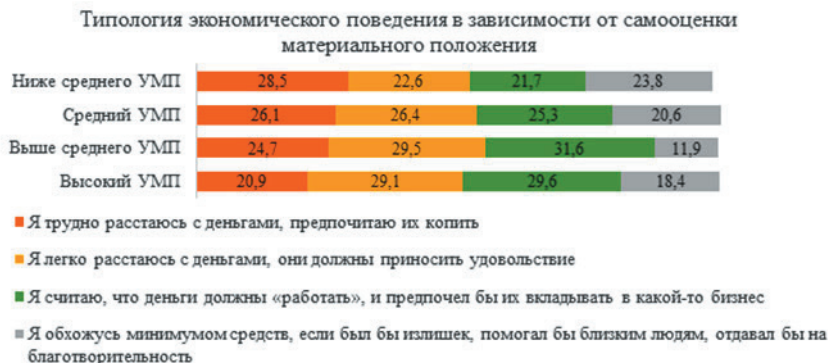

Рисунок 1. Связь самооценки материального положения с экономическими стратегиями

Таким образом, экономическая стратификация среди молодёжи создаёт определённые предпосылки для формирования приоритетных установок и горизонта возможностей.

Политические стратегии. По политическому поведению молодёжь распределилась от индифферентной позиции до активного политического выбора и деятельности. Четыре типа политического поведения могут быть условно обозначены, как индифферентный, вовлечённый, погруженный и пассивный (слабо интересующийся политикой).

Молодые люди с низким и высоким уровнями материального положения чаще других продуцируют индифферентный и погруженный в политику тип (Рисунок 2). В группе с низким уровнем больше чем во всех остальных группах политически активной молодёжи; менее всего она представлена в группе со средним уровнем материального благополучия. Это ситуация объяснима с точки зрения возможностей социальной мобильности, которую может создать политическая активность, и, если для группы с низким уровнем материального положения такой способ является реальной возможностью социального продвижения, то для тех, кто не страдает от дефицита финансового ресурса и сильной мотивации «вырваться» в иной социальный слой нет, такой способ часто становится либо неприемлемым, либо ресурсно-затратным (с позиции личностных и временных ресурсов).

Пики по политической продвинутости среди экономически благополучной молодёжи, показывают, что политические стратегии входят в спектр возможного развития, как и предпринимательство в экономических стратегиях. Политически же пассивный тип скорее характерен для групп среднего уровня дохода, чем крайних по уровню материального положения групп.

Рисунок 2. Связь самооценки материального положения с политическими стратегиями молодёжи

Общественные стратегии. По типам общественных стратегий молодёжь разделилась на пять типологических групп: эгоцентристы, событийные активисты, общественники, члены общественных объединений и общественные лидеры. По сути, общественная активность двух первых групп весьма ограничена и очерчивается кругом необходимых мероприятий.

Стоит отметить, что представители групп с низким и высоким уровнями материального положения чаще других продуцируют эгоцентричный тип и реже

показывают событийную активность (Рисунок 3). Чаще всего тип событийной активности встречается у молодёжи среднего уровня благосостояния. Добровольческий потенциал в группе с низким и средним уровнями практически одинаков (составляет порядка 10%), в группе с материальным положением выше среднего – 15,0%, в группе с высоким – 16,0%. Таким образом, наиболее общественно активными становятся молодёжь в «беспроблемных» с точки зрения материального положения групп. Возможно, общественная активность – это «модный» досуг или атрибут принадлежности к определённым социальным группам. Если такая тенденция сохранится, общественная деятельность перейдёт в разряд характеристик успешных экономических групп (или просто, успешных групп молодёжи), возможно станет элитарной и будет показывать новые направления социального разрыва и стратификации, формирования специфической субкультуры.

Рисунок 3. Связь самооценки материального положения с общественными стратегиями молодёжи

Миграционные стратегии. В рамках изучения миграционных стратегий выделены такие типы: мобильный (мигрирующий в силу молодого возраста), оседлый, эмигрирующий и урбанистический (меняющий сельские поселения на города).

Среди разных экономических групп оседлый и урбанистический тип чаще встречается среди молодёжи с высоким уровнем материального положения, что обусловлено хорошей финансовой ситуацией и возможностью её преемственности (переход капитала между поколениями).

Мобильный тип, который ориентирован на смену места жительства, по причине «возрастной мобильности» («мы уезжаем, потому что мы молоды» – примерно такой ответ дают на фокус-группах типичные представители этого типа) характерен для группы среднего и выше среднего уровней благосостояния, и группа с уровнем выше среднего здесь превалирует. Такой выбор понятен: для территориальной мобильности необходимы финансовые ресурсы, а для формирования соответствующей установки нужна свобода выбора.

Эмиграционный тип более других предпочтителен для молодёжи с низким материальным положением, и данное обстоятельство может обозначать реализацию социальной мобильности посредством внешней миграции (Рисунок 4). При отсутствии финансового «тыла» такой выбор является скорее мечтой, формируя предпосылки последующей маргинализации данной группы молодёжи.

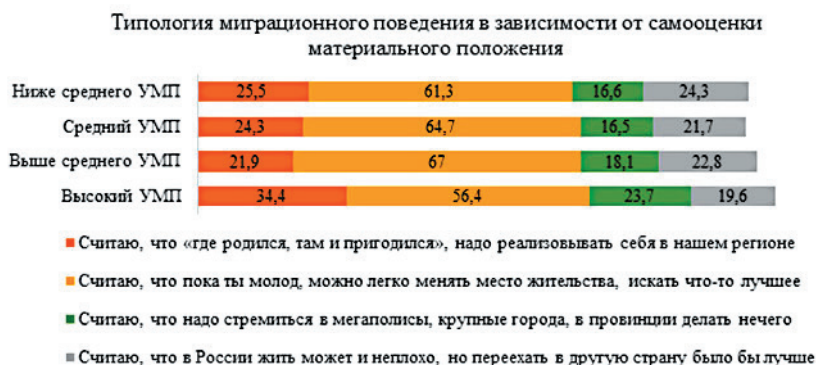

Рисунок 4. Связь самооценки материального положения с миграционными стратегиями молодёжи

Карьерные стратегии. Типология карьерных стратегий разделяет всю исследуемую молодёжь на четыре основных группы: карьерные «пацифисты», карьерные пессимисты, карьерные рационалисты и карьерные активисты.

Среди разных экономических групп тип карьерного активиста чаще встречается среди молодёжи с уровнем материального положения выше среднего, рационалист – в среднем по уровню слое (обе экономические группы). А вот карьерный пессимист преимущественно включает молодёжь с низким уровнем достатка. Карьерный пацифист чаще всего характерен для молодёжи с высоким уровнем, но в значительной степени представлен и среди молодёжи с низким материальным положением. Для всех групп приоритетным типом становится тип карьерного активиста (Рисунок 5). В целом карьерная ориентация молодёжи с низким материальным положением составляет 54,8%, со средними – 66,7%, выше среднего – 72,8%, с высоким – 57,3%. Таким образом, группы со средними доходами и такой же самооценкой (обе группы) составляют основную часть потенциального карьерного резерва региона. Парадоксальная близость позиций двух крайних групп стратификационной пирами-

Рисунок 5. Связь самооценки материального положения с карьерными стратегиями молодёжи

ды определяется полюсными условиями социализации – группы молодёжи с низким уровнем жизни проходят опыт социального окружения, когда карьера либо не приносит дохода, либо продвинуться попросту невозможно; группы с высоким уровнем, по сути, приходят к тому же выводу, наблюдая, что карьера не играет решающей роли в обеспечении финансового благополучия, а зачастую мешает реализации предпринимательских стратегий (а часто и вовсе не совместима с ними).

Духовно-нравственные стратегии. Духовно-нравственные установки в социальных стратегиях представлены следующими типами: тип ситуативной духовности, тип высокой духовности, конформный тип, циничный тип.

Среди разных экономических групп тип ситуативной духовности чаще встречается среди молодёжи, оценившей уровень своего материального положения как «средний» и «выше среднего». А высоко духовный тип чаще всего формируется в группе молодёжи, определившей уровень своего положения как «высокий», но и циничный тип также представлен в рамках этой группы (Рисунок 6). Полярность позиций объясняется и ориентацией в других стратегиях, например, общественной и волонтерской активностью данного типа в общественных стратегиях.

Рисунок 6. Связь самооценки материального положения с духовно–нравственными стратегиями молодёжи

Образовательные стратегии. По отношению к образованию молодёжь демонстрирует несколько диспозиций, которые определяют установки и будущий выбор образовательных стратегий. Так, для большинства опрошенных близкими стали утверждения о том, что человек должен учиться всю жизнь и заниматься самообразованием. Несколько менее популярен ответ «человек должен периодически проходить повышение квалификации по своей профессии». В меньшинстве остались те, кто считает, что полученных в образовательной организации знаний достаточно и те, кто считает итоговым школьный уровень знаний.

Среди разных экономических групп тип с ориентацией на повышение квалификации чаще встречается среди молодёжи, материальное положение которой, соотнесено с уровнями «средний» и «выше среднего». А необходимость учиться всю жизнь как установка, чаще представлена в группах молодёжи с высоким и

низким уровнями материального положения (Рисунок 7). Парадоксальная схожесть взглядов в этих группах указывает на сформированность аналогичного социализационного результата: образование, знание, компетенции стоят вложений и приносят результат. В случае группы с высоким экономическим уровнем, возможно, сказывается поколенческий пример, в случае второй группы – дефицит или пример неправильного использования, отсутствие компетенций монетизации культурного капитала.

Рисунок 7. Связь самооценки материального положения с образовательными стратегиями молодежи

Самосохранительные стратегии. По отношению к своему здоровью молодые люди распределились на четыре основных группы по типу самосохранительных стратегий: сознательный, осознающий, перспективный, не сознательный.

Среди разных экономических групп сознательный тип, уже сейчас ориентированный на сохранение своего здоровья, в наибольшей степени представлен в группе с высоким уровнем материального положения, более того, только в этой группе данный тип является преобладающим по отношению к остальным (Рисунок 8). Это весомый социализационный результат и стратификационная характеристика, показывающая отношение к здоровью в семьях с высоким достатком, как к важнейшему ресурсу, способствующему достижению всех жизненных целей, залогом или условию реализации всех остальных жизненных стратегий. Данный тип менее всего представлен в группе со средним доходом. А осознающий тип для обеих групп со средним уровнем является приоритетным. Стремление к здоровому образу жизни признается важной ценностью в этих группах. Отложенное самосохранение (перспективный самосохранительный тип) и невнимание к своему здоровью чаще встречается в группах молодежи с низким экономическим уровнем. Данная позиция объяснима как с точки зрения ценностной приоритетности (есть более насущные потребности и задачи, более актуальные ценности, востребованные стратегии, определяющие социальную мобильность), так и с ресурсной позиции – здоровый образ жизни требует финансовых вложений, материального, временного и организационного ресурса, которыми данная группа может попросту не обладать.

Рисунок 8. Связь самооценки материального положения с самосохранительными стратегиями молодёжи

Самореализационные стратегии. Среди типов стратегий самореализации были выделены: самореализационно-ориентированный тип, самореализационно-дезориентированный, самореализационно-отстраненный и самореализационно-уничижительный.

Среди разных экономических групп тип с ориентацией на самореализацию чаще встречается у молодёжи с высоким уровнем материального положения и реже всего – с низким. Все остальные типы имеют практически обратную динамику показателей (Рисунок 9). Таким образом, группа молодёжи, имеющая, по самооценкам, невысокие экономические возможности, чаще демонстрирует модели поведения, характерные для типов, требующих помощи и участия органов молодёжной политики – именно среди представителей этой группы чаще встречаются те, кто не могут определиться с направлением своей самореализации (самореализационно-дезориентированный тип) или считают, что не имеют потенциала для самореализации (самореализационно-уничижительный тип). Это обусловлено меньшими возможностями, ресурсным дефицитом и, возможно, теми установками, которые сформировались в процессе социализации.

Рисунок 9. Связь самооценки материального положения с самореализационными стратегиями молодёжи

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в составе молодежи региона устойчиво просматривается превалирование определённых позиций, что особенно характерно для групп с низкими оценками материального положения. Как правило, эта группа молодежи обладает более жёстким восприятием мира, миграционной готовностью, образует большие группы риска по ряду стратегий. В диспозициях групп с высоким материальным положением просматривается лояльность, свобода выбора. Но одновременно исследование фиксирует парадокс: часто две крайние по самооценкам группы совпадают по характеру своих стратегий. Схожий результат, к которому приводят разные средовые условия – тот самый социальный парадокс, когда полярные ситуации формирует похожие стремления и ценности по большинству жизненных диспозиций. Это означает, что в их основе лежат не столько материальные условия и их восприятие, сколько социокультурные. Это может стать основой интеграции, как в положительном, так и в негативном аспектах. Наличие ресурсов в группе с повышенными возможностями может помочь реализовать негативные стратегии обеим группам (при условии попадания в одно социальное поле реализации стратегии) и, напротив, ресурсы этой группы могут помочь решить проблемы второй группы в ситуации объединения их в рамках одного социального поля.

Исследование показывает, что уровень экономического положения семьи закладывает фундамент жизненного планирования, влияет на его горизонт и установки по реализации жизненных планов, в том числе даёт основания и для неравенства в социальных стратегиях молодежи, которое не всегда диктует выбор более пассивной или негативной стратегии, но однозначно определяет стратегические предпочтения, ведущие к социальной мобильности молодежи.

Библиографический список

1. Кисленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83–94. DOI [10.31857/S013216250024385-6](https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6). EDN ODCAGO.
2. Шаповалова И. С., Заводян И. С. Поколение Z: ценности, диспозиции и социализационные результаты // Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. С. 25–45. EDN AXSGPC.
3. Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4(117). С. 902–932. DOI [10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932](https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932). EDN SJMMSI.
4. Беляева Л. А. Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 220–237. DOI [10.15838/esc.2020.4.70.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.13). EDN FPBVAO.
5. Дидковская Я. В., Вишневицкий Ю. Р., Трынов Д. В. Студенчество индустриальных регионов России: социальное самочувствие и образ будущего (на примере Свердловской области и Пермского края) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 8–24. DOI [10.15593/2224-9354/2020.1.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.1.1). EDN KTQZVK.
6. Зайцев Д. В., Суркова И. Ю., Селиванова Ю. В. Социально-экономическое благополучие и социальная напряженность в Приволжском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 3. С. 494–502. DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-3-494-502](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-494-502). EDN YPDDJR.
7. Обухов К. Н., Колесников Д. О. Социально-экономическое положение молодежи на территории Удмуртской республики (по материалам ежегодного мониторинга «Молодежь Удмуртии») // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 2. С. 131–138. EDN ZLAWJB.

8. Дробышева Т. В., Сарычев С. В., Мурзина Ю. С. [и др.]. Экономическая социализация учащейся молодежи с разным уровнем экономической мобильности: факторы и механизмы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, № 4. С. 341–347. DOI [10.18500/2304-9790-2019-8-4-341-347](https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-341-347). EDN [AMKGC0](https://www.edn.ru/AMKGC0).
9. Азарёнок Н. В. Особенности экономической социализации современной молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11, № 5. С. 6–11. EDN [YJGNGB](https://www.edn.ru/YJGNGB).
10. Дробышева Т. В. Предикторы потребительских предпочтений молодежи – жителей мегаполиса (на примере предпочтений смартфонов) // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С. 161–168. DOI [10.33910/herzenpsyconf-2020-3-72](https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-72). EDN [RDSIRY](https://www.edn.ru/RDSIRY).
11. Забелина Е. В., Честюнина Ю. В., Трушина И. А. [и др.]. Специфика структуры экономических установок молодежи в поликультурном обществе // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2019. № 4. С. 204–213. EDN [LIVXNF](https://www.edn.ru/LIVXNF).
12. Смирнова Н. П., Сафонова М. А., Шабашова Е. В. Связь экономико-психологических характеристик личности и морального выбора // Пензенский психологический вестник. 2018. № 2(11). С. 54–70. DOI [10.17689/psy-2018.2.5](https://doi.org/10.17689/psy-2018.2.5). EDN [YPZSDR](https://www.edn.ru/YPZSDR).
13. Азарёнок Н. В. Монетарные стратегии экономического поведения молодежи с различным социально-демографическим уровнем // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12, № 5. С. 6–10. EDN [YVXAXM](https://www.edn.ru/YVXAXM).
14. Чупров В. И., Быкова С. Н. Молодежь России на пороге рынка: между бедностью и нищетой // Социологические исследования. 1991. № 9. С. 62–68. EDN [ZXEDZH](https://www.edn.ru/ZXEDZH).
15. Чупров В. И., Zubok Ю. А., Певцова Е. А. Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии. М. : Русское слово, 2009. 237 с. EDN [ULCWVD](https://www.edn.ru/ULCWVD).
16. Zubok Ю. А., Чупров В. И., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М. : Норма, 2015. 230 с. ISBN 5-02-006294-4. EDN [YFLEAP](https://www.edn.ru/YFLEAP).
17. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 41–57. DOI [10.15838/esc.2017.1.49.3](https://doi.org/10.15838/esc.2017.1.49.3). EDN [YGKGXZ](https://www.edn.ru/YGKGXZ).
18. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12–48. EDN [ZFBDYV](https://www.edn.ru/ZFBDYV).
19. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 164–186. DOI [10.19181/vis.2019.31.4.614](https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614). EDN [SBTVHF](https://www.edn.ru/SBTVHF).
20. Чупров В. И. Социальная регуляция нелинейных процессов в условиях неопределенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 3. С. 53–65. EDN [JKGMAR](https://www.edn.ru/JKGMAR).
21. Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 4. С. 13–25. DOI [10.23683/2227-8656.2018.4.1](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.1). EDN [XYBOLZ](https://www.edn.ru/XYBOLZ).
22. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 3–13. DOI [10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1). EDN [YLIANZ](https://www.edn.ru/YLIANZ).
23. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 13–41. DOI [10.14515/monitoring2020.3.1602](https://doi.org/10.14515/monitoring2020.3.1602). EDN [GTXODD](https://www.edn.ru/GTXODD).
24. Zubok Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С. [и др.]. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 3. С. 79–98. DOI [10.19181/vis.2021.12.3.738](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738). EDN [YXTHRJ](https://www.edn.ru/YXTHRJ).
25. Шаповалова И. С. Досуговые стратегии молодежи: факторы досугового выбора и культурная карта досуга // Научные результаты социологии – 2022. Сб. статей. по матер. II Междунар. науч. онлайн-форума / Отв. ред. И. С. Шаповалова. Белгород : НИУ «БелГУ», 2023. С. 196–204. EDN [HIMMGL](https://www.edn.ru/HIMMGL).
26. Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 2(107). С. 345–362. DOI [10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362](https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362). EDN [VWPPZY](https://www.edn.ru/VWPPZY).

27. Шаповалова И. С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 39–45. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45). EDN [RHTLHO](https://www.edn.ru/entry/18189601-2022-22-1-39-45).
28. Шаповалова И. С. Карьерные стратегии провинциальной молодежи // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3(140). С. 173–182. DOI [10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182). EDN [DYRHQM](https://www.edn.ru/entry/20713665-2021-20-3-173-182).
29. Шаповалова И. С. Самоохранительное поведение молодежи: и жили они долго и счастливо? // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : Матер. Всерос. науч.-практич. конф. / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, М. В. Певной. Екатеринбург : УрФУ, 2020. С. 181–188. EDN [RHPJLU](https://www.edn.ru/entry/18189601-2022-22-1-39-45).

Поступила: 17.08.2023. Принята: 15.09.2023.

Сведения об авторе:

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета. Белгород, Россия. shapovalova@bsu.edu.ru
Author ID РИНЦ: [477716](https://elibrary.ru/author_index.action?id=477716)

I. S. Shapovalova¹

¹ Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

SELF-ASSESSMENT OF FINANCIAL STATUS AND SOCIAL STRATEGIES OF YOUTH

Abstract. As part of the study of youth social strategies, an important aspect is to determine those socialization factors that influence the choice of such strategies and their subsequent implementation. One of these factors is the economic situation of the family of young people – this factor creates different conditions for socialization, creating prerequisites for the formation of certain strategic dispositions, direction and horizon of life planning. The purpose of the article is to study the relationship between economic status and strategic dispositions in various areas of youth life planning and to prove the formation of certain attitudes for choosing social strategies in accordance with the economic conditions of socialization. The article presents the results of the sociological monitoring of 2022 “Social Strategies of Youth”, conducted in the Belgorod region, the key social strategies are analyzed from the perspective of the dispositional typology of young people with different economic status (high, above average, average, below average). The results of the study show a real connection between the economic conditions of socialization and attitudes in determining social strategies. A social paradox of the closeness of the strategic attitudes of polar groups with low and high economic status has been revealed.

Keywords: the youth; economic status; social strategies; social dispositions; stratification

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic «Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space».

For citation: Shapovalova I. S. Self-assessment of financial status and social strategies of youth. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):150–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9>

References

1. Kisilenko A. V., Shapovalova I. S. Designing the Course of Life or How Do Youth See Their Future? *Sociological Studies*. 2023;(2):83–94. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250024385-6](https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6).

2. Shapovalova I. S., Zavodyan I. S. Generation Z: values, dispositions and socialization results. In: *Generation Z: variety of identities, orientations, behavior*. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet; 2021. P. 25–45. (In Russ.).
3. Shapovalova I. S. Problems of implementation of the state youth policy in the reflection of regional youth. *Russian journal of regional studies*. 2021;29(4):902–932. (In Russ.). DOI [10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932](https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932).
4. Belyaeva L. A. Generation Y in Russia: social stratification, position in the labor market and problems of political socialization. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020;13(4): 220–237. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2020.4.70.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.13).
5. Didkovskaya Ya. V., Vishnevsky Yu. R., Trynov D. V. Students of industrial regions of Russia: social well-being and image of the future (The case of the Sverdlovsk region and the Perm krai). *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2020;(1):8–24. (In Russ.). DOI [10.15593/2224-9354/2020.1.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.1.1).
6. Zaitsev D. V., Surkova I. Yu., Selivanova Yu. V. Socio-economic well-being and social tension in the Volga region. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;19(3):494–502. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-3-494-502](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-494-502).
7. Obukhov K. N., Kolesnikov D. O. Socio-economic status of young people in the territory of the Udmurt Republic (based on annual monitoring materials “Youth of Udmurtia”). *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2019;3(2):131–138. (In Russ.).
8. Drobysheva T. V., Sarychev S. V., Murzina Yu. S. [et al.]. Economic socialization of students with different levels of economic mobility: factors and mechanisms. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2019;8(4):341–347. (In Russ.). DOI [10.18500/2304-9790-2019-8-4-341-347](https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-341-347).
9. Azaryonok N. V. Features of economic socialization of modern young people. *Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences*. 2017;11(5):6–11. (In Russ.).
10. Drobysheva T. V. Consumer preferences of young people in a metropolis: a case study of their smartphone preferences. *Herzen University Studies: Psychology in Education*. 2020;(3):161–168. (In Russ.). DOI [10.33910/herzenpsyconf-2020-3-72](https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-72).
11. Zabelina E. V., Chestyunina Yu. V., Trushina I. A. [et al.]. The specificity of the structure of economic attitudes of youth in a multicultural society. *Ekonomicheskaya psikhologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. 2019;(4):204–213. (In Russ.).
12. Smirnova N. P., Safonova M. A., Shabashova E. V. Interrelation of economic and psychological characteristics of the individual and moral choice. *Penzenskij psihologičeskij vestnik*. 2018;(2):54–70. (In Russ.). DOI [10.17689/psy-2018.2.5](https://doi.org/10.17689/psy-2018.2.5).
13. Azaryonok N. V. Monetary strategies of economic behaviour of the youth with different socio-demographic status. *Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences*. 2018;12(5):6–10. (In Russ.).
14. Chuprov V. I., Bykova S. N. Russia’s youth on the threshold of the market: between poverty and destitution. *Sociological Studies*. 1991;(9):62–68. (In Russ.).
15. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Pevtsova E. A. Youth and crisis: dialectics of uncertainty and certainty in social development. Moscow: Russkoe slovo; 2009. 237 p. (In Russ.).
16. Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Williams C. Youth in risk society. Moscow: Norma; 2015. 230 p. (In Russ.). ISBN 5-02-006294-4.
17. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Changing social reality amid crisis in the Russian society. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2017;10(1):41–57. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2017.1.49.3](https://doi.org/10.15838/esc.2017.1.49.3).
18. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Modern sociology of youth: changing reality and new theoretical approaches. *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2017;(15):12–48. (In Russ.).
19. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(4):164–186. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.31.4.614](https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614).
20. Chuprov V. I. Social regulation of non-linear processes under conditions of uncertainty. *RUDN Journal of Sociology*. 2008;(3):53–65. (In Russ.).
21. Chuprov V. I. Self-regulation of the youth life in cultural space: the concept of socio-cultural mechanism. *Humanities of the South of Russia*. 2018;7(4):13–25. (In Russ.). DOI [10.23683/2227-8656.2018.4.1](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.1).
22. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Life values in the cultural space of the Russian youth. *Research result. Sociology and Management*. 2018;4(3):3–13. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1).

23. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth life strategies: implementation of expectations and social moods. *The monitoring of public opinion: economic and social changes journal*. 2020;(3):13–41. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1602](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602).
24. Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Lyubutov A. S. [et al.]. Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021;12(3):79–98. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2021.12.3.738](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738).
25. Shapovalova I. S. Leisure strategies of youth: factors of leisure choice and cultural map of leisure. In: Shapovalova I. S., ed. Scientific results of sociology – 2022. Coll. of art. based on mater. II International Scientific Online Forum. Belgorod: NIU «BelGU»; 2023. P. 196–204. (In Russ.).
26. Shapovalova I. S., Valieva I. N. Protest potential of regional students in Russia: social prerequisites. *Integration of Education*. 2022;26(2):345–362. (In Russ.). DOI [10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362](https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362).
27. Shapovalova I. S. Political strategies of youth: will our politics be young? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(1):39–45. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45).
28. Shapovalova I. S. Provincial youth career strategies. *Social'naya politika i sociologiya*. 2021;20(3):173–182. (In Russ.). DOI [10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182).
29. Shapovalova I. S. Health-saving behavior of young people: and they lived happily ever after? In: Vishnevskii Yu. R., Pevnaya M. V., eds. XXII Ural Sociological Readings. National projects and socio-economic development of the Ural region. Mater. of All-Russian sci.-pract. conf. Ekaterinburg: UrFU; 2020. P. 181–188. (In Russ.).

Received: 17.08.2023. Accepted: 15.09.2023.

Information about the author:

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University. Belgorod, Russia.
shapovalova@bsu.edu.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.10)
EDN [LKKNQB](https://edn.lkknqb.ru)
УДК 316.7

Е. А. Кублицкая¹

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

МИГРАЦИОННЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ И НЕРЕЛИГИОЗНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Миграционные процессы в условиях расширения мирохозяйственных связей неизбежно затрагивают основные сферы жизнедеятельности всего мирового сообщества. Эмиграция наиболее активной части коренного населения России, преимущественно образованного и высокопрофессионального, является острой проблемой, так как неизбежно ведёт к рискам национальной и геополитической безопасности государства.

Возрастающий неконтролируемый миграционный процесс, направленный на отток мобильного коренного населения в условиях новой российской социальной реальности, актуализирует исследование мотивов эмигрантских настроений, социально-экономических, социально-политических ориентаций, социокультурных позиций, этноконфессиональных традиций и обычаев, духовно-нравственных ценностей молодёжи и, в первую очередь, высокообразованной части молодого поколения: студенчества.

В статье анализируются материалы социологического исследования, проведённого Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2022 году среди студенческой молодёжи в трех субъектах РФ: Москве, Республике Тыва и Белгородской области. Фокус исследования направлен на выявление возможного воздействия религиозного и нерелигиозного мировоззрений на эмигрантские ориентации молодой части российского населения. Поставленная цель решалась при помощи социологических методов построения мировоззренческих групп («религиозные»/«нерелигиозные») и типологических групп («оседлые»/прожективные «эмигранты»). Социологический поиск строился на сравнительном анализе оценок и позиций представителей этих групп по отношению к религиозным, национальным, социально-экономическим и социально-политическим проблемам. Результаты социологического исследования показывают, что религиозные представления и напрямую связанные с ними традиции и духовно-нравственные ценности играют достаточно значимую роль в патриотической и гражданской позициях студенческой молодёжи в отношении российского общества и государства.

Ключевые слова: миграционные процессы; трудовая и образовательная эмиграция; социально-политические процессы; студенчество; эмигранты; религиозная и нерелигиозная молодёжь; ценности

Для цитирования: Кублицкая Е. А. Миграционные и социально-политические ориентации религиозной и нерелигиозной студенческой молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 164–184. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.10). EDN [LKKNQB](https://edn.lkknqb.ru)

Введение. Миграционные процессы в условиях расширения мирохозяйственных связей неизбежно затрагивают основные сферы жизнедеятельности всего мирового сообщества: социально-демографические, социально-экономические, социально-политические, этноконфессиональные и духовно-нравственные. В условиях новой российской социальной реальности следует, в первую очередь, отметить возрастающий неконтролируемый миграционный процесс, направленный на отток мобильного коренного населения.

© Кублицкая Е. А., 2023.

Эмиграция наиболее активной части российских граждан, преимущественно образованных и высокопрофессиональных, является острой проблемой, так как неизбежно ведёт к сокращению трудоспособного населения страны. А потеря значительной части молодого поколения в активном репродуктивном возрасте продолжит усугублять демографический кризис в Российской Федерации. Среди социологов и демографов распространена точка зрения, что «эмиграция молодёжи на постоянное место жительства – явление негативное, подрывающее демографическую и социально-экономическую безопасность страны» [1, с. 59–72]. Достаточно сложно, но необходимо в современной ситуации выстроить миграционную и национальную политику российского государства, которая сможет избежать риска новых национальных и геополитических конфликтов. Для этого требуется объективная оценка причин и тенденций постоянных изменений миграционного поля, его значимых характеристик, разработка рекомендаций, от которых зависит адекватность принимаемых управленческих решений.

За последние тридцать лет опубликовано значительное число научных материалов, посвящённых миграционным процессам и в России, и за рубежом. Проблемы активизации эмиграционных процессов в нашей стране получили освещение в ряде работ известных российских демографов и социологов. Тематика публикаций, посвящённых эмиграции достаточно разнообразна:

- новые формы временной эмиграции из России, определение понятия «временная миграция», статистические оценки численности потоков временной трудовой эмиграции [2, с. 81–93];
- тенденции эмиграции из России в страны дальнего зарубежья в конце XX–начале XXI в., а также закономерности, факторы и масштаб потоков эмиграции на протяжении 30 лет [3, с. 44–53];
- эволюция процессов эмиграции из России на рубеже XX–XXI вв., выделение пяти эмиграционных волн, отличающихся основными категориями выезжающих, а также миграционными каналами выезда [4, с. 100–111];
- радикальное изменение структуры миграционных процессов в России, трансформация значительной части внутренних миграций в международные. Массовый характер реэмиграции русских и иммиграция лиц других национальностей в Россию из стран нового зарубежья, рост международных эмиграций из России в государства старого зарубежья [5, с. 40–50];
- новые закономерности, определяющие эмиграцию из страны, отдельные аспекты правового регулирования миграционных процессов, обоснование необходимости государственного управления процессами эмиграции [6, с. 499–509];
- анализ эмиграционных потоков из России в США и Канаду, ставших с конца XIX в. стабильно высокими и обязанными своим существованием иммиграции, как в части экономического, так и геополитического положения в современном мире [7, с. 83–96];
- эмиграция из России как фактор формирования и расширения русскоязычных сообществ в различных странах мира: США, Таиланд, Австралия, страны Европы; новый социальный феномен – «русскоязычная» экономика, который в сочетании с другими факторами становится стимулом для миграции из России в принимающие страны [8, с. 122–136];
- масштабы, динамика и специфические особенности эмиграции россиян в постсоветский период; выделение нескольких волн эмиграции, которые значимо различаются по своим качественным и количественным характеристикам; изменение социально-демографического портрета эмигранта, включая его омоложение; расширение направлений и каналов эмиграции, особенно из приграничных регионов РФ [9, с. 1298–1311];

- многообразные формы, значительные масштабы эмиграции из России в связи с вывозом капитала и утратой интеллектуального и делового ресурса [1, с. 59–72];
- тенденции, масштабы эмиграции российской молодёжи, каналы её выезда за границу в 1990–2017 гг. (выезд на постоянное место жительства, трудовая, образовательная эмиграция), перспективы возвращения на родину, косвенные меры государственной политики по удержанию молодёжи в экономике России. [10, с. 75–84].

В нашем исследовании на основании вышеизложенных публикаций **эмиграция** определяется как процесс переезда граждан из родной страны в другие страны на постоянное место жительства. Мотивы эмиграции самые разнообразные: экономические, социокультурные, политические, этноконфессиональные, семейные и пр.

Современная волна эмиграции российской молодёжи характеризуется новыми вызовами и кризисами. Её значительный рост обусловлен не только экономическими факторами (трудоустройством и образовательной эмиграцией), но и реакцией на изменение социально-политической ситуации в стране. События, связанные со специальной военной операцией (СВО), стали «выталкивающими» факторами миграции, которая достигла кризисного уровня девяностых годов XX столетия [11, с. 58–64]. Эмиграция приобрела более спонтанный, «аварийный», характер, без предварительных договорённостей о работе или учёбе в новых странах.

В социологическом ракурсе в условиях новой социальной реальности необходимо изучать не только многообразные формы международной миграции (трудоустройство, образовательная, религиозная, семейная, туристическая и т.п.), но и детально выявлять глубокие мотивы эмигрантских настроений, которые напрямую зависят как от социально-экономических и социально-политических ориентаций, так и от социокультурных установок, этноконфессиональных традиций, духовно-нравственных ценностей возможных эмигрантов. И, в первую очередь, это касается высокообразованной части молодого поколения: студенчества. В научной литературе пока недостаточно социологических исследований, в которых анализируется повседневный быт и социокультурная составляющая «прожективных» эмигрантов в молодёжной среде.

Цель социологического исследования студенчества — осветить социально-политические, социокультурные ориентации и *религиозные/нерелигиозные позиции* респондентов, планирующих эмиграцию.

В связи с этим следует уточнить, что мониторинговые социологические исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН проводились в основном в тех субъектах Российской Федерации, где исторически развивалась эпоха православного христианства. В настоящее время православные социальные институты продолжают играть значимую роль в духовно-нравственной, образовательной и просветительской сферах жизнедеятельности российского общества. Следует отметить, что зачастую форма сотрудничества касается пропагандистских и политических функций, которые берут на себя религиозные организации. К сожалению, это ведёт к клерикализации общественных отношений, что противоречит принципу отделения Церкви от государства, разграничения их властных полномочий и сфер компетенций по ст. 14 Конституции. Социологические опросы с 2000-х гг. фиксируют снижение доверия значительной части российских граждан к религиозным институтам. Уровень традиционной религиозности населения снижается и говорить о религиозном «буме» в России уже

не актуально. Религиозная социализация молодого поколения идёт в нескольких направлениях.

С одной стороны, в российском секулярном обществе религиозные ценности и традиции не прекращают быть нравственными ориентирами не только для значительной части населения среднего и пожилого возрастов, но и для молодёжи. С другой стороны, идёт закономерный процесс поиска новых ориентиров жизнеутверждающих целей в молодёжной среде, особенно среди студенчества. Эта мобильная социальная группа пытается понять перипетии этноконфессионального взаимодействия, взаимоотношений традиционных религий и общества, государства и религиозных социальных институтов и на этой основе сформировать свои мировоззренческие позиции.

Методология, методы и эмпирическая база. Эмпирической базой данной статьи являются результаты социологического исследования, проведённого Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2022 году в Москве, Республике Тыва² и Белгородской области. Они значительно различаются по социальным показателям: экономическим, социокультурным, этноконфессиональным. Социологический объект исследования — социальная группа студенческой молодёжи. Исследование проводилось с помощью онлайн-программы «Анкетолог» по репрезентативной квотной выборке со связанными территориальными и половозрастными параметрами. Статистическая обработка эмпирических результатов проведена в программе SPSS Statistics. Объем выборочной совокупности в Москве: N=310 ед.; в Тыве: N=551 ед.; в Белгородской области: 2001 ед. Система показателей и связанных с ними эмпирических индикаторов религиозных, национальных, миграционных и социально-политических представлений, взглядов и оценочных позиций в инструментарии была неизменной, что давало возможность в сравнительном анализе фиксировать полученные социальные ориентации студенческой молодёжи субъектов РФ с учётом этноконфессиональной специфики.

Одной из гипотез программы исследования предусматривалась проверка возможного воздействия религиозного и нерелигиозного мировоззрений на эмигрантские ориентации студенческой молодёжи. Для решения поставленной задачи был проведён сравнительный анализ социально-политических и ценностных ориентаций среди различных групп студенческой молодёжи. Социологический поиск вёлся на базе методологических и методических принципов, с помощью которых были выделены две различные по основаниям типологии. Первая типология построена по определённым индикаторам и показателям в отношении к религии и атеизма (мировоззренческие группы: «религиозные»/«нерелигиозные»). Вторая типология — по индикаторам и показателям, характеризующим различное отношение к прожективной эмиграции (типологические группы: «оседлые»/«региональные мигранты»/«эмигранты»).

Таким образом, исходя из поставленной цели, были определены следующие направления анализа:

- формирование типологических и мировоззренческих групп студентов по основаниям религиозность/нерелигиозность, наличие установок на эмиграцию/отсутствие установок на эмиграцию;
- определение тематических социальных ориентаций и ценностных установок типологических групп («оседлые»/«эмигранты») и мировоззренческих групп («религиозные»/«нерелигиозные»).

² Специфика социально-демографической структуры Республики Тыва заключается в том, что численность молодёжи в возрасте 14-35 лет составляет 31% от всего населения.

Исследовательские рамки отражают методологические и методические принципы анализа религиозных и секуляризационных процессов российскими учёными XX–XXI вв. [12–28]:

- «основной показатель дихотомии на религиозное и нерелигиозное население – наличие или отсутствие веры в существование Бога и другие сверхъестественные силы;
- при измерении *степени* религиозности с необходимостью сочетались индикаторы и показатели, определяющие как религиозное сознание, так и культовое поведение» [28];
- при измерении *уровня* религиозности или атеистичности использовались только показатели и связанные с ними индикаторы религиозного и атеистического сознания: религиозной и нерелигиозной самоидентификаций, веры и неверия в Бога, конфессиональной самоидентификации³.

В данной статье для достижения поставленной цели была построена **первая типология**, в которой измерялись *уровни религиозности и атеистичности*. Использовались мировоззренческие группы по отношению к религии и атеизму: верующие; колеблющиеся между верой и неверием; неверующие; атеисты. Эти группы в процессе дальнейшего социологического поиска были объединены в оппозиционной паре терминов «религиозный»–«нерелигиозный» (первая типология). Таким образом, получаемые на этой основе сущностные черты религиозных представлений студенческой молодёжи представляют собой основу для выводов о происходящих процессах воздействия религиозности на направленность национальных, социально-экономических, социально-политических, позиций и миграционных ориентаций.

Построение второй типологии, характеризующей различное отношение к возможной эмиграции, осуществлялось социологическими исследователями впервые и носит пилотажный характер. Для формирования трех групп: «оседлые»/«региональные мигранты»/«эмигранты» использовались типобразующие показатели: местожительство; коренной-некоренной житель региона; учёба по месту рождения или нет; планирование переезда на другое местожительство после окончания учёбы или отсутствие таких планов; места переезда после учёбы (регионы РФ или другие страны); мотивы переезда после окончания учёбы.

Так же, как и в первой типологии для выявления более выраженных позиций и оценок респондентов во второй типологии использовались крайние оппозиционные группы: «оседлые» и прожективные «эмигранты».

Приведём краткий обзор значимых для исследования социокультурных условий и характеристик миграционной обстановки в изучаемых регионах РФ. Москва – исторический культурно-образовательный и научный центр России. Столица остаётся хранительницей русских и православных традиций и одновременно интернациональным и поликонфессиональным мегаполисом. Выбор Москвы в качестве региона исследования обусловлен и тем, что именно столицы государств зачастую выступают эпицентром возникновения активности и трансформации социальных процессов в различных сферах: экономических, миграционных, политических, этноконфессиональных, культурных, духовно-нравственных. Развитая инфраструктура столичного мегаполиса и её возможности неизменно привлекают население регионов РФ и стран СНГ. Миграционный фон Москвы разнообразен и интенсивно развивается в противоположных направлениях среди мобильных граждан: миграция /возвратная миграция /эмиграция.

³ Принадлежность к определённой конфессии определялась с помощью индикатора по номинальной шкале, которая отражала конфессию, доминирующую в изучаемых регионах.

Белгородская область является традиционно русским регионом России. Важные особенности этой территории в настоящее время – географическое положение области, которая с запада и с юга имеет границы с Украиной, что способствует более активным миграционно-эмиграционным процессам в условиях современной политической ситуации. Региональная религиозная политика области в последнее десятилетие построена с опорой на православие. Религиозная направленность белгородцев тяготеет к моноконфессиональности. Доминирующая конфессия в регионе – традиционное православное христианство.

В Республике Тыва – основная конфессия буддизм. В Туве распространена особая форма буддизма – ламаизм, которая представляет собой совокупность догм ламаизма с видоизмененными шаманскими обрядами.

Социологи и демографы отмечают, что «... интенсивность миграции молодежи ... выше по сравнению с другими возрастными группами: на молодежь приходится 46% всех типов миграционных перемещений населения республики. Миграционный оборот молодого населения республики включает *потоки международной миграции, на которую приходится 39% учтённого оборота в 2020 г.*» [29, с. 70–83]. Внутророссийская миграция молодежи складывается из межрегиональной (23% миграционного оборота) и внутриреспубликанской миграции (38% миграционного оборота) [28]. Статистические данные указывают преимущественно на возвратный характер межрегиональной образовательной миграции.

Научные результаты. Процессы секуляризации молодежи в Москве и Белгородской области развиваются в следующей логике: уровень религиозности в молодежной среде снизился на 14%-15% [30, с. 29]. Так, «в 2020-2021 гг. в Москве религиозная молодежь составила 30%, нерелигиозная молодежь – 35%, а группа колеблющихся – 25%; в Белгородской области соотношение религиозных и нерелигиозных молодых людей – 50% и 22% соответственно, группа колеблющихся – 21%» [30, с. 29]. Вполне естественно, что студенческая молодежь более секуляризирована, что подтверждают эмпирические данные социологического исследования 2022 года, проведенного в указанных трех субъектах РФ. Уровень религиозности студенчества в Москве – 27%, в Туве – 48%, в Белгородской области – 41% (см. рис. 1).

Рисунок 1. Соотношение уровней религиозности и секуляризации среди студенческой молодежи Москвы, Тувы, Белгородской области, в % от числа опрошенных в мировоззренческих группах, 2022 г.

Источник: Здесь и далее графические материалы подготовлены Отделом этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Определяя уровень религиозности в миграционных группах, отметим значительно более высокую религиозность «оседлых» по сравнению с «эмигрантами» в регионах. Примерная разница в противоположных мировоззренческих группах составляет 20%-30% в пользу «неверующих» и «атеистов». Так, более 60% нерелигиозных студентов в группе прожективных «эмигрантов» в Москве и около половины из этой группы — в Белгородской области (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровни религиозности и секуляризации в студенческих группах «оседлые» / «эмигранты» в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в типологических группах), 2022 г.

Мировоззренческие группы		Студенческая молодёжь					
		Москва		Тува		Белгородская область	
		«Оседлые»	«Эмигранты»	«Оседлые»	«Эмигранты»	«Оседлые»	«Эмигранты»
Религиозная молодёжь	Верующие	28	16	59	41	54	17
«Неопределившиеся»	Коллеблющиеся между верой и неверием	29	11	24	38	21	25
Нерелигиозная молодёжь	Неверующие	11	32	2	6	7	12
	Атеисты	25	29	5	10	12	34
	Неверующие + атеисты	36	61	7	16	19	46

Эмпирические результаты по конфессиональной самоидентификации также выявляют логическую закономерность в этих типологических группах. Среди московских студентов, считающих себя православными, 64% «оседлых» и 42% «эмигрантов»; среди белгородских студентов, идентифицирующих себя с православными, 85% «оседлых» и 56% «эмигрантов»; среди тувинских студентов, относящих себя к буддистам, 78% «оседлых» и 69% «эмигрантов». То есть, по конфессиональному признаку в группах православных и буддистов значительно больше «оседлых», чем «эмигрантов».

Результаты исследований подтверждают, что религиозная и конфессиональная самоидентификации ни в одном из регионов не совпадают. Конфессиональная идентичность на порядки превышает религиозную идентичность. Конфессиональная составляющая достаточно давно представляется в общественном сознании не столько религиозной, сколько социокультурной и национальной доминантой.

Таким образом, эмпирические данные исследований 2020-2022 гг. свидетельствуют:

- «— продолжает увеличиваться доля нерелигиозной московской молодёжи: в 1,5 раза нерелигиозного студенчества больше религиозного;
- студенческая молодёжь мегаполиса более секуляризирована в сравнении со студентами Белгородской области и, тем более — со студенческой молодёжью Тувы» [30, с. 30];

- студенты всех регионов более секуляризированы по сравнению с молодежью в целом;
- типологическая группа «оседлые» в значительной степени более религиозна по сравнению с группой прожективных «эмигрантов» во всех изучаемых регионах.

Следующий этап социологического поиска: рассмотреть возможное воздействие религиозного и нерелигиозного мировоззрений на эмигрантские ориентации молодого поколения. Для решения поставленной задачи был проведён сравнительный анализ социально-экономических, социально-политических, религиозных и ценностных ориентаций типологических и мировоззренческих групп студенческой молодежи.

Были измерены следующие показатели, некоторые из них ранее описаны:

- «отношение к религиозной вере как ценности; отношение к религиям и религиозным организациям;
- отношение к деятельности различных конфессий; оценка национальной политики государства»;
- участие в конфликте для защиты прав своей национальной группы; отношение к национальностям» [30, с. 30];
- социально-политические позиции (беспокойство о неопределённости жизненных перспектив, произволе и бюрократизме чиновников);
- «оценка самоидентификации с гражданами России; «угрозы» международной напряжённости и военной спецоперации на Украине» [30, с. 30];
- отношение к социально-политическим процессам в России; мотивы эмиграции; отношение к общенациональной идее;
- предпочтения ценностей и идей «национального согласия».

В сводной таблице 2 представлены отдельные оценочные суждения и ориентации по вышеизложенным показателям, с которыми согласилось студенчество в Москве, Туве и Белгородской области (типологии I и II).

Таблица 2

Позиции мировоззренческих и типологических групп студенческой молодежи («религиозные»-«нерелигиозные» и «оседлые»-«эмигранты») по отношению к тезисам религиозно-национального, социально-политического и патриотического характера в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах, 2022 г.

Тезисы и утверждения	Студенческая молодёжь											
	Москва				Тува				Белгородская область			
	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»
№	Религиозные:											
1	Религиозная вера – очень важная ценность в жизнедеятельности общества											
2	РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти											
	26	1	14	5	–	–	–	–	32	8	27	12
	60	73	65	79	10	15	10	13	16	31	17	37

Тезисы и утверждения		Студенческая молодёжь											
		Москва				Тува				Белгородская область			
		Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»
3	Некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	43	37	45	40	15	15	9	13	13	16	14	18
4	Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	34	52	42	58	11	14	6	16	10	20	9	28
5	«Есть религии и религиозные организации, к которым я испытываю неприязнь»	17	28	22	29	4	7	6	9	5	17	7	20
6	«Меня беспокоит использование религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми разной веры»	32	25	26	37	9	15	7	19	5	15	6	22
Национальные:													
7	«Меня беспокоит проблема ухудшения отношений между людьми разных национальностей»	43	33	37	50	20	23	11	34	28	38	27	47
8	В нашем государстве идёт ущемление прав некоторых национальностей за счёт расширения прав других национальностей	42	58	49	58	25	25	16	22	27	32	27	35
9	«Мне приходилось сталкиваться с конфликтными, недружественными отношениями в трудовых коллективах между людьми разных национальностей»	28	28	26	37	15	12	13	16	12	16	9	22
Социально–экономические:													
10	Меня беспокоит неопределённость жизненных перспектив	49	61	52	71	22	32	21	28	32	53	30	59
11	«Меня беспокоит произвол и бюрократизм чиновников»	26	45	37	53	22	25	20	28	19	32	19	48
Социально–политические, патриотические:													
12	«Меня беспокоит проблема международной напряжённости»	45	63	49	82	16	23	15	25	31	43	32	55
13	«Меня беспокоит военная спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины»	47	60	44	74	35	43	31	41	33	44	32	58
14	«Я планирую переехать в другую страну по политическим причинам»	35	45	0	61	3	5	0	13	5	14	0	42

Окончание таблицы 2

Тезисы и утверждения	Студенческая молодёжь												
	Москва				Тува				Белгородская область				
	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	
15	«Я горжусь, что я гражданин России»	72	45	62	26	93	71	98	64	85	59	88	35
16	«Патриотизм (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	40	24	32	13	–	–	–	–	57	28	56	22
17	Удовольствия (жизнь полная развлечений, эмоций, приятного времяпровождения, насыщенность жизни) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	43	47	40	61	–	–	–	–	50	57	50	61
18	Свобода (независимость в поступках и действиях) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	60	70	68	84	–	–	–	–	57	68	60	73
19	Карьера (личный успех, общественное признание, уважение окружающих) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	42	44	38	61	–	–	–	–	56	52	53	60
20	Самостоятельность (независимость в суждениях, оценках) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	55	74	63	71	–	–	–	–	57	65	59	65
21	«Россия обречена на дальнейший распад»	15	26	17	41	8	6	10	13	3	11	4	24
22	«Со временем вокруг России начнётся процесс объединения народов»	44	21	44	13	53	39	58	54	55	30	62	20

1. В оценке деятельности Русской Православной Церкви и исламских организаций «нерелигиозные» студенты более критичны, чем «религиозные». Закономерно, что религиозная молодёжь в меньшей степени отмечает вмешательство РПЦ в функции государства. Тем не менее высокую степень клерикальной деятельности Церкви отмечают обе мировоззренческие группы студенчества Москвы: 73% «нерелигиозных» и 60% «религиозных» указали, что «РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т.п.)». Более трети религиозных и половина нерелигиозных студентов считают, что «некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни», и до 40% в этих группах считают, что «некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни».

Отметим, что положительная оценка клерикализации общественных отношений не находит поддержки у основной части студенчества Республики Тыва. Это объясняется, прежде всего, тем, что это регион традиционного распространения буддизма. Эмпирические данные по Белгородской области фиксируют определённый скептицизм нерелигиозного студенчества к действиям религиозных организаций. Возможно, это связано с ростом прозелитизма некоторых религиозных движений и политической ангажированности ряда духовных лиц. *Сравнительный анализ групп в обеих типологиях фиксирует значительное сходство оценок религиозных проблем пары «религиозные»/«оседлые» и «нерелигиозные»/«эмигранты» в конкретном регионе* (см. табл. 2, пп. 1–5). Приведём один пример. Отметим тезис, что «есть религии и религиозные организации, к которым я испытываю неприязнь» в Москве — 28% «нерелигиозных» и 29% «эмигрантов»; в Тыве — 7% и 9% соответственно; в Белгородской области — 17% и 20% соответственно. Следующая пара из двух типологий в Москве — 17% «религиозных» и 22% «оседлых»; в Тыве — 4% и 6% соответственно; в Белгородской области — 5% и 7% соответственно.

2. Актуальность изучения межличностного взаимодействия в межконфессиональной и межнациональной сферах не вызывает сомнений, особенно в столичном регионе. Москвичи в последние двадцать лет оценивают ухудшение всего спектра жизнедеятельности в городе (социально-бытовых условий, трудоустройства, сферы обслуживания, здравоохранения, транспорта и т.д.) из-за увеличения интенсивности и нелегальности миграции. Например, в Москве 36% религиозной студенческой молодёжи считает, что в Москве «налицо сильная межнациональная напряжённость, возможны конфликты». Если 58% нерелигиозной молодёжи столицы утверждают, что «в нашем государстве имеет место ущемление прав некоторых национальностей за счёт расширения прав других национальностей», то и среди религиозной молодёжи таковых немало — 42%. Среди студенческой молодёжи Тувы и Белгородской области более спокойная межнациональная обстановка, поэтому вполне закономерно определяется невысокий уровень национальной интолерантности к «другим» национальностям и религиозному инакомыслию в целом.

Продолжает прослеживаться тенденция совпадения позиций и оценок межнациональных отношений в каждом регионе **пар «религиозных» и «оседлых» и пар «нерелигиозных» и прожективных «эмигрантов»**. Особенно это выражено в утверждениях пп. 8–9, табл. 2. При более детальном рассмотрении выделяется группа «эмигрантов», которая даже в паре с «нерелигиозными» студентами более критична в оценках и религиозных, и национальных российских проблем.

3. В социально-экономической сфере были выделены несколько показателей для уточнения мотивации возможного временного или постоянного переезда российских студентов за рубеж. По результатам сравнения мировоззренческих и типологических групп молодёжи по показателю «неопределённости жизненных перспектив» установлено, что самые высокие эмпирические данные по «беспокойству» о своём трудоустройстве в группах «нерелигиозных» и «эмигрантов» Москвы (61 и 71% соответственно) и Белгородской области (53 и 59% соответственно). Студенты Республики Тыва по всем экономическим показателям «беспокойства» в процентном отношении находятся в пределах 20%-30% (см. табл. 2, пп. 10–11). Произвол и бюрократизм чиновников волнует студентов всех трех субъектов РФ. Однако тенденция сохраняется: среди групп «нерелигиозных» и «эмигрантов» значительно больше недовольных деятельностью государственных служащих. Среди «эмигрантов» Москвы таковых 53%, в

Белгородской области — 48%, в Туве — 28% (см. табл. 2, п. 11). Следует обратить внимание на важный экономический показатель беспокойства тувинской молодёжи: 50% прожективных «эмигрантов» указывают на рост преступности в республике.

Рисунок 2. Отношение групп студентов («оседлые» и «эмигранты») к деятельности чиновников (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в типологических группах, 2022 г.

Проанализированные эмпирические данные исследования студенчества соотносятся с данными демографов и социологов ИДИ ФНИСЦ РАН о приоритетных мотивах эмиграции российской молодёжи (возможность трудоустройства и получение образования). «Заработная плата» в иерархии мотивов заняла 2 место, «карьера» — 3 место, «работа по специальности» и «профессиональное образование» — 4 место.

В инструментарии уточнялось понятие «карьера» как «личный успех, общественное признание, уважение окружающих». 61% «эмигрантов» в Москве и 60% в Белгородской области признали карьеру, как очень важную ценность в жизнедеятельности общества» (см. табл. 2, п. 19).

Отдельный мотив, который выделился как фактор эмиграции в 2022 году, политический. Значительное место в рейтинге он занимал у молодых москвичей, нерелигиозных и желающих уехать в другие страны (45 и 61% соответственно), а также в группе прожективных «эмигрантов» Белгородчины (42%). Именно в этих группах преобладает беспокойство в отношении международной напряжённости и военной спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины (см. табл. 2, пп. 12–14). Так, более 70% прожективных «эмигрантов» московского студенчества беспокоит военная спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины и более 60% из них планируют переехать в другую страну по политическим причинам.

4. Оценка протекающих социально-политических процессов в российском обществе достаточна схожа в анализируемых мировоззренческих и типологических группах. Преобладает критическая оценка социально-политических реформ. Тем не менее, эта оценка в указанных типологиях имеет различную степень интенсивности: группы «религиозных» и «оседлых» студентов более оптимистично смотрят на социально-экономическое и социально-политическое положение в стране по сравнению с группами «нерелигиозных» и «эмигрантов» (см. сводную табл. 2, пп. 15, 21, 22): «Я горжусь, что я гражданин России»; «Россия обречена на дальнейший распад»; «Со временем вокруг России начнётся процесс объединения народов».

Рисунок 3. Оценка российской гражданственности группами («религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«эмигранты») студенческой молодежи в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах, 2022 г.

В оценке российской гражданственности выделяются студенты Тувы. Среди религиозных тувинских студентов гордятся своей российской гражданственностью 93%, а среди «оседлых» практически все — 98%. В Белгородской области таковых из этих групп — 85 и 88% соответственно, в Москве — 62 и 72% соответственно. Группы нерелигиозного студенчества этих регионов отстают по показателям «гордости» на 20%, а «эмигранты» — на 25% (см. рис. 3).

Рисунок 4. Позиции в отношении объединительной идеи территориальной целостности России группами («религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«эмигранты») студенческой молодежи в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах, 2022 г.

Тенденции в названных группах в основном сохраняются и при оценке возможности объединения территорий вокруг России. Наиболее оптимистичны «религиозные» и «оседлые» тувинские студенты в сравнении с нерелигиозными студентами. Группы прожективных «эмигрантов» Москвы и Белгородчины пребывают в большом «пессимизме» по вопросу «возрождения» государства. Только 13% москвичей и 20% белгородцев из этих групп считают, что со временем вокруг России начнется процесс объединения народов (см. рис. 4).

Непосредственно с тезисом «возрождения» России связана идея востребованности общенациональной идеи. Больше половины молодых респондентов

согласны, что «нашему обществу необходима общенациональная идея, сплачивающая россиян, независимо от их национальности, вероисповедания, положения в обществе и достатка».

Разница в положительных оценках респондентов, представляющих полярные группы, в обеих типологиях остаётся на уровне 20% в пользу групп «религиозных» и «оседлых» студентов. (см. табл. 3; рис. 5).

Следует особенно отметить типологическую группу «эмигрантов» Тувы, которая по некоторым позициям и оценкам вышеизложенных проблем дистанцируется от групп «эмигрантов» Московского мегаполиса и Белгородской области. Встаёт вопрос: «Почему?». Эмпирические данные показывают, что уровень религиозности тувинских «эмигрантов» и «оседлых» высокий и значительно выше, чем в группах «эмигрантов» других регионов. В группе «эмигрантов» из Тувы 41% религиозных студентов, среди «оседлых» – 59%. Вполне вероятно, что именно поэтому «эмигранты» Тувы более позитивны к социальной политике государства по сравнению с другими эмигрантскими группами.

Таблица 3

Оценка необходимости общенациональной идеи в мировоззренческих и типологических группах («религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«эмигранты») студенческой молодёжи в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах, 2022 г.

Позиции	Студенческая молодёжь											
	Москва				Тува				Белгородская область			
	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»
1. Да, общенациональная идея необходима	68	46	65	37	70	55	69	44	61	44	62	41
2. Нет, не нужна	13	34	21	40	14	26	16	25	12	27	14	35
3. Затрудняюсь ответить	19	20	14	24	16	19	16	31	27	29	24	24

Рисунок 5. Оценка необходимости общенациональной идеи группами («религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«эмигранты») студенческой молодёжи в регионах России (Москва, Тува, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах, 2022 г.

Далее. Респондентам были предложены на выбор тринадцать социально-политических, социально-нормативных и социально-правовых идей, ценностей, которые смогли бы объединить российское общество. Как ранее подчёркивалось, в первой группе «идей национального согласия» во всех трех регионах предпочтения студентов отданы «свободе и правам человека» и «безопасности» [30, с. 36]. Вторая группа номинированных ценностей: «социальная справедливость»; «общественный порядок», «демократия», «патриотизм» и «национальная гордость» имеет более низкий рейтинг. Третья группа с низким рейтингом: «социализм», «интернационализм», «общественное самоуправление» «духовность», «религиозные традиции» [30, с. 37].

Определены региональные предпочтения ценностей: треть молодых москвичей придают большое значение идеям демократии, общественного самоуправления, социализма и интернационализма; треть тувинцев — идеям демократии, духовности, религии и религиозным традициям; более трети белгородских студентов — идеям демократии, национальной гордости и духовности.

Социологический поиск предполагал более детально рассмотреть «феномен» патриотизма.

«Он изучался и осмысливался общественными науками с разных точек зрения:

- как явление общественного сознания;
- как одно из явлений духовного общества;
- как проявление специфических черт менталитета;
- как социальный фактор, консолидирующий общество и т.д.» [18].

Изучение патриотизма как фактора социальной консолидации и укрепления российской гражданственности — одна из поставленных в исследовании задач.

Возможна ли такая патриотическая «мобилизация» массового сознания в современном российском обществе? В сформированных мировоззренческих и типологических группах студенчества, прежде всего, определялось место государственно-патриотической идеи в структуре «идей национального согласия» (см. табл. 4).

Эмпирические данные фиксируют, что студенческие группы «религиозных» и «оседлых» Белгородской области и Республики Тыва ценность «патриотизм» поставили на первое и второе место в системе предложенных консолидирующих идей (61%-68%). Представители группы нерелигиозных студентов этих регионов значительно отличаются в оценке патриотизма как фактора консолидации общества (20%-40%). Несмотря на то, что москвичи в целом значительно ниже оценивают важность идеи патриотизма как ценности «национального единения», тем не менее, если среди верующих и «оседлых», поддерживающих эту идею, — 33%-47%, то среди нерелигиозных студентов и желающих переехать из России в другие страны, — в полтора раза меньше. Главные номинированные ценности у прожективных «эмигрантов» и нерелигиозных студентов — «свобода и права человека» (68%-86%), а также «социальная справедливость» (56%-86%).

Для более достоверной оценки студенчеством патриотической идеи была частично использована ценностная шкала Ш. Шварца, характеризующая личные и коллективные ценности. В инструментарии предлагалось двадцать ценностных позиций.

Так, «патриотизм (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) как очень важная ценность в жизнедеятельности общества» получил самые низкие баллы в группах «эмигрантов» Москвы (13%) и Белгородской области (22%)⁴.

⁴ В инструментарии социологического исследования 2022 года в Республике Тыва не была использована ценностная шкала Ш. Шварца.

Следовательно, полученные результаты социологических исследований 2020-2022 годов не выявили в субъектах России (Москва, Республика Тыва, Белгородская область) наличие устойчивых представлений студенческой молодёжи о ценности патриотизма как «объединяющей идеи» российского общества.

Таблица 4

Основное содержание общенациональной идеи в представлениях мировоззренческих и типологических групп («религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«эмигранты») студенческой молодёжи (Москва, Тыва, Белгородская область), в % от числа опрошенных в этих группах), 2022 г.

Ценности	Студенческая молодёжь											
	Москва				Тыва				Белгородская область			
	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»	Религиозные	Нерелигиозные	«Оседлые»	«Эмигранты»
1. Патриотизм	47	24	33	22	61	40	68	37	65	29	66	20
2. Национальная гордость	51	23	44	28	42	24	36	37	45	21	48	16
3. Свобода и права человека	67	74	72	86	78	79	70	83	64	68	69	74
4. Социальная справедливость	65	71	74	86	48	56	46	67	50	56	55	62
5. Демократия	28	50	34	67	30	48	23	57	34	40	34	46
6. Общественный порядок	59	62	65	67	46	51	45	60	48	48	51	49
7. Безопасность	63	57	58	69	63	65	54	77	60	60	58	63
8. Духовность	37	9	19	25	39	18	35	50	35	10	29	14
9. Религия, религиозные традиции	22	2	12	8	31	13	29	30	23	2	18	6
10. Интернационализм	20	29	21	36	11	18	9	20	7	11	8	13
11. Социализм	28	26	31	19	13	18	11	20	15	12	15	12
12. Самодержавие	6	2	4	3	10	11	8	10	7	4	7	3
13. Общественное самоуправление	26	32	24	42	15	19	14	20	9	12	10	15
14. Затрудняюсь ответить	12	7	4	0	11	14	-	-	12	17	8	16

Заключение. Одним из факторов демографического кризиса в России является неконтролируемый миграционный процесс, направленный на отток молодого поколения российских граждан. Эмиграция наиболее активной части коренного населения преимущественно образованного и высокопрофессионального является острейшей проблемой, так как неизбежно ведёт к рискам национальной и геополитической безопасности государства.

Результаты проведённого сравнительного анализа типологий, построенных на показателях религиозности/атеизма и наличия/отсутствия установок на эмиграцию, показали следующее:

- уровни религиозности и атеистичности в изучаемых регионах значительно разнятся. Самый высокий уровень религиозности и самый низкий атеистичности — среди студенчества Республики Тыва. Вторую позицию занимают по этим показателям студенты Белгородской области. Студенчество Москвы наиболее секуляризировано;

- религиозность имеет важное значение в оценке многих показателей типологической группы «эмигрантов»: большинство религиозных студентов находятся в типологической группе «оседлые», а нерелигиозные студенты («неверующие» и «атеисты») — в группе прожективных «эмигрантов»;
- социально-политические позиции и ценностные оценки групп «религиозных» и «оседлых» студентов во многом совпадают. Они выделяются большими долями положительных оценок в отношении политики государства, религиозных организаций, а также большей патриотичностью и оптимистическими настроениями по возрождению и восстановлению потерянных в прошлом позиций России в мире. В рейтинге ценностей, составляющих основное содержание общенациональной идеи, номинация «патриотизм» в консолидации российского общества выставлен на первые и вторые места в этих группах студентов Тувы, Белгородской области и Москвы;
- религиозные, социально-экономические, политические и ценностные позиции групп «нерелигиозных» и «эмигрантов» также достаточно близки. По сравнению с группами «религиозных» и «оседлых» студентов, их в большей степени беспокоят социально-экономические и политические проблемы общества, в значительно меньшей степени они гордятся принадлежностью к гражданам России, более критично оценивают возможность процесса объединения народов вокруг России. В рейтинге очень важных ценностей в жизнедеятельности общества представители этих типологических групп отмечают, прежде всего, свободу и права человека (независимость в поступках и действиях), социальную справедливость и активную, деятельную жизнь (максимально полное использование своих сил и способностей). Идеологические и патриотические ценности, с точки зрения этих групп молодёжи, не играют существенной роли в жизни общества. Тем не менее следует отметить, что нет, естественно, полного совпадения уровня критичности суждений студентов в данных группах. «Эмигранты» более негативны в отношении всего спектра социальных проблем российского общества, даже по сравнению с группой нерелигиозной молодёжи. Это даёт основание говорить лишь о косвенном воздействии религиозности/атеистичности на позиции «оседлых» и «эмигрантов». Мотивации эмиграции студенчества в настоящее время, как в былые времена, определяется возможностью получения образования и выгодного трудоустройства, карьеры за рубежом, а также политическими обстоятельствами, неуверенностью в своём будущем творческом развитии в условиях СВО;
- при сравнительном региональном анализе изучаемых субъектов РФ фиксируется, что студенчество столичного мегаполиса на порядок выше «заряжено» эмигрантскими настроениями по сравнению со студентами Белгородской области, а тем более, — студентами Республики Тыва.

Следует особенно отметить типологическую группу «эмигрантов» среди студенческой молодёжи Тувы, в которой значительная доля религиозных студентов. Уровень религиозности достаточно высокий не только в группе «оседлой» молодёжи, но и среди прожективных «эмигрантов». Вполне вероятно, что именно поэтому «эмигранты» республики более патриотичны и позитивны к социальной политике государства по сравнению с другими эмигрантскими группами студенчества изучаемых регионов.

Вне всякого сомнения, на решение определённой части студенчества эмигрировать из России на постоянное место жительства за рубеж, как установлено, играют различные факторы. Однако, результаты наших исследований показывают, что ре-

лигиозные представления молодёжи и напрямую связанные с религией традиции и духовно-нравственные ценности также играют значительную роль в патриотической, гражданской позиции в отношении российского общества и государства.

Библиографический список

1. Рязанцев С. В., Лукьянец А. С. Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия // Вестник ТГУПБП. Серия общественных наук. 2016. № 1. С. 59–72. EDN [VZSZNH](#).
2. Рязанцев С. В. Новые формы временной эмиграции из России // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 81–93. EDN [SQKZZP](#).
3. Савоскул М. С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX – начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 44–53. EDN [WJDAIR](#).
4. Воробьева О. Д., Алешковский И. А., Гребенюк А. А. Трансформация российской эмиграции на рубеже XX–XXI вв. // Век глобализации. 2017. № 4. С. 100–111. EDN [ZVKNOB](#).
5. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Эмиграционные процессы из России: направления, масштабы, этническая структура // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 40–50. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00003](#). EDN [ZKYJQK](#).
6. Ионцев В. А., Рязанцев С. В., Ионцева С. В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 2. С. 499–509. DOI [10.17059/2016-2-15](#). EDN [VZEJYL](#).
7. Лукьянец А. С., Тышкевич А. И. Эмиграции из России в США и Канаду в контексте расширения русскоговорящих сообществ // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 1. С. 83–96. DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](#). EDN [NZGFVX](#).
8. Рязанцев С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. Т. 25, № 1. С. 122–136. DOI [10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136](#). EDN [ZEJOMP](#).
9. Храмова М. Н., Рязанцев С. В. Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1298–1311. DOI [10.17059/2018-4-19](#). EDN [YRQACD](#).
10. Байков А. А., Лукьянец А. С., Письменная Е. Е. [и др.]. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75–84. DOI [10.31857/S013216250002787-8](#). EDN [YPHVPN](#).
11. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Старые и новые тенденции эмиграции из России в Латинскую Америку // Народонаселение. 2014. № 2. С. 58–64. EDN [SJFYRB](#).
12. Андреева Л. А., Андреева Л. К. Религиозность студенческой молодёжи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95–98. EDN [LNFOQW](#).
13. Иванова Н. И. Исследование социальной идентичности у студентов педагогических вузов // Идентичность и толерантность : Сб. ст. / Отв. ред. Н. М. Лебедева. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 141–142.
14. Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103. EDN [BGWJUG](#).
15. Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107. EDN [JZFQOZ](#).
16. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUHSWJ](#).
17. Кузнецова А. В. Патриотическая идея в российском обществе: генезис, состояние, тенденции. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2004. 158 с. ISBN 5-7556-0282-4. EDN [QOCWEL](#).
18. Кузнецова А. В., Кублицкая Е. А. Гражданский патриотизм – основа формирования новой российской идентичности. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2005. 328 с. ISBN 5-7556-0321-9. EDN [QOEUPP](#).
19. Лебедев С. Д. Отношение учащейся молодёжи к религии // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 87–96. EDN [IAIKQH](#).
20. Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28, № 4. С. 266–272. EDN [PFGRPB](#).

21. Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания / В. Д. Байрамов, И. В. Бочарников, А. И. Дурягина [и др.]. М. : Альфа-М, 2013. 144 с. EDN [VTMHNH](#).
22. Патриотизм как фактор развития российской государственности / Под общ. ред. И. В. Бочарникова. М. : Московский дом национальностей, 2015. 368 с. ISBN 978-5-9247-0113-4.
23. Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма / М. Ю. Смирнов, Ю. Ю. Синелина, А. И. Кырлежев [и др.]. М. : Новоспасский монастырь, 2015. 456 с. EDN [WMPZRD](#).
24. Синелина Ю. Ю. Религия в современном мире // Эксперт. 2013. № 1(833). URL: <https://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 21.08.2023).
25. Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М. : Мысль, 1985. 270 с.
26. Яблоков И. Н. Социология религии. М. : Мысль, 1979. 182 с.
27. Энциклопедический словарь социологии религии / О. И. Антонова, Е. И. Аринин, А. С. Астахова [и др.]. СПб. : Платоновское общество, 2017. 508 с. ISBN 978-5-9909527-7-5. EDN [ZXBLHN](#).
28. Кублицкая Е. А., Лютенко И. В. Традиционная религиозность и нетрадиционные религиозные учения в жизни российской молодежи: социально-педагогические аспекты // ЦИТИСЭ. 2019. № 5(22). С. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44). EDN [BWYSYK](#).
29. Чернышев К. А., Митягина Е. В., Чернышева Н. В. [и др.]. Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 70–83. DOI [10.25178/nit.2023.2.5](https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5). EDN [UOJTLA](#).
30. Кублицкая Е. А. Основные ценности консолидации российского общества в представлениях религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 21–42. DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3). EDN [PBFDES](#).

Поступила: 05.08.2023. Доработана: 04.09.2023. Принята: 08.09.2023.

Сведения об авторе:

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия. eakubl@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [73707](#); ORCID: [0000-0001-9685-2213](#)

E. A. Kublitskaya¹

¹ Institute for Demographic Research of FCTAS RAS
Moscow, Russia

MIGRATION AND SOCIO-POLITICAL ORIENTATIONS OF RELIGIOUS AND NON-RELIGIOUS STUDENT YOUTH

Abstract. Migration processes in the context of the expansion of world economic relations inevitably affect the main spheres of life of the entire world community. The emigration of the most active part of the indigenous population of Russia, predominantly educated and highly professional, is an acute problem, as it inevitably leads to risks to the national and geopolitical security of the state.

The growing uncontrolled migration process aimed at the outflow of the mobile indigenous population in the new Russian social reality actualizes the study of the motives of emigrant moods, socio-economic, socio-political orientations, socio-cultural positions, ethno-confessional traditions and customs, spiritual and moral values of youth and, first of all, highly educated part of the younger generation: students.

The article analyzes the materials of a sociological study conducted by the Institute for Demographic Research of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2022 among students in three constituent entities of the Russian Federation: Moscow, the Republic of Tyva and the Belgorod Region. The focus of the study is aimed at identifying the possible impact of religious and non-religious worldviews on the emigrant orientations of the young part of the Russian population. The set goal was solved with the help of sociological methods of building worldview groups (“religious”/“non-religious”) and typological groups (“settled”/projective “emigrants”). The sociological search was based on a comparative analysis of the assessments and positions of representatives of these groups in relation to religious, national, socio-economic and socio-political problems. The results of a sociological study show that religious ideas and traditions, spiritual and moral values directly related to them play a significant role in the patriotic and civic positions of student youth in relation to Russian society and the state.

Keywords: migration processes; labor and educational emigration; socio-political processes; students; emigrants; religious and non-religious youth; values

For citation: Kublitskaya E. A. Migration and socio-political orientations of religious and non-religious student youth. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):164–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.10>

References

1. Ryazantsev S. V., Lukyanets A. S. Emigration of Youth from Russia: Forms, Trends and Consequences. *Vestnik TSUPBP. Series of Social Sciences*. 2016;(1):59–72. (In Russ.).
2. Ryazancev S. V. New forms of temporary emigration from Russia. *Science. Innovations. Technologies*. 2014;(2):81–93. (In Russ.).
3. Savoskul M. S. Emigration from Russia to non-CIS countries during the late 20th – the early 21st century. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia*. 2016;(2):44–53. (In Russ.).
4. Vorobyeva O. D., Aleshkovski I. A., Grebenyuk A. A. Transformation of Russian emigration at the turn of the XX-XXI centuries. *Vek globalizacii=Age of globalization*. 2017;(4):100–111. (In Russ.).
5. Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. Emigration processes from Russia: directions, scale, ethnic structure. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(1):40–50. (In Russ.). DOI [10.24411/1561-7785-2019-00003](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00003).
6. Iontsev V. A., Ryazantsev S. V., Iontseva S. V. Emigration from Russia: new trends and forms. *Ekonomika regiona*. 2016;12(2):499–509. (In Russ.). DOI [10.17059/2016-2-15](https://doi.org/10.17059/2016-2-15).
7. Lukyanets A. S., Tyshkevich A. I. Emigration from Russia to the USA and Canada in the context of the expansion of Russian-speaking communities. *Narodonaselenie=Population*. 2023;26(1):83–96. (In Russ.). DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.7).
8. Ryazantsev S. V. “Russian-Russian” economy as the mechanism of the integration of Russian-speaking migrants in the receiving countries. *RUDN Journal of Economics*. 2017;25(1):122–136. (In Russ.). DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.7).
9. Khramova M. N., Ryazantsev S. V. Factors of Emigration from Russia: Regional Features. *Economy of regions*. 2018;14(4):1298–1311. (In Russ.). DOI [10.17059/2018-4-19](https://doi.org/10.17059/2018-4-19).
10. Baykov A. A., Lukyanets A. S., Pismennaya E. E. [et al.]. Youth Emigration from Russia: Scale, Channels, Consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2018;(11):75–84. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250002787-8](https://doi.org/10.31857/S013216250002787-8).
11. Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E. Old and new trends of emigration from Russia to Latin America. *Narodonaselenie=Population*. 2014;(2):58–64. (In Russ.).
12. Andreeva L. A., Andreeva L. K. Religiosity of student youth. The experience of comparison with the religiosity of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2010;(9):95–98. (In Russ.).
13. Ivanova N. I. Research of social identity in students of pedagogical universities. In: Lebedeva N. M., ed. Identity and tolerance : Coll. of art. Moscow: IEA RAN; 2002. P. 141–142. (In Russ.).
14. Kublitskaya E. A. Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological study. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 1990;(5):95–103. (In Russ.).
15. Kublitskaya E. A. Specifics of religiosity studies in contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2009;(4):96–107. (In Russ.).
16. Zubok Yu. A., Bezrukova O. N., Vishnevsky Yu. R. [et al.]. Self-regulation of youth life:

- methodology and social practices. Belgorod: Epicenter; 2021. 500 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6045221-7-2.
17. Kuznetsova A. V. Patriotic idea in Russian society: genesis, state, trends. Moscow: RITs ISPI RAN; 2004. 158 p. (In Russ.). ISBN 5-7556-0282-4.
 18. Kuznetsova A. V., Kublitskaya E. A. Civic patriotism – the basis for the formation of a new Russian identity. Moscow: RITs ISPI RAN; 2005. 328 p. (In Russ.). ISBN 5-7556-0321-9.
 19. Lebedev S. D. Studying youth attitudes towards religion. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2007;(7):87–96. (In Russ.).
 20. Lopatkin R. A. Sociology of Religion in Russia: Past Experience and Contemporary Problems. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*. 2010;28(4):266–272. (In Russ.).
 21. Bayramov B. D., Bocharnikov I. V., Duryagina A. I. [et al.]. Patriotism of modern Russian youth: conceptual foundations and technologies of education. Moscow: Alfa-M; 2013. 144 p. (In Russ.).
 22. Bocharnikov I. V., ed. Patriotism as a factor in the development of Russian statehood. Moscow: Moskovskii dom natsional'nosti; 2015. 368 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9247-0113-4.
 23. Smirnov M. Yu., Sinelina Yu. Yu., Kyrlezhev A. I. [et al.]. Orthodoxy and modernity: problems of secularism and post-secularism. Moscow: Novospasskii monastyr'; 2015. 456 p. (In Russ.).
 24. Sinelina Yu. Yu. Religion in the modern world. *Expert*. 2013;(1). (In Russ.). Available at: <https://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire> (accessed: 21.06.2022).
 25. Ugrinovich D. M. Introduction to Religious Studies. Moscow: Mysl'; 1985. 270 p. (In Russ.).
 26. Yablokov I. N. Sociology of Religion. Moscow: Mysl'; 1979. 182 p. (In Russ.).
 27. Antonova O. I., Arinin E. I., Astakhova A. S. [et al.]. Encyclopedic Dictionary of Sociology of Religion. St. Petersburg: Platonovskoe obshchestvo; 2017. 508 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9909527-7-5.
 28. Kublitskaya E. A., Lutenko I. V. Traditional religious and non-traditional religious teachings in the life of the Russian youth: socio-pedagogical aspects. *CITISE*. 2019;(5):478–493. (In Russ.). DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44).
 29. Chernyshev K. A., Mitiagina E. V., Chernysheva N. V. [et al.]. Incidence and directions of educational migration of Tuvan youth. *Novye issledovaniia Tuvy=The New Research of Tuva*. 2023;(2):70–83. (In Russ.). DOI [10.25178/nit.2023.2.5](https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5).
 30. Kublitskaya E. A. The main values of the consolidation of Russian society in the views of religious and non-religious students. *Research Result. Sociology and management*. 2023;9(2):21–42. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3).

Received: 05.08.2023. Corrected: 04.09.2023. Accepted: 08.09.2023.

Information about the author:

Elena A. Kublitskaya, PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute for Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. eakubl@yandex.ru
ORCID: [0000-0001-9685-2213](https://orcid.org/0000-0001-9685-2213)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.11](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.11)
EDN [SBDODU](https://edn.sbdodu.ru)
УДК 323.1+316.3

Г. С. Денисова¹, Е. А. Авдеев², С. М. Воробьев²

¹ Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

² Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия

РИСКИ КОНФЛИКТНОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье анализируются оценки и представления молодёжи Северного Кавказа о состоянии межэтнических отношений в регионе. Северокавказский регион отличается высоким уровнем значимости конфессиональных, этнических и групповых идентичностей, что создаёт риски конфликтности межэтнических отношений. Сохраняются значимые различия в степени выраженности этнического и конфессионального самосознания у русской и северокавказской молодёжи. Приобретают важное значение вопросы совместимости различных ценностных и социокультурных основ мировоззрения молодых людей, формирования объединяющих гражданских и культурно-цивилизационных основ общероссийской идентичности. Цель исследования состоит в определении конфликтного потенциала межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодёжи. Задачами исследования являются выявление причин межнациональной напряжённости, определение этноконфессиональных факторов конфликтности межэтнических отношений среди молодёжи, степени готовности лично участвовать в этноконфессиональных конфликтах в интересах своей этнической и конфессиональной группы, значимости основных макроидентичностей: общероссийской, этнической и конфессиональной. При работе над методологией исследования особое внимание было уделено современным российским и зарубежным теоретико-методологическим подходам к межэтническим конфликтам, роли этнополитических и экономических факторов конфликтности и определению причин межэтнической напряжённости в полиэтничной среде. Эмпирические данные были получены методом опроса-анкетирования, проводившегося в феврале-марте 2023 г. Опрошено 1400 респондентов — студентов ведущих вузов Северного Кавказа. Была проведена подвыборка по национальности и отношению к религии. Уровень межнациональной напряжённости на Северном Кавказе в представлениях респондентов оценивается как низкий. Различия в оценках между респондентами, представляющими русскую группу и группу народов Северного Кавказа, православными и мусульманами незначительны. При этом сохраняется потенциальная конфликтность и мобилизационный потенциал этничности, их зависимость от национальной принадлежности. Большинство опрошенных в качестве основных причин межнациональной напряжённости на Северном Кавказе выделяли социокультурные: неприятие культуры и ценностей других народов, враждебность и предубеждение к другим народам. Общероссийская идентичность сформирована и значима для всех групп респондентов. Этническая и конфессиональная идентичности также имеют большое значение для северокавказской молодёжи. На Северном Кавказе сохраняются латентные риски конфликтности межэтнических отношений в молодёжной среде, мобилизационный потенциал этнической и конфессиональной идентичности. Основные причины межнациональной напряжённости носят ценностно-мировоззренческий характер. В сознании молодых людей существует высокая значимость, наряду с общероссийской, этнической и конфессиональной идентичностями. Формируется тенденция к перетеканию «поля конфликтности» из этнополитической в социокультурную сферу. Эмоционально-психологические и социокультурные причины для молодёжи имеют большую значимость, чем социально-экономические и этнополитические.

© Денисова Г. С., Авдеев Е. А., Воробьев С. М., 2023

Ключевые слова: межэтнические отношения; молодежь; Северный Кавказ; идентичность; ценности; риски конфликтности

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

Для цитирования: Денисова Г. С., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Риски конфликтности межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 185–199. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.11](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.11). EDN [SBDODU](https://edn.sci.org/EDN/SBDODU)

Введение. Северный Кавказ отличается высоким уровнем значимости для полиэтничного населения региона конфессиональных, этнических и групповых идентичностей, что создаёт риски конфликтности межэтнических отношений. Сохраняются существенные различия в степени выраженности этнического и конфессионального самосознания у русского и северокавказских народов. В межэтнических отношениях продолжает существовать противопоставление «Мы и другие», что также накладывает отпечаток на взаимоотношения различных народов. В целом после жёстких межэтнических конфликтов 1990-х гг., сопровождавшихся вооружёнными столкновениями, всплеском насилия и террористическими актами, межэтнические отношения стабилизировались. Можно говорить о том, что конфликтность приобрела латентный характер. При этом негативные изменения в социально-экономических и политических процессах могут привести к очаговым всплескам конфликтности, триггером которой могут выступить этнические и конфессиональные различия. Прежние обиды, этноисторические травмы живут в социальной памяти народов Северного Кавказа. Молодёжь может быть одним из активных акторов негативных социально-политических процессов. Несмотря на то, что социализация молодых людей происходила в период затухания насилия и дерадикализации национального самосознания, они могут быть драйвером перемен. Социальная энергия, недостаток знаний и опыта превращает молодёжь в объект деструктивных манипуляций и облегчает конфликтную мобилизацию.

Наряду с сохранением значимости в сознании молодых людей этнического и конфессионального самосознания, возрастает роль индивидуалистических ценностей и ориентиров. Под влиянием глобального информационного пространства, насыщенного либеральным и потребительским контентом, происходит постепенное разрушение в молодёжной среде традиционных регуляторов социальных процессов. Урбанизация населения, глобализация социально-экономических процессов, продолжающаяся модернизация Северного Кавказа приводит к возрастанию ценностной (социокультурной) конфликтности в полиэтничной молодёжной среде. Трансформация традиционного социального уклада, активные миграционные процессы и разнонаправленная глобализация определяют остроту социокультурных противоречий на Северном Кавказе, которые приобретают межпоколенческий характер [1, с. 99]. Молодёжь, в отличие от предыдущих поколений, ищет основы своего мировоззрения не только в рамках традиционной культуры, языка и религии, но и в глобальных информационных потоках, где можно найти ценности и смыслы как современного западного общества, так и крайние формы национального радикализма и религиозного фундаментализма. Приобретают важное значение вопросы совместимости различных ценностных и социокультурных основ мировоззрения молодёжи, значимости объединяющих народы региона традиционных российских духовно-нравственных ценностей и общероссийской гражданской

идентичности, формирующих многонациональный российский народ. В настоящее время на Северном Кавказе могут быть реализованы различные формы межэтнических отношений. Определяющими в настоящее время являются диалог и сотрудничество на базе разделяемых всеми народами традиционных ценностей и общероссийской идентичности, но возможны конкуренция и конфликтность. Проблемой настоящей статьи является определение рисков конфликтности межэтнических отношений на Северном Кавказе путём замера оценок и представлений полиэтничной молодёжи, определения этнических и конфессиональных различий, степени значимости основных макрогрупповых идентичностей.

Материалы и методы. Этническая принадлежность для индивида является ключевой характеристикой этнической общности, важнейшей составляющей внутреннего мира человека, которая формируется и поддерживается благодаря механизмам этносоциального взаимодействия [2; 3; 4]. Осознание принадлежности к своей этнической группе во многом формируется путём представления человека о национальной культуре и языке, важную роль играют представления о прошлом своего народа и исторической родине [5]. Особую роль в формировании этнического самосознания играет включенность человека в свою этническую группу, она выше у малых народов и диаспор, сильнее в полиэтничной социальной среде [6].

Научные исследования, проведённые в многонациональных регионах, подтверждают, что политизация этничности приводит к мобилизации людей по этнической принадлежности, таким образом продуцируя межэтнические конфликты [7; 8]. Наиболее это характерно для развивающихся стран с полиэтничным и поликонфессиональным населением, низким уровнем развития экономики и социальной сферы, бедностью и слабостью государственных институтов. Эти факторы приводят к этноконфессиональным конфликтам с применением насилия [9]. Высокая роль субъективной значимости соотношения себя с этнической общностью в развитых странах постепенно теряет своё значение, но по-прежнему велика для таких регионов, как Северный Кавказ, характеризующихся значимой ролью этничности в социальных взаимодействиях, а также высокой степенью её политизации, которая во многом стала результатом советской национальной политики [10]. Для определения рисков конфликтности межэтнических отношений большое значение имеют дискурсивные самоописательные характеристики. «Важно выявить, как сами участники определяют себя в конфликтном взаимодействии. В случае, если они определяют себя и/или противоположную сторону в этнических категориях, этот конфликт можно считать этническим» [11, с. 103].

Возможным источником конфликтности межэтнических отношений является дальнейшая модернизация Северного Кавказа, в которую включается молодёжь. Она является наиболее активной составляющей трудоспособного населения. Стремление включиться в конкуренцию за социальные статусы и экономические ресурсы может привести к межэтнической напряжённости, т.к. зачастую молодые люди не имеют твёрдых морально-этических норм и способны к конфликтной мобилизации, апеллирующей к этничности [12]. Значительное социально-экономическое неравенство также может быть источником конфликтности, в связи с тем, что оно воспринимается молодёжью как несправедливое, а молодые люди в силу возраста обладают обострённым чувством справедливости и максимализмом [13]. Конфликтность может усиливать имеющее место

неравенство, носящее в том числе и этнический характер. Этнизация социально-экономических процессов может привести к межэтническому противостоянию, особенно в регионах Северного Кавказа, имеющих низкие темпы социально-экономического развития и характеризующиеся этноклановостью и nepoтизмом. Этнические антрепренеры в качестве инструмента раздувания конфликтности и перевода социально-экономических проблем в этнокультурные конфликты, апеллируют к необходимости защиты этнокультурных ценностей и идентичностей [14]. Такие конфликты характеризуются иррациональностью и повышенной эмоциональной мотивацией участвующих сторон. Их разрешение крайне затруднительно. В современной этнополитологии существует мнение, что «этнополитические конфликты являются не только и не столько конфликтами интересов, сколько конфликтами идентичностей...» [15, с. 50]. По мнению некоторых учёных, «истинным источником конфликта являются не некие материальные ресурсы, а идентификационные ценности» [16, с. 14]. В. В. Лапкин и В. И. Пантин в своих исследованиях отмечают, что современные этнополитические конфликты являются в большей степени конфликтами противоположных по содержанию и смыслам ценностей, чем экономических и политических интересов сторон [17]. По их мнению, «этничность воплощает в себе элемент мощной эмоциональной напряжённости..., что приводит к интенсификации этнической нетерпимости, конкуренции и, в конечном счёте, к насильственному этническому конфликту» [18, с. 127]. Важную роль в эмоциональной сфере, сопровождающей конфликты, играют сформированные и укрепившиеся социокультурные стереотипы, историческая память, хранящая образ исторических травм, а также мифологизированность представлений о других народах. В настоящем исследовании были рассмотрены риски конфликтности, носящие этнополитический, социально-экономический, ценностно-мировоззренческий и эмоционально-психологический характер.

Задачами исследования являлись определение рисков конфликтности межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодёжи и причин межнациональной напряжённости, выявление сформированности основных макрогрупповых идентичностей, анализ этнических и конфессиональных различий. Был проведён замер представлений о наличии проблемы в общении, взаимодействии людей разных национальностей. Риски конфликтности межнациональных отношений в молодёжной среде определялись на основе того, сталкивались ли опрошенные с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями по национальному признаку. Значимым индикатором конфликтности стал замер готовности респондентов принять личное участие в конфликте в интересах людей своей этнической и конфессиональной общности. В связи с тем, что социокультурные причины межэтнической конфликтности все больше уходят своими корнями в конфликт идентичностей, была определена значимость основных референтных макрогрупп, с которыми респонденты себя идентифицируют.

Гипотезой стало предположение о том, что уровень межнациональной напряжённости на Северном Кавказе оценивается молодёжью как низкий. Этнические и конфессиональные различия в оценках состояния межэтнических отношений респондентами незначительны. Полиэтническая молодёжь в большинстве своём идентифицирует себя с гражданами России, при этом сохраняется большое значение этнической и конфессиональной идентичности для северокавказской и мусульманской молодёжи.

Эмпирические данные, ставшие основой исследования, были получены методом анкетного опроса, проводившегося в феврале-марте 2023 г. Объектом исследования стали молодые люди, обучающиеся в Северо-Кавказском федеральном университете, Ставропольском государственном аграрном университете, Ставропольском государственном медицинском университете и Пятигорском государственном университете. Были исследованы представления студентов вузов, аккумулирующих в себе полиэтничную и поликонфессиональную молодёжь всех субъектов СКФО, которая в своём большинстве является социально активной, наиболее образованной и самостоятельно мыслящей. Выборочную совокупность составили 1400 респондентов в возрасте 18-24 года, 52% из которых девушки, 48% юноши. Важным индикатором выборки в соответствии с задачами исследования был этнический и конфессиональный состав респондентов. Студенты сами определяли свою этническую и религиозную принадлежность. По результатам обработки данных были выделены следующие группы: 45% русских респондентов, 45% — относящих себя к народам Северного Кавказа, 10% составили респонденты, которые определили свою принадлежность к другим народам; 43% — православные, 33% — мусульмане и 20% — не относящие себя ни к какому вероисповеданию. 4% респондентов не указали свою религиозную идентичность. Был проведён однофакторный дисперсионный анализ для сравнения влияния этнической принадлежности и отношения к религии на оценки значимости основных макрогрупповых идентичностей. На его основе была выявлена статистически значимая разница в ответах сравниваемых групп респондентов. Для выявления различий в средних значениях ответов различных групп был проведён тест Шеффе.

Результаты и обсуждение. Важным фактором при оценке состояния межэтнических отношений в регионе является представление респондентов о степени значимости проблемы в общении и взаимодействии людей разных национальностей в их регионе (республике). Абсолютное большинство (77,3%) не считают, что эта проблема является существенной (ответы: «этой проблемы не существует» — 30,8% и «это незначительная проблема» — 46,5%). Лишь 11,9% указали, что это серьёзная проблема. Нет значительных различий в ответах по этнической и конфессиональной принадлежности респондентов (см. рис. 1).

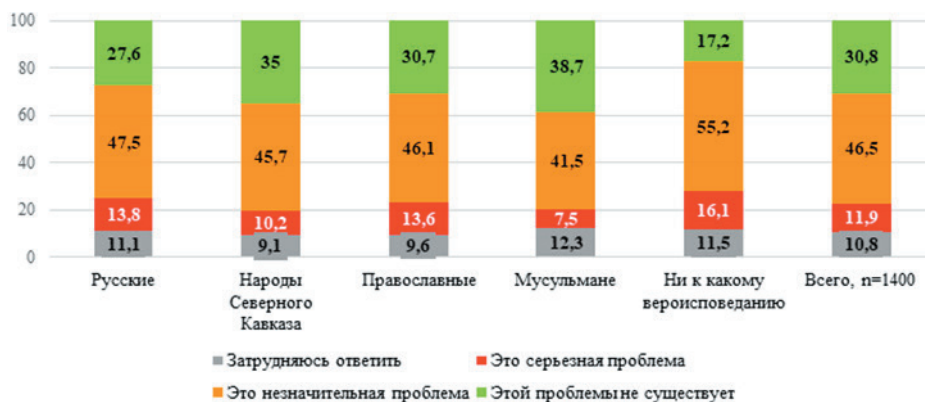

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, существует ли в Вашем регионе (республике) проблема в общении, взаимодействии людей разных национальностей?», % от числа опрошенных

Причины межэтнических конфликтов на Северном Кавказе по-прежнему вытекают из социально-политических и экономических отношений, однако их проявления все больше приобретают характер противоречия различных ценностно-мировоззренческих оснований и идентичностей, переходя в эмоционально-психологическую сферу. В связи с этим был проведён замер значимости для респондентов основных референтных макрогрупп, что позволяет определить иерархию основных идентичностей в сознании молодых людей, уровень сформированности общероссийских гражданских и социокультурных основ самоидентификации. Для оценки значимости основных идентичностей была использована 5-частная шкала Ликерта. Ответы были переведены в баллы. Максимальная оценка (5 баллов) свидетельствует о наибольшем значении для респондентов принадлежности к той или иной макрогруппе. Наиболее значимой для молодых людей стала локальная идентичность — принадлежность к людям, проживающим там, где они родились и прошло их детство (4,44 балла). Следующей по значимости является общероссийская гражданская идентичность — ощущение своей общности с гражданами России (4,39 балла). При этом она чуть менее значима для респондентов, не относящих себя ни к какому вероисповеданию (4,18 балла). Оценки русских (4,52 балла), народов Северного Кавказа (4,42 балла) и православных (4,59 балла) практически совпадают. Регионально-республиканская идентичность не менее значима (4,38 балла), чем гражданская. Меньшее значение она имеет для тех, кто не относит себя ни к какому вероисповеданию (4,07 балла). Различия в оценках между респондентами, представляющими группы русской, православной, северокавказских народов, мусульман практически отсутствуют. Ценностно-мировоззренческая идентичность — общность с людьми, придерживающимися таких же ценностей, представлений о жизни — была оценена в 4,35 балла. Различия в ответах по отношению к религии и национальности незначительны. Эта идентичность важна и значима для всех групп респондентов, что свидетельствует о возрастании роли ценностно-мировоззренческого фактора в сознании молодёжи. Этническая идентичность — общность с людьми той же национальности — не менее значима (4,34 балла). Различия между русскими и северокавказскими народами, православными и мусульманами незначительны. Для студентов, у которых отсутствует религиозное мировоззрение значимость этнической идентичности значительно ниже (3,91 балла). В общероссийской идентичности приоритетными являются русский язык и российская культура — 4,14 балла. Наименьшее значение интегративный фактор русского языка и российской культуры имеет для нерелигиозных молодых людей (3,9 балла). Религиозная идентичность — общность с людьми той же веры — получила оценку 4,11 балла. Она более важна для мусульман (4,5 балла) и народов Северного Кавказа (4,33 балла), чем для православных (4,26 балла) и русских (3,96 балла) (см. табл. 1). Таким образом основные макрогрупповые и социокультурные идентичности занимают важное место в сознании полиэтничной молодёжи. Общероссийская гражданская идентичность важна для всех групп респондентов. Это косвенно подтверждает стабилизацию межэтнических отношений и сформированность общероссийских интегративных начал в регионе. Разница в оценках по этнической и конфессиональной принадлежности незначительна. Для молодёжи северокавказских народов и мусульман этническая и религиозная идентичность выше, чем для молодых людей русских по национальности и православных. Общероссийская и этническая идентичность не обладает столь важной значимостью для молодых людей, не относящих себя ни к какому вероисповеданию. В целом результаты исследования показывают

примерную равнозначность общероссийской, этнической и религиозной идентичности в представлениях респондентов. Можно предположить, что в случае ухудшения социально-экономической и этнополитической ситуации в регионе возможно снижение уровня общероссийской идентичности и рост ценностно-мировоззренческой конфликтности, в том числе и межэтнической.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «это – мы»?»¹

О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «это – мы»?	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1400
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам	Ни к какому вероисповеданию	
Люди, проживающие там, где я родился (ась) и прошло моё детство	4,45	4,5	4,53	4,46	4,23	4,44
Граждане России	4,52	4,42	4,59	4,25	4,18	4,39
Люди, проживающие в моем регионе (республике)	4,39	4,49	4,47	4,46	4,07	4,38
Люди, придерживающиеся таких же ценностей, представлений о жизни	4,18	4,39	4,39	4,39	4,22	4,35
Люди той же национальности, что и моя национальность	4,28	4,45	4,39	4,53	3,91	4,34
Люди, говорящие на русском языке и относящие себя к российской культуре	4,27	4,1	4,34	4,01	3,9	4,14
Люди моей веры, вероисповедания	3,96	4,33	4,26	4,5	3,14	4,11

Однофакторный дисперсионный анализ подтверждает наличие различий в оценках значимости для молодых людей, сгруппированных по национальности и отношению к религии, основных макрогрупповых идентичностей. F-статистика (5,26) превышает критическое значение F (2,68), p-значение (0,002) меньше выбранного альфа-уровня (0,05), что подтверждает наличие статистически значимой разницы между средними значениями ответов сравниваемых групп респондентов. F-статистика попарного сравнения русских и северокавказских народов (0,57) не превышает критическое значение Шеффе (5,37), что указывает на отсутствие значимых различий в оценках между ними. Нет значимых различий и между православными и мусульманами (0,19). Попарное сравнение православных и нерелигиозных (15,92), мусульман и нерелигиозных респондентов (12,57), русских и нерелигиозных (8,32), народов Северного Кавказа и нерелигиозных молодых людей (13,26) указывает на наличие значимых различий в их оценках. Это подтверждает меньшую значимость для нерелигиозных молодых людей основных макрогрупповых идентичностей. Можно предположить, что на значимость для респондентов основных референтных макрогрупп боль-

¹ Среднее значение считалось для ответов по пятибалльной шкале; затруднившиеся с ответом приравнивались к значению 3 балла.

шее влияние оказывает ценностно-мировоззренческий, а не этнический и конфессиональный факторы.

Для более детальной оценки конфликтности межэтнических отношений на Северном Кавказе респондентам было предложено оценить состояние межнациональной напряжённости: 1 балл — напряжённость практически отсутствует, 2 балла — низкий уровень напряжённости, 3 балла — средний уровень напряжённости, 4 балла — высокий уровень напряжённости, 5 баллов — очень высокий уровень напряжённости. Оценка 2,16 балла свидетельствует о низком уровне межнациональной напряжённости в регионе. Различия в оценках между русскими и народами Северного Кавказа, православными и мусульманами незначительны. Нерелигиозные молодые люди считают, что межнациональная напряжённость выше (2,38 балла) (см. рис. 2).

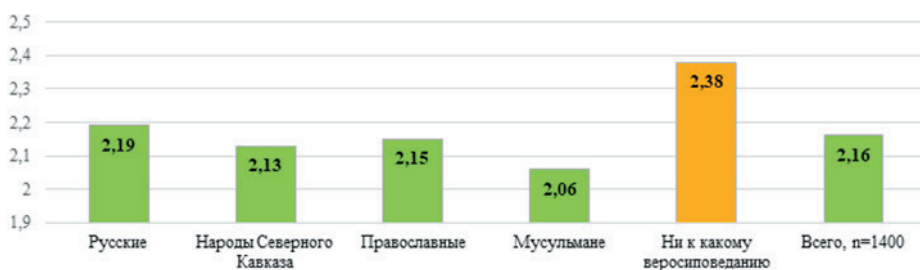

Рисунок 2. Оценка респондентами состояния межнациональной напряжённости на Северном Кавказе

Особое внимание в исследовании уделялось определению причин межнациональной напряжённости в регионе. Респондентам было предложено ответить на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является основными причинами межнациональной напряжённости на Северном Кавказе?» и выбрать не более 3-х причин из предложенных. Большинство опрошенных выделяли социокультурные причины: неприятие культуры и ценностей других народов (51,2%), враждебность и предубеждение к другим народам (50,3%). Гораздо меньшее значение было уделено этнополитическим причинам: радикальному национализму (29%), территориальным конфликтам и земельным спорам (26,8%), социальному и экономическому неравенству, носящим этнический характер (21,6%), последствиям нестабильности и вооружённых конфликтов постсоветского периода (18,6%) и советской национальной политики на Северном Кавказе (17,3%). Большее значение социокультурных причин (неприятие культуры и ценностей других народов, враждебность и предубеждение к другим народам) было отмечено нерелигиозными молодыми людьми, русскими и православными. Территориальные конфликты и земельные споры в качестве причины напряжённости выделяют респонденты из числа народов Северного Кавказа (32,7%). Для русских это менее значимая причина (21,9%). Это косвенно свидетельствует о важности для северокавказских народов «родной земли». На сегодняшний день территориальные претензии, несмотря на внешнюю стабилизацию, сохраняют конфликтогенный потенциал. Нет больших различий между группами респондентов в оценках значимости таких причин как социальное и экономическое неравенство, носящее этнический характер, последствия нестабильности и вооружённых конфликтов постсоветского периода и советской национальной политики на Северном Кавказе (см. табл. 2). Можно утверждать,

если в 1990-е гг. и начале 2000-х гг. основными причинами межнациональной напряжённости были социально-политические и этнополитические, то на сегодняшний день формируется тенденция к перетеканию «поля конфликтности» из этнополитической в социокультурную сферу. Эмоционально-психологические и ценностно-культурные причины для молодёжи имеют большую значимость, чем социально-экономические и этнополитические. Это подтверждается и результатами предыдущих исследований авторов [19].

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является основными причинами межнациональной напряжённости на Северном Кавказе?»,

% от числа опрошенных

Что, на Ваш взгляд, является основными причинами межнациональной напряжённости на Северном Кавказе?	Национальность		Вероисповедание			Всего, n = 1400
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам	Ни к какому вероисповеданию	
Неприятие культуры и ценностей других народов	54,1	49,8	52,2	46,9	58,4	51,2
Враждебность и предубеждение к другим народам	54,8	46,2	52,6	43,2	56,6	50,3
Радикальный национализм	30,2	27,6	29	24,7	34,3	29
Территориальные конфликты и земельные споры	21,9	32,7	25,5	30,5	23,1	26,8
Социальное и экономическое неравенство, носящее этнический характер	22,1	21,3	25,5	16,1	21,3	21,6
Последствия нестабильности и вооружённых конфликтов постсоветского периода	19,8	16	19,1	16,1	18,9	18,4
Последствия советской национальной политики на Северном Кавказе	15,7	18,4	15,9	18,3	17,5	17,3

Значимым для определения состояния межэтнических отношений является и личный опыт участия респондентов в конфликтах. Для этого молодым людям было предложено ответить на вопрос «Сталкивались ли Вы с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была Ваша национальность?». Ответы распределились так: 65% респондентов ответили «нет» и лишь 21,9% — «да». С подобными конфликтными ситуациями больше сталкивались молодые люди, относящие себя к северокавказским народам (25,7%), чем русские (17,3%) (см. рис. 3). Можно предположить, это связано с тем, что опрос проводился в Ставропольском крае, где большинство населения этнические русские. В целом отсутствие опыта участия абсолютного большинства респондентов, независимо от национальности, в таких конфликтах говорит о стабилизации межэтнических отношений и низком уровне конфликтности в полиэтничной молодёжной среде.

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Сталкивались ли Вы с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была Ваша национальность?», % от числа опрошенных

Для уточнения потенциальной конфликтности межэтнических отношений среди молодёжи и мобилизационного потенциала этничности респондентам был задан вопрос «Считаете ли Вы возможным для себя принять личное участие в конфликте в интересах людей своей национальности?». В ответах две трети опрошенных указали, что не готовы принять личное участие — 64,9% (ответы «нет», «скорее нет» и «затрудняюсь ответить»), треть опрошенных (35,1%) считает возможным принять личное участие в таких конфликтах. Больше всего готовы принять участие в конфликтах респонденты из числа народов Северного Кавказа (45,2%) и мусульмане (44,5%), чем русские (24,9%) и православные (31,8%) (см. рис. 4). Потенциальная конфликтность и мобилизационный потенциал этничности значителен, сохраняется его зависимость от национальной принадлежности молодых людей. Это говорит о существовании рисков конфликтности межэтнических отношений в полиэтничной молодёжной среде.

Опрос показал наличие потенциальной конфликтности и мобилизационного потенциала конфессиональной идентичности. Так, две трети опрошенных не считают возможным для себя принять личное участие в конфликте в интересах своей религиозной общины — 66,2% (ответы «нет», «скорее нет» и «затрудняюсь ответить»), 33,8% считают возможным своё личное участие (ответы «да» и «скорее да»). Больше всего в конфликтах в интересах своей религиозной общины готовы

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы возможным для себя принять личное участие в конфликте в интересах людей своей национальности?», % от числа опрошенных

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы возможным для себя принять личное участие в конфликте в интересах своей религиозной общины?», % от числа опрошенных

принять участие мусульмане (52,9%) и народы Северного Кавказа (46,1%). Среди русских (21%) и православных (27,3%) потенциальная конфликтность конфессиональной идентичности значительно ниже (см. рис. 5).

Совокупные ответы и оценки респондентов свидетельствуют о сохраняющейся стабильности межэтнических отношений и низком уровне межнациональной напряжённости на Северном Кавказе. Однако этническая и религиозная идентичность является сформированной и значимой для молодых людей. Сохраняется и потенциальная готовность принять личное участие в конфликтах в интересах своей национальной и религиозной общности, особенно среди северокавказской молодёжи и мусульман.

Выводы. Результаты исследования показали, что уровень межнациональной напряжённости на Северном Кавказе в представлениях респондентов оценивается как низкий. Абсолютное большинство опрошенных молодых людей проблему в общении, взаимодействии людей разных национальностей считают несущественной и не сталкивались с конфликтными ситуациями по причине национальности. Различия в оценках между русскими и народами Северного Кавказа, православными и мусульманами незначительны. При этом потенциальная конфликтность и мобилизационный потенциал этничности существует, сохраняется его зависимость от национальной принадлежности молодых людей. Это говорит о наличии рисков конфликтности межэтнических отношений в полиэтничной молодёжной среде. Так, треть опрошенных считает возможным принять личное участие в конфликтах в интересах своей национальной и конфессиональной общности. Большую готовность принять участие в таких конфликтах отмечают респонденты из числа народов Северного Кавказа и мусульман.

Большинство опрошенных в качестве основных причин межнациональной напряжённости на Северном Кавказе выделяли социокультурные: неприятие культуры и ценностей других народов, враждебность и предубеждение к другим народам. Гораздо меньшее значение в представлениях молодых людей имеют этнополитические причины: радикальный национализм, территориальные конфликты и земельные споры, социальное и экономическое неравенство, носящее этнический характер, последствия нестабильности и вооружённых конфликтов постсоветского периода и советской национальной политики на Северном Кавказе. Можно говорить, что в настоящее время формируется тенденция перехода

«поля конфликтности» из этнополитической в социокультурную сферу. В представлениях респондентов преобладают эмоционально-психологические и ценностно-культурные причины конфликтности.

Молодёжь региона в большинстве своём идентифицирует себя с гражданами России, при этом сохраняется большее значение этнической и конфессиональной идентичности для северокавказской и мусульманской молодёжи. Для молодых людей, не относящих себя ни к какому вероисповеданию, общероссийская и этническая идентичность наименее значимы. Можно предположить, что в случае ухудшения социально-экономической и этнополитической ситуации в регионе возможны снижение уровня общероссийской идентичности и рост ценностно-мировоззренческой конфликтности, в том числе и межэтнической.

Латентные риски конфликтности межэтнических отношений в молодёжной среде, мобилизационный потенциал этнической и конфессиональной идентичности сохраняются. В связи с этим органам государственного управления необходимо большее внимание уделять формированию российской цивилизационной идентичности, носящей надэтнический характер и имеющей в своей основе глубинные, присущие всем народам Северного Кавказа, традиционные ценности и смыслы. Большую роль в формировании интегративных установок и гражданской консолидации играет политика памяти, опирающаяся на общую историю, её символы и достижения. Необходимо формирование в сознании молодых людей представлений о других народах и культурах как о неотъемлемых и исторически обусловленных чертах многообразия российской нации.

Библиографический список

1. Стародубровская И. В. Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа // Социология власти. 2019. Т. 31, № 1. С. 92–113. DOI [10.22394/2074-0492-2019-1-92-113](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-92-113). EDN [VZMMJW](https://www.edn.ru/VZMMJW).
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с. ISBN 5-85691-036-2.
3. Этнические группы и социальные границы : социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 198 с. ISBN 5-98379-064-1. EDN [QOFQWB](https://www.edn.ru/QOFQWB).
4. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Oslo : Universitetsforlaget, Reprint, 1969. 153 p.
5. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с. EDN [VNLTDR](https://www.edn.ru/VNLTDR).
6. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с. ISBN 5-88790-064-4. EDN [QOTVJZ](https://www.edn.ru/QOTVJZ).
7. Brubaker R. Economic Crisis, Nationalism, and Politicized Ethnicity // The Deepening Crisis: Governance Challenges after Neoliberalism / Calhoun C., Derluguian G. (eds). New York : New York University Press, 2011. P. 93–108. ISBN 978-0814772812.
8. Weber A., Hierns W., Flesken A. Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective. New York : Palgrave, 2016. 187 p. ISBN 978-1137359032.
9. Njagi S. M. The Role of Politicized Ethnicity on Conflict in Africa: A Case Study of Kenya, 1992–2013 : PhD Dissertation. Nairobi, 2018. 322 p. URL: http://erepository.uonbi.ac.ke/bitstream/handle/11295/105103/Njagi_The%20Role%20Of%20Politicized%20Ethnicity%20On%20Conflict%20In%20Africa.pdf (дата обращения: 19.07.2023).
10. Авксентьев В. А. Политизация / деполитизация этничности на Северном Кавказе: тенденции начала третьего десятилетия XXI века // Политическое пространство и социальное время: Власть символов и память поколений : Сб. науч. трудов XXXVIII междунар. харакского форума (Ялта, 02–05 ноября 2021). Симферополь : «Ариал», 2022. С. 3–8. EDN [HSQHWN](https://www.edn.ru/HSQHWN).
11. Авксентьев В. А. Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы // Вестник Российской нации. 2013. № 5. С. 88–103. EDN [RDDORZ](https://www.edn.ru/RDDORZ).

12. *Стародубровская И. В., Казенин К. И., Ситкевич Д. А.* Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 3. С. 112–137. DOI [10.18288/1994-5124-2021-3-112-137](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137). EDN [WRYNLO](#).
13. Социальные факторы межэтнической напряженности в России / К. С. Григорьева, Ю. Б. Епихина, И. М. Кузнецов [и др.]. М. : ИС РАН, 2017. 336 с. ISBN 978-5-89697-291-4. EDN [YLWVGJK](#).
14. *Maksić A.* Ethnic mobilization, violence, and the politics of affect. Palgrave Macmillan, 2017. 308 p. ISBN 978-3-319-48293-4. DOI [10.1007/978-3-319-48293-4](https://doi.org/10.1007/978-3-319-48293-4).
15. *Ачкасов В. А.* Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 2. С. 41–61. EDN [RTDAZZ](#).
16. *Калинина Е. Ю., Мухудадаев М. О., Сморгунова В. Ю.* Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей: кризис современного правосознания // Правозащитник. 2017. № 4. С. 14. EDN [YQBSYP](#).
17. *Ланкин В. В., Пантин В. И.* Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 12. С. 92–103. DOI [10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103). EDN [XHGAJJ](#).
18. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley : University of California Press, 1985. 720 p. ISBN 978-0520227064.
19. *Авдеев Е. А., Воробьев С. М.* Социокультурные основания идентичности студенческой молодежи Северного Кавказа: риски конфликтности межэтнических отношений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 1. С. 4–21. DOI [10.21638/spbu23.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101). EDN [GSUIFY](#).

Поступила: 15.07.2023. Принята: 30.08.2023.

Сведения об авторах:

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия. dgsrostov2013@gmail.com
Author ID РИНЦ: [76864](#); ORCID: [0000-0002-3671-9602](#)

Авдеев Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия.
ewg.avdeev@yandex.ru
Author ID РИНЦ: [686511](#); ORCID: [0000-0003-4004-9610](#)

Воробьев Сергей Михайлович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия.
sergey_vorobev_54@mail.ru
Author ID РИНЦ: [165159](#); ORCID: [0000-0002-8893-2595](#)

G. S. Denisova¹, E. A. Avdeev², S. M. Vorobev²¹ Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia² North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia

RISKS OF INTER-ETHNIC CONFLICT IN THE NORTH CAUCASUS IN THE PERCEPTIONS OF YOUTH

Abstract. The article analyzes the assessments and perceptions of the North Caucasus youth about the state of interethnic relations in the region. The North Caucasian region is distinguished by a high level of significance of confessional, ethnic and group identities, which creates the risk of conflict in interethnic relations. Significant differences remain in the degree of ethnic and confessional self-awareness among Russian and North Caucasian youth. The issues of compatibility of various value and socio-cultural foundations of the worldview of young people, the formation of unifying civil and cultural-civilizational foundations of the all-Russian identity are gaining importance. The purpose is to determine the conflict potential of interethnic relations in the North Caucasus in the perceptions of youth. Objectives are to identifying the causes of interethnic tension, determining the ethno-confessional factors of the conflict potential of inter-ethnic relations among young people, the degree of readiness to personally participate in ethno-confessional conflicts in the interests of their ethnic and confessional group, the significance of the main macro-identities: all-Russian, ethnic and confessional. When working on the research methodology, special attention was paid to modern Russian and foreign theoretical and methodological approaches to inter-ethnic conflicts, the role of ethno-political and economic factors of conflict potential and the determination of the causes of inter-ethnic tension in a multi-ethnic environment. Empirical data were obtained by a survey-questionnaire conducted in February-March 2023. 1,400 respondents were interviewed – students of leading universities in the North Caucasus. A sub-sampling was carried out according to nationality and attitude to religion. The level of interethnic tension in the North Caucasus is assessed by the respondents as low. At the same time, the potential for conflict and the mobilization potential of ethnicity, their dependence on national identity, remains. Most of the respondents singled out socio-cultural reasons as the main reasons for interethnic tension in the North Caucasus: rejection of the culture and values of other peoples, hostility and prejudice towards other peoples. The all-Russian identity has been formed and is significant for all groups of respondents. Ethnic and confessional identities are also of great importance for North Caucasian youth. In the North Caucasus, there remain latent risks of conflict in interethnic relations among the youth, the mobilization potential of ethnic and confessional identity. The main causes of interethnic tension are of a value-ideological nature. In the minds of young people there is a high significance, along with the all-Russian, ethnic and confessional identity. There is a tendency for the “field of conflict” to flow from the ethno-political into the socio-cultural sphere. Emotional-psychological and socio-cultural reasons for young people are of greater importance than socio-economic and ethno-political ones.

Keywords: interethnic relations; youth; North Caucasus; identity; values; risks of conflict

Acknowledgements: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 23-28-00237 “Risks of Conflict in the Transformation of the Socio-Cultural Foundations of the North Caucasus Young People’s Identity”.

For citation: Denisova G. S., Avdeev E. A., Vorobev S. M. Risks of inter-ethnic conflict in the North Caucasus in the perceptions of youth. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):185–199. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.11>

References

1. Starodubrovskaya I. V. Intergenerational Relations and Social Transformations: The Case of North Caucasus. *Sociology of Power*. 2019;31(1):92–113. (In Russ.). DOI [10.22394/2074-0492-2019-1-92-113](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-92-113).
2. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russ.). ISBN 5-85691-036-2.

3. Barth F., ed. *Ethnic Groups and Boundaries*. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2006. 198 p. (In Russ). ISBN 5-98379-064-1.
4. Barth F. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Oslo: Universitetsforlaget, Reprint; 1969. 153 p.
5. Bromley Yu. V. *Essays on the theory of ethnos*. Moscow: Nauka; 1983. 412 p. (In Russ).
6. Drobizheva L. M. *Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia*. Moscow: Centr obshchechelovecheskikh cennostej; 2003. 376 p. (In Russ). ISBN 5-88790-064-4.
7. Brubaker R. *Economic Crisis, Nationalism, and Politicized Ethnicity*. In: Calhoun C., Derluigiian G., eds. *The Deepening Crisis: Governance Challenges after Neoliberalism*. New York: New York University Press; 2011. P. 93–108. ISBN 978-0814772812.
8. Weber A., Hiers W., Flesken A. *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*. New York: Palgrave; 2016. 187 p. ISBN 978-1137359032.
9. Njagi S. M. *The Role of Politicized Ethnicity on Conflict in Africa: A Case Study of Kenya, 1992-2013*. PhD Dissertation. Nairobi; 2018. 322 p. Available at: http://erepository.uonbi.ac.ke/bitstream/handle/11295/105103/Njagi_The%20Role%20Of%20Politicized%20Ethnicity%20On%20Conflict%20In%20Africa.pdf (accessed: 19.10.2023).
10. Avksentiev V. A. *Politicization / depoliticization of ethnicity in the North Caucasus: trends at the beginning of the third decade of the 21st century*. In: *Political space and social time: Power of symbols and memory of generations : Coll. of scientific papers of the XXXVIII Intern. Harak forum*. Simferopol: "Arial"; 2022. C. 3–8. (In Russ).
11. Avksentiev V. A. *Identification of ethnic conflict as a problem of ethnoconsulting and ethnoconflictological expertise*. *Bulletin of the Russian nation*. 2013;(5):88–103. (In Russ).
12. Starodubrovskaya I.V., Kazenin K.I., Sitkevich D. A. *Northern Caucasus: Choosing Strategic Landmarks*. *Ekonomicheskaja politika=Economic policy*. 2021;16(3):112–137. (In Russ). DOI [10.18288/1994-5124-2021-3-112-137](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137).
13. Grigor'eva K. S., Epikhina Yu. B., Kuznetsov I. M. [et al.]. *Social factors of interethnic tension in Russia..* Moscow: IS RAS; 2017. 336 p. (In Russ). ISBN 978-5-89697-291-4.
14. Maksić A. *Ethnic mobilization, violence, and the politics of affect*. Palgrave Macmillan; 2017. 308 p. ISBN 978-3-319-48293-4. DOI [10.1007/978-3-319-48293-4](https://doi.org/10.1007/978-3-319-48293-4).
15. Achkasov V. A. *Ethnopolitical conflict as a result of social problems' ethnisation*. *Political expertise: POLITEX*. 2013;9(2):41–61. (In Russ).
16. Kalinina E. Yu., Mukhudadayev M. O., Smorgunova V. Yu. *Ethnopolitical conflict as a conflict of identities: the crisis of modern legal awareness*. *Pravozašitnik*. 2017;(4):14. (In Russ).
17. Lapkin V. V., Pantin V. I. *Ethno-Political Conflicts in the Post-Soviet Space: the Role of Foreign Policy Factors*. *World Economy and International Relations*. 2016;60(12):92–103. (In Russ). DOI [10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103).
18. Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press; 1985. 720 p. ISBN 978-0520227064.
19. Avdeev E. A., Vorobeв S. M. *Socio-cultural bases of the North Caucasus student youth identity: risks of conflict in inter-ethnic relations*. *Political expertise: POLITEX*. 2023;19(1):4–21. (In Russ). DOI [10.21638/spbu23.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101).

Received: 15.07.2023. Accepted: 30.08.2023.

Information about the authors:

Galina S. Denisova, Doctor of Social Science, Professor, Professor of the Department of National History of the XX-XXI centuries, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. dgsrostov2013@gmail.com
ORCID: [0000-0002-3671-9602](https://orcid.org/0000-0002-3671-9602)

Evgenij A. Avdeev, Candidate of Philosophical Science; Associate Professor of the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University. Stavropol, Russia.
ewg.avdeev@yandex.ru
ORCID: [0000-0003-4004-9610](https://orcid.org/0000-0003-4004-9610)

Sergej M. Vorobeв, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University. Stavropol, Russia.
sergej_vorobeв_54@mail.ru
ORCID: [0000-0002-8893-2595](https://orcid.org/0000-0002-8893-2595)

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук

Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ и перечень ВАК.

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте

<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

2023. Том 29. № 3. Дата выхода в свет: 05.10.2023.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru